

ISSN 0320-1031

РОССИЯНЕ

3/4 • 92

Театр Казачьей песни (г. Волгоград) — участник слета «Единение» в городе Челябинске (1991 г.). Материалы о слете читайте в одном из ближайших номеров журнала.

*Хоть вспомним ли, что это слово — братья —
Всех слов земных дороже и святей?*

Алексей ХОМЯКОВ

РОССИЯНЕ

3/4 • 92

**Выходит
с 1977 года**

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Владимир ФИРСОВ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Анатолий БОГДАНОВИЧ —

первый заместитель
главного редактора,

Нил ГИЛЕВИЧ,

Геннадий ГУСЕВ,

Виктор ДУНЬКО —

ответственный секретарь,

Игорь ЖЕГЛОВ —

заместитель главного редактора,

Всеволод КУЗНЕЦОВ,

Иван САВЕЛЬЕВ,

Василий САДКОВСКИЙ —

первый заместитель

главного редактора,

Надежда ЧИЖОВА,

Михаил ЧИСЛОВ,

Лев ШАПКИН

Мнения авторов, выступающих в нашем издании, необязательно совпадают с точкой зрения редакции. Предлагаем высказывать на наших страницах иные убедительные суждения.

Перепечатка возможна только с разрешения редакции журнала.

УЧРЕДИТЕЛИ: ЦК РСМ, АО «Молодая гвардия» и трудовой коллектив журнала «Россияне»

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

БУДУЩЕЕ «РОССИЯН» — ЗА ВАМИ!

Дорогие друзья!

Волею судеб все мы оказались выброшенными в жизнь, которую называют «рыночные отношения», но которая очень похожа на простой базар. В этом суматошном, ненадежном мире всем нам пребывать тяжело, а сегодня встал вопрос о том, быть или не быть нашему с вами журналу «Россияне».

Новые экономические условия, в которые вошла наша страна, в том числе периодическая печать, дают нам возможность выпустить в нынешнем году вместо 12 только 6 номеров «Россиян». «Союзпечатью» было предложено, и мы пошли на это — провести дополнительную подписку на второе полугодие с. г. с тем, чтобы собрать от вас, читатели, необходимое количество средств на дальнейшее издание журнала.

В связи с этим хотим вам сообщить, что дополнительная подписка на наш журнал будет проходить в мае во всех отделениях «Союзпечати».

По сути же, направленность, ориентир нашего издания остается прежним. Это — внимание к заботам, духовным проблемам человека сегодня. Это — стремление помочь каждому сохранить в себе, несмотря на перипетии нынешней жизни, стойкость, мужество, высокие нравственные качества, чем всегда славился наш народ. Это — посильный вклад в восстановление жизнеспособности нашего Отечества. Мы будем публиковать произведения, которые, очень надеемся, пригодятся вам сегодня, а может быть, вы и сохраните их на будущее. Так, например, из номера в номер будет печататься энциклопедия траволечения — «Полный Русский иллюстрированный Словарь-Травник и Цветник». Мы предложим вам очень интересную прозу царского генерала Краснова. Конечно, продолжим выпуск «Славянской тетради», где будут представлены нетленные скрижали Русского православия. Нам также хотелось бы опубликовать очередные страницы большого труда «Путешествие в «Четвертое измерение», автор которого — известный болгарский экстрасенс, доктор наук Тодор Дичев.

Словом, планы большие. Но — прямо скажем — они осуществляются только благодаря вам, если вы поддержите «Россиян», если подпишетесь на журнал на второе полугодие нынешнего года.

Редакционный коллектив «Россиян»

Борис БОНДАРЕНКО

Зга

РОМАН

Через неделю Владимир Александрович встретил ее цветами, бутылкой замороженного шампанского и — земляникой со сливками.

— Какой-нибудь праздник? — догадалась Ксения.

— Да, девочка, праздник. Сегодня твоему отцу исполнилось бы шестьдесят лет.

Ксения растерянно села. Почему ей даже в голову не пришло спросить, когда родился отец?

— Так вот почему вы спрашивали меня шесть лет назад, люблю ли я землянику со сливками...

— Да.— Владимир Александрович осторожно открыл бутылку, налил шампанское в хрустальные бокалы.— Это блюдо было у него из любимых и, естественно, стало любимым и для меня... Ну что, девочка, давай выпьем за твоего отца и моего старшего брата, князя Петра Григорьевича В...ского, человека большой русской души, сложившего голову при защите Отечества.

Они выпили стоя.

Серебряная ложка придавала землянике со сливками какой-то особый, неповторимый вкус. Владимир Александрович, вытирая салфеткой губы, сказал:

— Там, за колючей проволокой, меня чаще всего одолевали два желания — поесть земляники со сливками и поговорить с кем-нибудь по-французски. При всей моей любви ко всему русскому я очень люблю и этот язык. Он изящен, гибок, деликатен — и в то же время точен и строг, недаром это любимый язык математиков и философов. Но если первое мое желание,— он кивнул на землянику,— было абсолютно неосуществимо, то второе однажды исполнилось, минут пятнадцать я по-французски говорил. К сожалению, пришлось с этим человеком порвать.

— Почему?

— Он оказался натуральным шпионом, достаточно мелким, чтобы его не поставили к стенке. Редчайший случай, когда наказание отбывалось по заслугам. Почему ты так плохо ешь? Невкусно?

— Ну что вы... Вкусно, конечно. Очень... Я все вспоминаю, как вы тогда спросили об этом. И так жалко, что шесть лет потеряны напрасно.

- А ты уверена, что тогда смогла бы понять все как надо?
- Да.
- Сейчас и мне так кажется, но тогда... Я ведь мог судить о тебе только по рассказам Евгении Федоровны.
- И что она говорила?
- Да что особенного она могла сказать... Что ты очень послушная девочка, круглая отличница, готовишься вступить в комсомол.
- В комсомол я не так уж и рвалась. Все вступали.
- Владимир Александрович невесело усмехнулся.
- Вот в том-то и дело, что все, девочка. Был у вас в классе хоть один некомсомолец?
- По-моему, нет.
- И что, все тридцать человек жаждали непременно быть в передовых рядах советской молодежи, строителей коммунизма?
- Да многие об этом, по-моему, просто не думали, писали заявление чуть ли не под диктовку.
- А вот они об этом думали.
- Кто — они?
- Сейчас поймешь. Они великолепно отшлифовали эту беспримысленную систему. Если ты не как все — ты изгой. А быть изгоем — для этого надо иметь большое мужество. Борьба со стадным инстинктом в подавляющем большинстве случаев обречена на поражение. Этот инстинкт повелевает немедленно вышвырнуть паршивую овцу из стада, чтобы зараза не распространилась на всех. И с точки зрения стада это разумно и справедливо, гибель отдельных особей во имя сохранения вида запрограммирована природой. А ты к этому времени все свои четырнадцать лет прожила в стаде и о другой жизни не помышляла. Надеюсь, это не звучит для тебя обидно?
- Нет, конечно. А мама тоже так думала?
- Екатерину Федоровну больше беспокоило другое — что об этом могут узнать.
- Но ведь это был... уже пятьдесят шестой год.
- И что? Ты думаешь, он многое изменил?
- Разве нет?
- Да, по форме это могло выглядеть чуть ли не революцией. Впервые за все годы существования советской власти было публично признано, что во главе государства стояли преступники. Но давай посмотрим, что произошло дальше. Прошло всего шесть лет — и что же? Разве Новочеркасск — не преступление? Пусть несравнимо меньшее по масштабам, чем сталинские и бериевские, но — по сути? Стрелять в безоружный народ, в детей, в женщин — это не преступление? — настойчиво повторял Владимир Александрович. — И разве молчание правительства об этом преступлении не говорит само за себя?
- Но почему это могло произойти?
- Он помолчал, закуривая.
- Что-то подобное рано или поздно должно было произойти. И будет происходить впредь.
- Но почему, почему?
- А почему нет?
- Не понимаю.
- Ладно, девочка, оставим этот разговор. В конце концов, мы собрались по другому поводу. — Он налил шампанское, поднял свой бокал. — За тебя, Ксения. За то, чтобы не прервался род В...ских на русской земле. Хотя

бы и по женской линии...— Он улыбнулся.— По старым понятиям это не совсем то, твои дети не будут считаться прямыми наследниками, но других ждать не от кого.

— Спасибо... А за границей есть потомки?

— О, там их сколько угодно,— небрежно сказал Владимир Александрович.— И во Франции, и в Англии, и в Америке, и, насколько мне известно, даже в Австралии. Но они не в счет. Я вовсе не осуждаю тех, кто уехал, их правота хотя бы в том, что они остались живы. Но В...ские всегда были прежде всего русскими, жили только на русской земле,— даже если годами, как мой отец, путешествовали за границей,— служили только России, и вне России они никогда ничего не значили. И не могут значить. Пусть и не по своей вине, но они,— я имею в виду уехавших,— вычеркнуты из русской истории. Ни одно дерево не может жить без корней... даже родословное,— чуть усмехнулся Владимир Александрович.— А корни остались здесь, в России. Пересадить можно годовалый саженец, но не восьмисотлетний дуб. Если корни обрублены, такой дуб может простоять еще не один год, пусть и засохший, но в конце концов рухнет. Там, за границей, они еще тешат себя иллюзиями, что дуб стоит и даже дает молодые побеги. Старики ходят в православные храмы, детей учат в русских школах, но пройдет еще пятьдесят, сто лет — и от рода В...ских не останется никого и ничего, разве что фамилии, да и те будут звучать на иноземный лад. Побегии зачахнут, молодые поколения растворятся в массе французов, англичан, американцев, перестанут учить русский язык, забудутся обычаи. Это неизбежно и, наверно, даже правильно, исторический опыт Соединенных Штатов слишком убедителен. Триста лет назад там были англичане, шотландцы, ирландцы, французы, немцы, итальянцы, но уже давно существует единая американская нация, говорящая на одном языке, живущая по единым законам и обычаям. Потому что все эти народы и языки удалось объединить общей идеей — создать самое могущественное, самое богатое и самое свободное государство в мире.

— Самое свободное? — удивленно спросила Ксения.

— Да, я не оговорился,— самое свободное. Они его не создали, но продвинулись к этой цели, пожалуй, больше других.

— А расизм? Преступность? Там этого нет?

— Есть... Как есть и у нас, и в любой другой стране. Только мы об этом молчим, а они предпочитают говорить вслух. Я по ночам иногда слушаю их радио. Разумеется, не «Голос Америки», а их домашние, для внутреннего пользования, передачи, и там бывают факты похлеще, чем те, которые мы так любим приводить в рубриках «Их нравы». Они, в отличие от нас, привыкли говорить о себе правду, какой бы горькой и жестокой она ни была. Они хорошо усвоили простенькую и вроде бы очевидную истину — чтобы вскрыть гнойный нарыв, его надо сначала обнажить, в каком бы неприличном месте он ни находился... А мы если и пытаемся лечить раковую опухоль, то в лучшем случае таблетками аспирина. А вообще-то предпочитаем делать вид, что здоровье у нас цветущее,— мы же еще ходим, едим-пьем, как-то работаем... Мы усыпляем себя сказочками о том, что человек — прекрасное, самое совершенное творение природы, и потому беспокоиться особенно и не о чем, все образуется само собой... Увы, все это очень далеко от истины. Человеческая цивилизация находится, по существу, еще в зачаточном состоянии, несмотря на наши космические успехи. И ни одно человеческое сообщество не может пока надежно оградить себя от преступников, сумасшедших, алкоголиков, наркоманов, сексуальных маньяков, дебилов, людей нравственно ущербных, да и просто невежественных

и безграмотных, от узколобых генералов в мундирах и без, мечтающих о мировом господстве... Что делать, человек хотя и является творением божьим, но все же существо крайне несовершенное. Но и в этом несовершенстве есть глубокий и необходимый смысл.

— Смысл... в несовершенстве?

— Конечно. Иначе — что? — Владимир Александрович выжидающе смотрел на нее. — Необходимое условие существования всякой системы, — будь то отдельный организм, человеческое сообщество или звездное скопление, — движение. Этому-то вас учили, хотя бы и в рамках так называемой марксистско-ленинской философии?

— Этому-то учили, — со вздохом сказала Ксения.

— Ясно, — с улыбкой сказал Владимир Александрович. — Но ты полагаешь, что медику знать такие вещи необязательно.

— Да нет, просто большого желания к таким научным подвигам не испытываю.

— И это понять можно. Партийные деятели втиснули классическую философию в рамки своей идеологии — и уже одним этим отбили всякую охоту изучать ее... Хорошо, вернемся к нашим несовершенствам. Грубо говоря, совершенство — такое состояние системы, когда любое изменение ее, — а стало быть, и самое малое движение, — ведет к дисгармонии, к ухудшению, то есть к движению вспять, к регрессу. Но нельзя немножко двинуться вспять и тут же снова вернуться в состояние совершенства. Во-первых, такое движение лишено смысла, — а природа, несмотря на ее кажущуюся безынтеллектуальность, все же разумна, а во-вторых, чтобы изменить направление движения системы, нужны, как правило, значительные противодействующие силы или, на худой конец, то, что в физике принято называть возмущениями. Термин, я думаю, понятен...

Ксения хмыкнула.

— Хороший термин.

— Привыкай. Из вышеизложенного следует, что всякая совершенная система либо должна тотчас скончаться по достижении одного совершенства, либо немедленно начать деградировать. Но, к сожалению, — а в конечном итоге к счастью, — никакое совершенство, даже самое приблизительное, нам в ближайшие несколько тысяч лет не грозит.

— Значит, и деградация тоже?

— А вот этого, к сожалению, сказать нельзя. Потому что один из основополагающих законов, по которым устроен мир, — это закон симметрии и вытекающая из него изотропность всякого движения. Эти термины тебе что-нибудь говорят?

— Ну, о симметрии я еще какое-то понятие имею, а изотропность...

— Изотропность — равноправие всякого направления движения. Например, солнечное излучение одинаково во всякой равноудаленной от солнца точке. В идеале, конечно, — протуберанцы и солнечные пятна к некоторым нарушениям этой изотропности приводят, впрочем, не слишком значительным. Абсолютным воплощением симметрии и изотропности можно считать идеально гладкий шар, именно поэтому он — единственное реальное физическое тело, обладающее бесконечным количеством степеней свободы. Это термин из классической механики, но применим и к другим областям науки. Например, электрон, находящийся в электрическом поле, имеет одну степень свободы — он неизбежно должен двигаться от отрицательно заряженного электрода к положительному. Хотя в обиходе все наоборот, считается, что ток идет от плюса к минусу, это уже исторически так сложилось. Да и вообще плюс и минус — понятия также относитель-

ные, и, собственно, для возникновения тока не нужно никаких плюсов и минусов, главное — разность потенциалов, ибо ток, возникающий между источниками напряжения в триста и двести вольт, качественно ничем не отличается от тока между источниками минус триста и минус двести вольт. За исключением одной малости — направления... Это не слишком непонятно?

— Да нет, как раз все понятно, школьную физику я еще не совсем забыла.

— Но если перенести эту аналогию на человеческое общество... а такое перенесение, как мне кажется, вполне уместно, потому что мир в конечном счете управляется по единым законам... мы неизбежно приходим к неутешительному выводу: существование зла столь же законно и правомерно, как и существование добра, и, следовательно, стремление к абсолютному злу, в принципе, столь же оправданно, как и стремление к абсолютному добру. Увы, закон симметрии срывается и в этом случае... И, в сущности, ни одно из существующих философских и религиозных учений не дает сколь-нибудь убедительных доказательств того, что мир должен развиваться по законам добра и справедливости, а не по законам зла и насилия. Даже величайшее из этих учений — христианское...

Ксения взглянула на иконы, перевела взгляд на Владимира Александровича.

— И все-таки вы... верите?

— Да. Ты хочешь спросить, как это уживается во мне — вера и сомнение?

— Ну... примерно.

Он помолчал.

— Это разговор особый и долгий, как-нибудь после... К сожалению, история никак не опровергает этого неутешительного вывода, скорее — подтверждает. Только одна цифра способна привести в уныние — летописи с древнейших времен до наших дней зафиксировали свыше четырнадцати тысяч войн.

— Так много? — поразились Ксения.

— Да. И с каждым столетием это все более жестокие войны. Что движет ими? Марксистско-ленинские объяснения с экономических позиций ничего, в сущности, не объясняют. Это все равно, что сказать — тифозный больной умер от того, что у него поднялась температура за сорок. Если попытаться объяснить причины войн, насилий и жестокостей одним словом, то это слово должно звучать так: власть. И видимо, только оно может служить наиболее полным и исчерпывающим синонимом слова «зло». — Владимир Александрович помолчал. — Есть такой расхожий, несколько ернический афоризм: «Всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». В этом афоризме есть своя жестокая логика и правда. Человек, возжаждавший власти, пусть для начала самой малой, уже никогда не сможет остановиться. Власть никогда не может быть слишком много — ее всегда мало. А так как достичь абсолютной власти практически невозможно, то конец всегда, в сущности, один: либо преждевременная физическая гибель, — например, Гитлер, — либо моральная деградация, полное разрушение личности. Примеров тому множество, самый близкий для нас — и по времени, и по сути — Сталин. К концу жизни власть его практически безгранична, и что же? Властелин полумира боялся всего и вся, прятался за бронированными дверями, ел только специально приготовленную подконвойную пищу, он был абсолютно одинок. Вот тебе и властелин... С одной стороны, главный тюремщик одной шестой части зем-

ного шара, превращенной в концлагерь, а с другой — добровольный зек, заточенный в камеру-одиночку. Жалкая участь... Он и умер как-то по-собачьи. Вероятно, когда его хватил кондрашка, ему еще можно было помочь. Но пока заметили, что он не берет поднос с едой, пока собирали Политбюро и совещались, пока взрезали автогеном бронированную дверь, времени много ушло. Даже в точной дате смерти ему, видимо, было отказано. Он, судя по всему, умер не пятого марта, а второго, но его лакеи не решились сразу объявить, еще три дня гоняли по радио траурную музыку и читали фальшивые сводки о состоянии здоровья дорогого и любимого Отца Народов...

— Я помню. У нас тогда занятия в школе отменили.

— А сколько раз еще повторится на земле эта грустная история... Ну да бог с ним, со Сталиным, он свою собачью участь заслужил. Хотя тут, конечно, уместнее сказать «черт с ним»... Но какой страшной ценой достигнуто это властелинство... Десятки миллионов загубленных жизней — расстрелянных, замученных пытками, умерших от голода, непосильной работы, болезней. А оставшиеся в живых? Они тоже могут — и должны — предъявить свой счет. Раствление террором, страхом, отнятием веры, — я имею в виду не только веру в Бога, хотя и это преступление — не из самых малых, которое следует предъявить большевикам. Человек не может жить без веры. А во что верит сейчас так называемый советский народ?

— Почему так называемый?

— Да потому что советского народа нет! — Владимир Александрович даже как будто слегка рассердился на нее. — И не может быть! Это фантом, нонсенс! Есть русский народ, есть грузинский, армянский, десятки других народов, живущих в России, но советского народа нет и не может быть! Это великое слово — «народ»! От слова «род», «родиться», и «родина» — отсюда же! Большевики, Советы, КПСС — какое отношение они могут иметь к народу, родине? Сегодня они есть, завтра их нет, но народ всегда будет! Что такое сорок пять лет большевистской власти по сравнению с тысячелетием российской государственности?

— Вы думаете, они эту власть потеряют?

— А ты думаешь, они сели навечно?

— Да я как-то... ничего не думала.

— Это тебя не красит, девочка... Думать надо. Само собой ничего не делается... и не понимается. Я говорил об американской идее — но была и есть, конечно же, и русская идея. В семнадцатом году большевики перебили ей хребет, но она не умерла и со временем возродится, не может не возродиться...

— И в чем же, по-вашему, эта идея?

— Это не по-моему, девочка, русская идея формировалась десятками выдающихся умов России, но их имена ныне либо никому не известны, либо предаются анафеме, хотя ни одной строчки из их трудов большевики, как правило, не публиковали. Но это так на них похоже... Ведь они давно объявили, что общечеловеческие ценности, — а стало быть, и понятие о научной этике, — буржуазные предрассудки и подлежат замене понятиями классово-коммунистическими. А эти понятия, с их точки зрения, предельно просты и понятны, — что для большевиков хорошо, то и нужно народу, и нечего засорять пролетарские мозги сочинениями всяких там реакционных философов, пусть все принимают на веру, что они — бляки. Вступи сейчас кто-нибудь из наших псевдофилософов в заочный спор, скажем, с Бердяевым, я был бы очень удивлен. Бертран Рассел писал, что философия, заранее отвергающая какую-то точку зрения, философией называться не может. Но марксисты-ленинцы именно таковы. Идеализм у них реакционен,

так сказать, по определению, — так что незачем и вступать в спор с идеалистами. Бога нет? Ну и тут, стало быть, нет предмета для обсуждения... А о русской идее... Тебе надо сначала прочесть кое-что, того же Бердяева, потом поговорим... Жаль только, что мне не суждено дожить до возрождения ее. Будем надеяться, что хотя бы ты дождешься лучших времен.

— И долго придется ждать?

— Долго? Что такое несколько десятков, — да даже и сотен, — лет для Истории, если величать ее с большой буквы? Мгновение, даже половина его, четверть.

Ксения покачала головой.

— Но каждый отдельный человек живет не для Истории.

— Разумеется. Увы, в этом трагедия всех, кому выпадает жребий жить во времена смут, диктатур, деградаций... И наша с тобой тоже.

— Смуты и диктатуры у нас уже были. Значит, предстоит деградация?

— Она уже идет. В дипломатическом мире мы официально имеем статус великой державы. Но в чем вообще заключается величие державы? В одержанных военных победах? Да, по первому взгляду разгромить фашизм могла только, несомненно, великая держава. А по второму, более верному, — великий народ. А понятия «держава» и «народ» — далеко не синонимы. А чем определить величие державы в мирное время? Количественно солдат, танков, самолетов, ракет, ядерных бомб? Если так, то мы, конечно, все еще велики... Но не может быть великой держава, подданные которой бедны, угнетены страхом и мраком невежества. Ведь мы, в сущности, отлучены от мировой культуры, а в значительной мере и от нашей отечественной и, главное, от российской истории, которая бездарно переписывается всякий раз в угоду очередному правителю... Вместо хлеба насущного, всякой духовности нас пичкают суррогатами соцреализма, идеологизированной мифологии, сплошь основанной на постулатах тоталитаризма. — Владимир Александрович повел рукой на книжные полки. — Ты удивляешься тому, что о большинстве авторов этих книг даже не слышала. Но чему тут удивляться? Эти книги практически никому не доступны. А ведь это, я уже говорил, лишь малая часть библиотеки, вполне обычной когда-то для российского интеллигента. Нас лишили исторической памяти. Не издается девяносто девять книг из ста, составляющих золотой фонд мировой литературы, начиная от величайшего творения всех времен и народов — Библии — и кончая многочисленными современными писателями, философами, историками. Мало того — уничтожено практически все, что было издано до октябрьского переворота. С первых лет советской власти по всем библиотекам, за исключением очень немногих, вроде нынешней так называемой Ленинской, рассылались проскрипционные списки книг, подлежащих уничтожению. Не десятки, не сотни — тысячи наименований! И кто подписывал эти списки, кто решал, что можно читать советскому народу, а что нельзя? Среди прочих незнаемых чиновников, затерявшихся в нетях, — бывшая рядовая учительница, а в те годы член коллегии Наркомпроса, возглавляемого бездарным графоманом Луначарским, лучший друг советских детей Надежда Константиновна Крупская... Потом, очевидно, им показалось слишком обременительным возиться с этими списками, ведь что-то, наверно, надо было и прочесть, чтобы убедиться в злобности сочинения, и они решили одним махом избавиться от наследия проклятого царизма. Решение нашли простое до гениальности...

Владимир Александрович разлил остатки шампанского, закурил и продолжал:

— В перерыве между двумя посадками меня сослали в Красноярский

край. Городишко маленький, типичная уездная глушь, да еще сибирская, но библиотека превосходная, я бывал там почти каждый день. И однажды прихожу, смотрю, — на дворе, возле уборной, полыхает огромный костер... Из книг. Подхожу ближе — и с ужасом вижу: горит Толстой. А рядом дожидается своей очереди Тургенев. Первым моим движением было, естественно, спасти книги. Набрал охапку, но тут же был остановлен служителями советской культуры. Книги отобрали, бросили в огонь. С немалым трудом удалось мне добиться объяснения этому необъяснимому варварству. Оказывается, поступило из крайпроса распоряжение: списать и сдать в макулатуру все книги, напечатанные с дореволюционной орфографией. И даже обоснование такой акции приводилось. Как ты думаешь, какое?

Ксения пожала плечами.

— Трудно даже... представить.

— А они представили. Оказывается, новому советскому читателю не под силу совладать с ятиями и ерами, надо избавить его от этого тяжелого труда, тем более что и помещение библиотеки стало слишком тесным и надо освободить ее от всякого хлама... А библиотека-то, кстати, была построена в дар родному городу местным купцом-миллионером, он же годами и пополнял ее, закупая книги тысячами... И было сожжено более шести тысяч томов. Сгорели в одном огне и «реакционный» Ницше, и демократы Белинский и Писарев, и герценовский «Колокол», разбудивший Россию, и собрания сочинений Толстого, Достоевского, Чехова, Тургенева. И это, как я потом узнал, отнюдь не было самодурством местных властей, костры полыхали всюду, макулатурные конторы не могли справиться и с самой ничтожной долей огромного книжного богатства, а всякое указание сверху надлежало исполнять немедленно... Старые книги горят плохо, издавались они добротнo, на плотной бумаге, в твердых переплетах, и промучились бедные работники культуры целую неделю, пока удалось им сжечь эти шесть тысяч томов... А освободившиеся полки были торжественно уставлены обильно изданными и переизданными гладковским «Цементом», «закалившейся сталью» Островского, агитационными виршами Маяковского и Бедного Демьяна... А сейчас мы, обличая преступления фашистов, не преминем упомянуть среди их злодеяний и такое — что они публично жгли на площадях сочинения прогрессивных немецких писателей. А какая смерть для книги благороднее — сгореть на площади или на помойке возле отхожего места? — с горьким сарказмом спросил Владимир Александрович. — Ну ладно, это было при Сталине, на него можно теперь все свалить. А многое ли изменилось сейчас, тридцать лет спустя? Да, книги уже не жжем, — открыто, по крайней мере, — пускаем под нож или упрятываем в спецхраны. И селекция стала не стихийная, а продуманная, целенаправленная. Издаем миллионными тиражами очень посредственного английского писателя Олдриджа и многотомную графоманскую эпопею Арагона «Коммунисты», — потому что авторы этой псевдолитературы сами коммунисты и «большие друзья Советского Союза», как их величают почти официально. И в то же время имя блистательного русско-американского писателя Набокова неизвестно даже университетским преподавателям зарубежной литературы. Иногда, впрочем, издаются и идеологически невыдержанные авторы, но, так сказать, для внутреннего потребления... Сейчас покажу для наглядности. — Владимир Александрович приставил лесенку, достал сверху увесистый том. — Вот, полюбуйся.

Ксения прочла на обложке: Б. Рассел. История западной философии.

— Ты открой, полюбуйся на гриф, на первой странице, вверху, в уголке.

«Вверху, в уголочке» значилось: «Для партийных библиотек».

— Как тебе это нравится? Товарищам с партийными билетами читать можно, а без — никак нельзя! Рассел известен у нас только как математик, в основном в профессиональных кругах, но он еще и оригинальный философ, и блестящий стилист, этот тысячестраничный фолиант читается как увлекательнейший роман. Я никак не мог понять, что же смутило невинные души партийных цензоров? Ну ничегошеньки там нет такого, что нельзя знать рядовому беспартийному обывателю, ну разве что то крамольное высказывание о философии, которое я тебе приводил. Но мало того — они и своим партийцам не доверяют! При переводе опущена глава о Марксе, вместо нее — малюсенькое примечание, смысл которого сводится вот к чему: взгляды Рассела на Маркса и марксизм поверхностны и отличаются предвзятостью и крайним субъективизмом, глава не представляет интереса для советского читателя, и поэтому мы ее опускаем. Надо же, какая задача, — о Канте и Лейбнице Рассел мыслит и глубоко, и объективно, а как дошло дело до Маркса, сразу и интеллект отказал, и беспристрастие куда-то подевалось. Я пытался достать английское издание, чтобы посмотреть, что же так возмутило партийных прокураторов в этой крамольной главе, но в «иностранке» с меня потребовали специальное разрешение, а когда я спросил, где мне его взять, на меня посмотрели так, что и без перевода с молчаливого на русский было ясно: «Старый лысый дурак, ты что, с луны свалился?» По-русски же они сказали почти вежливо: «В соответствующих инстанциях». Но так как я никаким инстанциям, кроме тюремных и лагерных, никогда не соответствовал, то и пришлось мне уйти несолоно хлебавши... И этот идеологический красный террор не прекращался ни на один день за все сорок пять лет, даже в годы хрущевской оттепели, — и не прекратится до тех пор, пока большевики будут у власти. Им давно уже мало власти физической, над телом человека, — такой власти добиться сравнительно легко, большевики справились с этим за пять лет. Человек слаб, его легко запугать, принудить к повиновению, в конце концов, просто уничтожить. Но современным калигулам и неронам слишком мало такой примитивной власти, им нужна другая, куда более и извращенная и глубокая — власть над умами и душами. А это уже духовный геноцид, преступление не менее страшное и жестокое, чем геноцид физический...

На листе бумаги все еще чернели только два одиноких слова: «Дорогая мамочка!»

Ксения закурила, сняла очки, обхватила руками голову. Почему она никогда не вспоминала об этом разговоре с Владимиром Александровичем? И еще о многих других, последовавших потом. И ведь вовсе не делала вид, что забыла, — действительно не помнила... Вероятно, услужливая память отказывается работать после принятия решений, бередящих совесть...

А такое решение пришлось принимать Ксении спустя год после приезда в Красногорск.

Медсанчастью заведовал тогда Юра Лихославский — здоровенный, красивый парень под Алена Делона (тогда только что дошли до периферии кастрированные цензурой «Рокко и его братья»). Он, как и все врачи в больнице, отрабатывал свой «поплавок», два года как-то держался, но в ту последнюю зиму пил уже по-настоящему, как пили в Красногорске практически все — от больничного завхоза дяди Сени до первого секретаря райкома Панюшкина. Уже пила и его красивая, статная жена Наталья... И с наступлением первых теплых дней они считали уже не месяцы и недели, а дни и чуть ли не часы, оставшиеся до отъезда. Хотя — почему «чуть»? Ког-

да оставалось ровно два месяца, Наталья, с прижмуркой разглядывая на свет вместительный стопарик с мутным разведенным спиртом, сказала:

— Еще тысяча четыреста шестьдесят четыре часа — и гуд бай, тайга золотая, воспетая сопливыми романтиками.

Она даже то учла, что в июне тридцать дней, а в июле тридцать один.

Юрий — он уже выпил — сказал, демонстративно загибая пальцы на руках:

— Мал-мал ошибка давал, Натулечка. Мы улетаем в два, а сейчас уже девять, так что семь часов долой, остается всего тысяча четыреста пятьдесят семь. А если учесть, что часиков пятьсот мы проведем в объятиях Морфея и друг друга, то останется какая-то жалкая тысчонка. Лепота!

— Лепота, Юрчик, роднулечка моя! За тебя, симпомпончик мой!

И Наталья лихо опрокинула стопарик, потянувшись губами к опостылевшему соленому грибу — универсальной красногорской закуске, — заботливо поднесенному на вилке Юрчиком. Они всегда очень нежно относились друг к другу — и отнюдь не по причине обоюдного пьянства. Просто совместные выпивки эту нежность удваивали.

Ксения хмыкнула:

— Хорошая пара скоморохов получилась бы из вас.

Юра ухмыльнулся — и «понесся»:

— В писании сказано, что живому псу лучше, чемдохлому льву. А как тут иначе живахом? Ежели не скоморохом, не смеяхом и не веселяхом, то обязательно плакохом и рыдахом. И непременно каждый день выпивахом — а это значит скоро умирахом. А мы пока исключительно через день выпивахом, выходные и праздники включахом, и даже не опохмеляхом. А чтобы на каждый день выпивахом не переходяхом, мы и уезжахом.

Естественно, вставал вопрос — кто заменит Юрия на командном посту? Он еще с апреля заговаривал о том, что единственная кандидатура — Ксения. Она только плечами пожимала. Административного зуда она не испытывала, но раз надо... Да и выходило по всему, что, кроме нее, некому.

Юра был мрачен, приступая к решительному разговору.

— Говорил я о тебе во всех инстанциях, никто не против, но... есть один маленький нюансик.

— Ну?

— Тебе надо вступить в партию.

— В партию я не хочу.

— Хочу, не хочу... — Юра вконец расстроился. — А кто хочет? Но что делать? Мне-то что, я сел в самолет — и фьють, нету меня, и не вспомню этот сраный Красногорск, разве что в страшном сне приснится.

— Ну и чего тогда хлопчешь? Лети, голубь.

— Да душа-то болит, — тоскливо сказал Юра. — Три года все-таки угробил на этот караван-сарай, худо-бедно, а как-то дело движается, но если ты не будешь завом — развалится все. Тогда придется Томочку ставить, она единственная, кто заранее озаботился партбилетом. А что такое Томочка? Миниатюрный прыщик на ровном месте... На прошлой неделе послал я столяра дверь починить в ее кабинете, а тот с крупного похмела был, стал спиртяги у нее просить, она не дала, ну, он и послал ее и на три буквы, и на пять, а заодно и на весь русский алфавит. Томочка, развеивая белые одежды, примчалась ко мне, и пришлось ее полчаса валерьянкой отпаивать.

— Угу... А когда меня пошлют, придется валерьянку самой капать дрожжащими руками.

— Не придется. Тебя не пошлют.

— Это почему?

— Потому что ты — это ты.

— Исчерпывающе сказано. Есть еще аргументы?

— Есть. Ты с первого дня, как появилась, стала для всех Ксенией Петровной. Даже заглазно. Я, например, чести зваться Юрием Николаевичем удостоился не сразу. А Томочка уже два года здесь — и все еще Томочка. И до седых волос Томочкой останется. Маленькая собачка до старости щенок. Так гласит народная мудрость.

— Небогато у тебя с доводами.

— Ксень, ну подумай, а?

— А без этого никак нельзя?

— Никак. Должность номенклатурная, утверждается на бюро райкома.

— Тебя так же вербовали?

— Точно так же. Ну наплюй ты на все это! Ради дела, ради людей. Мы же единственная больница на триста верст в округе!

— И потому должны ютиться в крысиных норах?

— Ну где я тебе другую власть возьму, рожу, что ли? Это скорее по вашей, бабьей части. Не я же этого краснорожего мордоворота ставил.

— Ладно, буду думать.

Сказала только для того, чтобы прекратить разговор. Что тут было думать? В партию она, конечно же, не пойдет. Нечего ей там делать. Семена, брошенные Владимиром Александровичем, упали на благодатную почву и дали обильные всходы. Нет, она вовсе не собиралась заниматься какой-то борьбой, антисоветчиной, самиздатом, подписывать заявления протеста. Не для нее. Ее дело — лечить людей.

Ксении даже в голову не приходило, что можно увильнуть от распределения. Сделать это, вероятно, было бы не так уж сложно, ведь ей не нужны были ни жилье, ни ленинградская прописка, да и нездоровье матери давало какой-то шанс. Шестикурсники суетились вовсю — ленинградцы собирали кипы справок о неизлечимых родительских недугах, смазливые провинциалки срочно выскакивали замуж, умные и некрасивые искали ходы в ординатуру, другие беременели, махнув рукой на загсовские штампы, — небось с брюхом в тараканью дыру не сошлют, а там видно будет, — и только жалкая кучка «романтиков» наплевала на все, заранее отращивала бороды, бренчала на гитарах и пела о туманах и о запахах тайги.

Ксения не принадлежала ни к одной из этих групп. Надо — значит, надо. Очень послушная девочка. Три года — не такой уж большой срок. А потом со спокойной совестью вернется в Ленинград, к маме, к Владимиру Александровичу и в первую очередь прочтет все книги из отцовской части библиотеки, подумает над его пометками и подчеркиваниями. А пока — работать и взяться наконец как следует за языки. Еще в институте она пыталась заняться французским, но времени не хватало даже на встречи с Владимиром Александровичем и самое необходимое чтение, приходилось подрабатывать ночными дежурствами.

За год красногорской жизни французскую грамматику не удалось одолеть и наполовину, работать приходилось за двоих. А теперь маячит еще и это завство... Нет, в партию она не пойдет. Они придумали эти правила номенклатурных игр — пусть сами и расхлебывают. Пусть ставят Томочку, если иначе нельзя. И пусть горит все синим пламенем, если им на все наплевать. Она тут при чем? Нет, в партию она не пойдет... Ешьте сами.

До конца рабочего дня она не думала об этом. Сказать Юре «нет» можно и завтра. Да он и смылся после обеда — ходили слухи, что к Красногорску движется катер с выпивкой. Ксения тоже ушла пораньше, — летом работы было меньше обычного, — и уже в десять забралась в постель с книгой. С

часок почитать — и спать, а завтра встать пораньше и сбежать за грибами.

Заснула она только под утро.

Легко сказать — пусть ставят Томочку. Слишком несложно вообразить, что будет дальше. Кругом прав Юра — все развалится прежде, чем он доберется до своей Балашихи. Больница наверняка останется без лекарств, без топлива на зиму, без самого необходимого ремонта, без нового автоклава, который даже Юра не может выбить второй месяц. Все это надо было неустанно требовать, обо всем много раз напоминать, звонить, писать, летать в город, стучать кулаком по столу, плакаться в жилетку. Томочка требовать даже не умеет — не может. Она может только просить — таким тоном и с таким видом, что не отказать ей сможет только такой же ленивый, как она сама. А таких еще поискать надо. В Красногорске можно и не найти...

«Ради дела, ради людей...» А ведь в самую точку бьет, демагог... Хотя ему-то вроде и в самом деле должно быть все до лампочки. Уедет, ну, поболит душа — и перестанет, с глаз долой — из сердца вон... А у нее — тоже перестанет?

Она села на постели, обняла колени руками. Маленькая фотография отца стояла на столике, Ксения повернула ее, чтобы лучше видеть. Надо же — двадцать лет даже не думала об отце, а теперь — первый и главный советчик... Что прикажете делать, князь Петр Григорьевич? Людям-то я действительно нужна, это единственное, что дает мне силы жить здесь...

Ксения прилетела в Красногорск в хорошую августовскую пору. Уже не было комарья и гнуса, клещи тоже не слишком донимали, дни стояли солнечные и почти теплые, грибов и ягод такая прорва, что собирать их было абсолютно неинтересно, бери, сколько унесешь и сумеешь обработать, и как поначалу ни дико казалось Ксении, что ножки выбрасываются даже у молоденьких боровичков, но скоро и сама стала так делать. Словом, от Красногорска она была почти в восторге... Наталья страдала:

— Подожди, кончится лето красное — запоешь матушку-репку.

— Не каркай,— отмахивалась Ксения.— Не запою.

И лето кончилось.

Осень навалилась тяжелыми непроглядными ночами — а дни были так коротки и пасмурны, с такой неохотой являли земле бессолнечные лики свои, что почти и не замечались. Врачи сидели в кабинетах в пальто поверх белых халатов, больные натягивали на себя по три свитера. Ксения недоумевала, приставала к Юре:

— Почему не начинают топить?

Юра возводил очи горе и невозмутимо отвечал:

— Высочайшего соизволения не было. Они считают, что надо закаляться. Будут делать из нас поголовных моржей и моржих. Уже подготовлен приказ сделать большую иордань, и сам Панюшкин будет стоять у купели в боярской бобровой шубе и калановой шапке и благословлять омовляющихся «Капиталовым» трехтомником. У тебя есть красивый купальник? Желательно бикини. Предполагается полный отпад мужской половины Красногорска и дикая зависть женской. Так что берегись.

— Ты можешь серьезно? — сердилась Ксения.

— Могу.

И Юра серьезно объяснил: угля на зиму завезено меньше обычного, и в райкоме решено тянуть до последнего, когда не топить будет совсем уж нельзя.

Художник Николай Орехов

— А что, дровами котельные нельзя топить?

— Да можно, конечно. Но дрова же надо заготовить, вывезти, напилить-наколоть, где-то изыскать деньгу на оплату непредусмотренных расходов, — в общем, все надо организовать, мозгой шевельнуть, какую-то руку к этому делу приложить, хотя бы одну левую. А зачем им напрасные хлопоты? За это же никто не похвалит, наоборот, можно взбучку заработать за перерасходованные средства. Хлопот у них и без того навалом — надо к Октябрьским готовиться, потом к районной партконференции, там новогодняя пьянка, День Советской Армии, Восьмое марта, ленинский субботник, Первое мая. А кружки политбезграмоты, а в город летать за нахлобучкой, а отчеты писать, а речуги толкать? Ну что ты, им же продохнуть некогда, крутятся как белки в колесе, не зря их за самоотверженную работу пайковой икрой кормят. А с отоплением же проще можно выкрутиться — начать сезон попозже, закончить пораньше, топить поплоше, авось как-нибудь все и образуется. А что лишняя сотня тысяч на оплату больничных уйдет — так это и совсем наплевать, не из своего кармана, государство у нас богатое.

— Идиотизм какой-то! — возмутилась Ксения. — Сами мерзнут — черт с ними, но морозить детей, больных... На уроках по полкласса не бывает, впору карантин объявить.

Юра снисходительно посмеялся над ней.

— Наивная ты человечка, душа моя... Они-то как раз не мерзнут, у них в квартирах теплынь — не продохнешь, все форточки нарастопашку. У них же автономная газовая котельная, по канадскому образцу, и баллонов с этим газом завезено лет на пять вперед. Не веришь? Пройди мимо Большого дома, сама убедишься.

Ксения действительно не поверила — и в тот же день прошла мимо дома, где жило все красногорское начальство. Дом и в самом деле был большой, — по местным масштабам, конечно, — с высокими окнами, потолки не меньше четырех с половиной метров. По слухам, там уже несколько лет пустовали пять или шесть квартир — не находилось жильцов достаточно высокого ранга, а всякую шушеру поселять райкомовцы не желали. Юра оказался не совсем прав — форточки были открыты не во всех окнах и не все «нарастопашку». Из высокой трубы кирпичной котельной во дворе вился застенчивый, почти невидимый парок, вероятно, газ был отменного качества и сгорал полностью...

Той же осенью произошел случай, оставивший тяжелое впечатление на нее, хотя многие только посмеивались. Один из коренных красногорских жителей, Савелий Фомкин, поджег по пьянке свой дом. Обложил ветошью, тряпьем, облил соляркой и бросил зажженную спичку. Но сырость стояла такая, что дежурная шутка — надо обзаводиться жабрами — давно уже набила оскомину, да и дом был сложен из огромных, закаменелых от времени лиственниц, так что и без вмешательства вмиг собравшихся соседей вряд ли сгорел бы. Сам Савелий отделался обожженными бровями и ресницами. Но дело было даже не в самом поджоге — а в том, как Савелий объяснял его. Он очень сердился, когда его подначивали, — допился до чертиков, пора в дурдом определять, — громыхал густым хриплым басом:

— Чего допился? Я уж сколько годов каждый день пью, токо раньше-то не поджигал! Пьяной был бы, так ничо б и не было, лег спать — и вся недолга. А я тада и вовсе только один пузырь засосал, у меня и второй был, токо неохота мне было пить, тоска напала, и до того удавиться охота прискочила, — ну прям руки чешутся. Ну, думаю, дай подожду, может, полегшает...

— А сгорел бы — где жить стал?

— Да пропади она пропадом, жисть такая!

И Ксения верила, что дело действительно не в пьянке, — она в тот вечер дежурила, и когда Савелий пришел, то выглядел по красногорским меркам почти трезвым. «Тоска напала» — это объяснение выглядело куда более правдоподобным. Тоска регулярно нападала на всех красногорцев, порой принимала характер эпидемии, и тогда во весь день можно было не увидеть улыбки даже на лице Юры, не услышать и самой немудреной шутки. А ведь предстояла еще зима, Наталья уверяла — вот уж когда волком взвоешь, а пока еще цветочки...

В начале зимы возвращались на «аннушке» из санрейса. Вызов был пустяковый — в леспромхозе два пьяных тракториста не поделили девицу, слегка порезали друг друга и выбили по паре зубов. Кто-то из новеньких, увидев изрядное количество крови на снегу, перепугался сам и перепугал других, и пошла радиограмма — срочно шлите хирурга. Юра, хорошо знавший леспромхозовские нравы, расспросил по рации о подробностях и, подумав, послал Ксению:

— Слтай на всякий случай, мне сейчас нельзя отлучаться. Думаю, ничего серьезного, наложишь пару швов. Если что, вези сюда.

Хирургов по штатному расписанию полагалось два, но был один Юра. Он с самого начала предупредил Ксению: тут воленс-ноленс придется стать универсалом-многостаночником, в крайнем случае и аппендициты резать, и роды принимать, и зубы рвать, и с белой горячкой воевать. Ксения заканчивала лечебный факультет, о хирургии имела то минимальное представление, которое предписывалось куцым институтским курсом и скоротечной практикой в операционной, сводившейся в основном к глазению на раскрытые человеческие чрева и классические вытирания стерильными салфетками взмокших хирургических лбов.

Ксения тут же потребовала у Юры:

— Учи!

— Слушаюсь, душа моя!

На первой же операции он приказал ей:

— Становись к верстаку, будешь пока снаряды подавать.

Ксения оказалась прилежной ученицей и уже в ноябре самостоятельно сделала первую операцию аппендицита — под присмотром Юры, разумеется. В ординаторской он сказал, качая головой:

— Ну ты даешь, мать... Какого черта тебя в терапевты понесло? Ты же прирожденная хирургиня!

— Ну да-а, — протянула польщенная Ксения.

— Вот именно что да-а! — передразнил он ее. — Ремесло — дело наживное, главное — характер есть, думать умеешь, решения принимать, а без этого хирургом не быть. Наши скальпельные дамочки, бывает, лет десять проработают, а перед простенькой атеромой пальчики дрожат, хотя по виду не менее как пироговшами себя чувствуют!

Срочно протрезвевшие трактористы были уже на аэродроме, дружно уверяли, стараясь не дышать на нее, что ничего у них не болит, царапины пустяковые, зря подняли этот переполох, завтра они оба как штык выйдут на работу, и вообще — ничего такого не было... И начальник мехколонны, отведя Ксению в сторону, попросил шума не поднимать, дело житейское, парни, в общем-то, смирные, надежные работяги, если их заберут, плана не видать как своих ушей...

Ксения промыла порезы, наложила скобки, и уже через час снова взлетели. Но неожиданно испортилась погода, пришлось срочно идти на посадку — на окраине таежного села с веселым названием Улыбаево.

«Пурговали» трое с половиной суток. Пилоты уселись за несконча-

емый покер, а Ксения пошла по домам. И пришла в тихий ужас. Пьяный, черный от угольной сажи Красногорск выглядел по сравнению с Улыбаевым светочем цивилизации. Ксения пришла в изумление, когда после расспросов выяснилось — в первый и в последний раз врач был здесь еще до войны! Единственное лекарство, которое ей удалось обнаружить в одном из домов, — несколько безымянных порошков, которые хозяйка считала за аспирин. Ксения попробовала на язык — это был акрихин.

В этой избе она провела больше часа и потом заходила еще раз. Дом был огромен, но керосиновая лампа с треснувшим закопченным стеклом выхватывала из темноты лишь небольшое круговое пространство. Хозяйка, Агриппина Дементьевна, долго извинялась, что света мало, и объяснила, что стекло чистить боится, как бы совсем не развалилось, а другого нет и достать негде.

В доме было сравнительно чисто — насколько вообще может быть чисто, когда в запечье обитают две хорошенькие мемекающие козочки с курчавыми завитками на белых лобных звездочках и шесть недельных поросят. Хозяйке по первому взгляду было хорошо за пятьдесят — и Ксения постаралась скрыть свое замешательство, когда выяснилось, что Агриппине Дементьевне всего тридцать девять. Жила она с дочерью, болезненной девочкой лет одиннадцати-двенадцати на вид. И тут Ксения попала впросак с возрастом — девочке было почти четырнадцать. Очень красили ее роскошные светлые волосы, заплетенные в толстую косу.

— Ну, иди поближе, — ласково позвала Ксения. — Как тебя зовут?

— Прося.

— Прося... А полностью — Прасковья? — не сразу сообразила Ксения.

— Не знаю, — смутилась девочка.

— Да знает она, забыла маленько, — торопливо вмешалась Агриппина Дементьевна. — Прасковья, да.

— В каком классе учишься?

— Ни в каком, — тихо ответила Прося, опуская глаза.

— Как ни в каком? — не поняла Ксения. — Совсем не учишься?

— А где тут учиться? — с горечью сказала Агриппина Дементьевна. — После войны так еще была школа, четырехлетка, а годов десять уже как нету, не хотят учителя ехать сюда. Свезла в интернат, к вам в Красногорск, три класса проходила, да раз на второй год осталась. Плачет, слезы в три ручья, — забери, мамка, совсем худо, зимой холодина, на уроках в польтах сидят, в спальнях углы за ночь ледом обмерзают, и кормят плохо. Я, конечно, и с собой ей давала, и привозила когда, только зимой-то как отсюда выберешься? А что и оставишь, так толку тоже мало, раскрадут все. Ну, и взяла, чего тут поделаешь, сидит вот дома...

— Та-ак... А книжки ты читаешь какие-нибудь?

— Так и книжек никаких нету, — снова встряла Агриппина Дементьевна. — Вон псалтырь одна лежит, старорежимная, да шоферская книжка какая-то, постоялец тут лето жил и забыл, видать. При школе, правда, была библиотека, так мужики на сигарки искурили, одни обертки остались.

— Понятно... Сними кофточку, я посмотрю тебя.

У Проси была ярко выраженная анемия, легкий кашель, ставший, похоже, привычным, и Ксения, еще не веря себе, заподозрила туберкулез.

— По ночам потеет? — спросила она у Агриппины Дементьевны.

— Когда и бывает, — состорожничала та.

— А мокрота, отхаркивание?

— Ну... разов несколько замечала.

Агриппина Дементьевна явно недоговаривала.

— Баночка чистая найдется у вас?

— Да как не найдется,— слегка обиделась хозяйка.— Посуда у меня завсегда чистая.

— Сделайте так: когда будет мокротой откашливаться, пусть сплевывает в баночку, прикроете марлей или чистой тряпочкой, я с собой заберу, как полетим.

— Это зачем? — насторожилась Агриппина Дементьевна.

— Сделаем анализ, проверим на всякий случай.

— Так вы чего думаете — чахотка, ли чо ли?

— Пока ничего не могу сказать...— Ксения улыбнулась Просе, торопливо застегивающей пуговицы, провела рукой по ее голове.— Волосы у тебя прекрасные... А ну-ка, ну-ка... Нагни голову! Да у тебя вши! — не сдержавшись, воскликнула Ксения.

Агриппина Дементьевна заохала:

— Ой, Проська, стыдобища-то какая! Ты чего ж не скажешь? Я ж всего три дня как тебе всю голову вымыла! — Она близко склонилась над головой дочери и успокоенно сказала: — Да это не воши, а гниды только, а я забоялась, что на вас перескочут... Вы не подумайте чего плохого, что не гляжу за ней, только как тут углядишь? Каждый день почти ищу у ее в голове, а как стренется с кем — опять воши. Мыла-то городского у нас, считай, нету, ежели по куску на месяц завезут — и то ладно, а так-то сами варим, а какое это мыло, назывка одна.

— Вы хотя бы остригите ее покороче.

— Так... жалко же. Девке полагается с косой быть.

— Жалко, конечно, но если нет возможности держать волосы в чистоте, лучше уж остричь.

— Ну... сострижем маленько.

Ксения поняла — Просина коса останется в целости, но только вздохнула.

— Ладно, давайте теперь вас посмотрю.

— Что меня-то смотреть? — удивилась Агриппина Дементьевна.

— Разденьтесь, пожалуйста.

— Да чего раздеваться? Не надо меня смотреть.

— Вы когда последний раз у врача были?

— Ну... когда была... Не помню уже. Давно.

— Как давно? Год назад, три, пять?

— Ну... помню, как Просю в интернат отвозила, заходила к вам тогда, зубы мне дергали, три штуки сразу, они у меня, считай, на корню все погнили.

— Понятно. Вот и давайте я как следует осмотрю вас, когда-то еще в поликлинику попадете. Я ведь вижу, как вы руками за живот держитесь. Внизу болит?

— Да когда и болит...— Она сразу убрала руки с живота.— А сейчас так вроде и ничего...

Минут пять еще пришлось уговаривать ее, пока наконец Агриппина Дементьевна не согласилась, но прежде пошла за перегородку, долго возилась там при свече, переодевалась в чистое.

Ксения едва не ахнула — так велика была классическая паховая грыжа, и совершенно непонятно было, как Агриппина Дементьевна может ворочать двухведерные чугуны, стоящие в зеве огромной русской печи.

— Давно это у вас?

— Дак... кила-то недавно выскочила, годов семь али восемь... А живот, считай, в девках еще заболел, первый-то раз я в войну надорвалась, меня, как шестнадцать сполнилось, в тайгу забрали, лес пилить. А я хоть девка и здоровая была, а поворочай эти баланы... Двое суток пластом лежала, потом прошло вроде, меня сучья рубить поставили, это куда легче.

— Простужались сильно?

— Дак, конечно, простужалась, как без этого? — даже удивилась Агриппина Дементьевна. — Разов несколько в жару валялась. Одежка-то у всех худая была, на ногах одне опорки, а зимы у нас какие, сами небось знаете, менее сорока редко когда бывает. А кубы, мороз не мороз, а давать надо, сорок третий год был...

У нее оказалась еще фиброма и уплотнения в груди.

— Прося у вас одна?

— Одна.

— А еще рожали?

— Дак как не рожала, конечно, чего не рожать, когда мужик был... Первенького еще в сорок шестом, сейчас-то уже двадцать было бы. А три дня всего и пожил.

— От чего умер?

— Дак кто ж теперь знает... Жар сильный был, прям огнем полыхал, и титьку никак брать не хотел, ну, и сгорел, как свечечка. А потом еще девочка была, Настена, в три годика померла.

— А она от чего?

— Задохлась, никак продышаться не могла, ну, и жар тоже сильный был.

«Дифтерия», — поняла Ксения.

— Муж давно умер?

— Давно, Просе вроде года еще не было. Ну да, — припомнила Агриппина Дементьевна, — аккурат в один год со Сталиным, чуть только попозже, сразу после Пасхи.

— Он от чего умер?

Ксения все пыталась добраться до наследственности Проти.

— Так он же всю войну прошел, весь израненый был, осколков еще сколько сидело в ем, один так прямо в голове, он левым глазом почти не видел ничего.

— Замуж больше не выходили?

— Да за кого тут выйдешь? — снова удивилась Агриппина Дементьевна.

— Понятно... Половой жизнью живете?

— Чего это? — не поняла Агриппина Дементьевна.

— Ну... — Ксения оглянулась на перегородку, за которой была Прося, утишила голос. — С мужчинами спите?

Краска стыда пробилась даже сквозь задубелую от морозов и ветров кожу на лице Агриппины Дементьевны.

— Да вы чего такое спрашиваете?

— Мне нужно знать, Агриппина Дементьевна, — как можно мягче сказала Ксения. — Поймите, я врач, меня вам не нужно стесняться.

— Дак мне вот-вот сорок стукнет, какие мужики?

— Именно потому что сорок... В двадцать лет можно и обойтись, а в сорок очень нежелательно. У вас уплотнения в груди, может развиться опухоль.

— Да про эту плотность я и сама чувствую, когда в бане моюсь. А чего,

как с мужиком пересплю, так плотности не будет?

Эта мысль почти развеселила Агриппину Дементьевну. Ксения впервые увидела ее улыбку и тоже улыбнулась в ответ.

— Совсем уплотнения уже вряд ли исчезнут, но, может, дальше развиваться не будут.

— Ага, стало быть, дело за малым стало — мужика найти, — насмешливо хмыкнула Агриппина Дементьевна.

— Я понимаю, что все не так просто, но обязана вам сказать — это для вас необходимо... Можете одеваться.

Агриппина Дементьевна молча застегнулась, поправила волосы и, взглянув на Ксению с поразившей ее безысходностью, спросила:

— Вам самой-то сколько лет?

— Двадцать четыре.

— И я была... ничего, в двадцать четыре-то. Не такая красивая, конечно, как вы, но ничего, мужики одобряли. И килы еще не было, и сиськи не висели пустым мешком, и брюхо не вываливалось. Тогда бы мне слова ваши, насчет мужиков. Да и был у меня мужик... Какой ни хворый, а как-то... и жалел... вроде. А сейчас-то я кому такая нужна? Да хоть бы, к примеру, и такая, как вы была... у нас и женатых-то мужиков десятка не наберется, а побyleй — Тишка-пьяница да дед Акиньшин, восемьдесят годов... Зачем мне слова-то такие говорить?

— Ну... — Ксения смешалась, — я понимаю... Но поймите и вы меня, я же врач, я обязана вам сказать.

— Да чего тут не понимать... — Глаза Агриппины Дементьевны потухли. — Я вам и объясняю — негде тут мужикам взяться, не пойдешь же Христа ради к соседке просить, — Мань, одолжи мужика на ночь, для здоровья только, не для чего-нибудь, а то вон докторша прилетела, сказывала — очень мне это надо.

— Извините, — выдавила Ксения, только сейчас поняв всю нелепость своего «медицинского» совета.

— Да чего извините? — с недоумением посмотрела на нее Агриппина Дементьевна. — Я не к тому, что попрекаю вашим советом, еще чего... Спасибо, что обсмотрели, что чего хуже не нашли... А кила эта... так она тут у нас, считай, у каждой второй бабы, которая в годах. Ничего, совсем худо станет, схожу к бабке Варваре, пошепчет, горшок али чугунок на брюхо поставит, отлежусь денек, опять подвжусь полотенцем — дак и снова к печке.

— И помогает?

— А конечно, чего не помогает. Дак и откуда другой-то помочи взять?

— В больницу вам надо, операцию делать, — собравшись с духом, сказала Ксения, заранее уверенная в неудаче. — Давайте, как буран уляжется, полетите с нами, а недели через две вас обратно самолетом привезут.

Агриппина Дементьевна с изумлением взглянула на нее.

— Во-она чего... Да на кой ляд я резаться буду? И на кого я хозяйство оставляю? На Проську, ли чо ли? За ней самой пригляд нужен.

— Соседи присмотрят.

— Соседи... — Агриппина Дементьевна как-то странно смотрела на нее и принялась втолковывать, как дитю неразумному: — Это у вас, городских, соседку попросить можно — кошку там али собаку покормить. А тут как попросишь, у каждой своих делов по самую холку. Взять хотя бы у меня в дому, о чем просить-то надо... Одну печь полдня топить, воды сколько ведер натаскать, чугунок сколько запарить, вынести-принести, корову подоить, накормить-напоить, навоз повыкидать, стайки почистить, да с приплодом

этим — козюлек из соски молочком напоить, поросяток хоть три раза на дню к матке вынести, к соскам подложить да присмотреть, чтоб не задавила кого. Да много еще чего всякого... Оно, может, соседи и рады бы помочь, а где силов и времени на эту помощь взять?

— Но операцию-то все равно придется делать, чем раньше, тем лучше! Вдруг ущемление будет?

— Чего оно будет... Сколько годов не было — а тут будет?

— Вы хоть чугуны такие большие не поднимайте. Можно же и поменьше, есть же у вас, наверно.

— Как это поменьше? — не понимала Агриппина Дементьевна. — Скотины чугуны завсегда такие, меньше не поспеешь, скотине жрать много надо, голодная она не будет расти.

— А зачем вы столько скотины держите? Вы же только вдвоем живете?

— Дак рази это много? Самим есть-пить чего-то надо, у нас же гамазин нов нету, одеться-обуться тоже надо, а денюжку как добудешь? Только если по весне в город сплывишься да продашь чего на базаре — масла, сала, око-року... И про черный день чего-то иметь надо, и приданое Проське сготовить, голой-босой замуж не отдашь...

По глазам Агриппины Дементьевны Ксения видела: она просто не понимает, что может быть тут непонятного для залетной докторши, а если понимает, зачем глупые вопросы задает?

Она обошла все село — и всюду видела то же, что у Агриппины Дементьевны или еще хуже: те же грыжи у измученных работой женщин, те же поголовные вши у детей, — каламбур получался сам собой, — криво сросшиеся сломанные руки, ноги, ребра, заросшие пьяные физиономии мужиков, — бражным духом веяло в каждой избе. Их осмотреть почти никого не удалось — и нужды в том не видели, и стеснялись своих опухших физиономий и ее молодости. Да и женщин приходилось подолгу уговаривать — отнекивались, совестились своих затрапезных одежек и долго рылись в сундуках, чтобы предстать перед докторшей поприглядней. И наконец покорно отдавали в ее руки свои изношенные прежде срока тела, не сразу, хоть и охотно, припоминали, откуда и когда появились у них те или иные болячки, шрамы, следы нарывов от долгих пребываний в ледяной воде на лесосплавах, когда впервые заболела поясница, начались маточные кровотечения... Но самое страшное — дети. Ксения вела подробные записи и, когда наконец подвела итоги, — схватила за голову. По уровню детской смертности колониальные страны Черной Африки в подметки Улыбаеву не годились! Из расспросов, как правило, несложно было установить, от чего они умирали. От дифтерии, скарлатины, кори, менингита, «от живота» — тут можно было предположить все, включая элементарный аппендицит, — и, несомненно, от туберкулеза, которого, судя не только по победным газетным релициям, но и по институтским лекциям, в стране давным-давно практически нет и быть не может, так как исчезла социальная база для его возникновения. И кроме Проти, было еще два подозрительных случая, и Ксения терпеливо объясняла, как надо собирать мокроту для анализа, и они не могли понять, как это молодая и красивая докторша повезет с собой «харкотню» их детей и зачем это нужно.

В Красногорск Ксения вернулась совершенно больной и в первый же вечер, задержав Юру после работы, вывалила на него ворох своих впечатлений. Тот молча слушал ее, курил, и только когда Ксения дошла до того, как уговаривала Агриппину Дементьевну лететь на операцию и покаялась, что не смогла этого сделать, он сдержанно сказал:

— Хорошо, что не уговорила.

— Почему? — уставилась на него Ксения.

— Потому что она вернулась бы домой не раньше чем через полгода.

— Разве нельзя было бы отправить ее обратно самолетом?

— В Улыбаеве нет посадочной полосы.

— Но мы же сели!

— Сели, потому что приспичило. А по доброй воле туда никто не полетит, да и не выпустят, и правильно сделают. Вам повезло, что зима только началась, застругов еще нет, а то недолго было и шею свернуть. Мы уж тут и так испереживались.

— А если за эти полгода у нее будет ущемление? Она же погибнет!

— Не исключено, конечно. Хотя, вероятнее всего, ничего страшного не случится.

— Опять надежда на русское авось?

— Конечно. У русского человека, — да простится мне масло масляное, — это самая надежная надежда. И твоя Агриппина Дементьевна кругом права и рассуждает по-своему мудро, — если за семь лет ничего не случилось, то и на восьмой год все сойдет. А вот если она сдуру поддалась бы на твои уговоры и полетела, а вернулась бы в лучшем случае в мае, и от всей ее живности ничего не осталось бы, — вот это была бы беда настоящая, если и не хуже смерти, то полсмерти — точно. Но таких дураков в русской деревне днем с огнем не найдешь, чтобы из-за какой-то болячки, килы все хозяйство на разор бросить. Так что не расстраивайся, душа моя, шансов уговорить ее у тебя все равно никаких не было.

— Рисковать жизнью ради козюлек и поросят — это, по-твоему, мудро?

— Конечно! — невозмутимо сказал Юра. — И не по-моему, а по-ихнему. Это для нас с тобой корова и свиньи — всего лишь говядина и отбивные. С ребрышками, а? — прижмурился Юра, не удержавшись, чтобы не поерничать. — Йеэх, сейчас бы на сковородочке, да шваркающей, да под водочку! — Он снова стал серьезным. — Для нас, Ксенечка. А для них это — жизнь. И смысл ее. А кила, грызь — это так, ерунда. Ну, поболит, ну, мешает маленько, но ведь можно ходить, работать. А раз можно — значит, и нужно. А случится что, даже помрет, — ну, значит, судьба такая, ничего не попишешь. И что дети умирают — то же самое. Бог дал, Бог взял, Бог еще даст. А не даст — опять на то его Божья воля.

Ксения поежилась.

— Страшные вещи ты говоришь.

— Говорю то, что есть. А тебе, горlinka моя ненаглядная, хочу дать совет, хоть и бесплатный, но зато хороший. Прежде чем принимать подобные решения, посоветуйся с людьми знающими, умудренными житейским опытом... Вроде меня, например, — изобразил смущение Юра, слегка потупившись. — А поскольку меня рядом не было, следовало у толстозадых летунов спросить, можно ли твою Агриппину Дементьевну обратно на самолете доставить, и они мигом бы тебе ответили — нет, нет и еще раз нет. И вопрос, таким образом, отпал бы сам собой.

— Юрка, но это же ужасно! — беспомощно сказала Ксения. — Нельзя же так! Надо же что-то делать!

— Что?

— Ну как что? Ну можно же и посадочную полосу в Улыбаеве сделать, и радиосвязь установить, и диспансерное обследование организовать. Но нельзя же, чтобы в двадцатом веке дети умирали от банальной скарлатины!

— Ксенечка, голубушка... А ты думаешь, мы не пытались что-то делать?

Ты думаешь, мы с Наташкой приехали сюда уже такими полуалкашами и сразу головки повесили, махнули на все рукой? Тоже ужасались, планы строили, суетились, и очами сверкали в праведном негодовании, и кулаками по столу стучали... Но что практически можно сделать? Ты говоришь — посадочную полосу, радиосвязь, диспансеризацию... Да в одном нашем районе таких зачуханных деревень, как твое Улыбаево, полста с лишним! Значит, везде надо делать? А это значит — надо вчетверо увеличить самолетный парк санавиации, набрать экипажи. Надо здесь новую больницу строить. А оборудование, лекарства, вакцины? Надо штаты втрое увеличивать, а ты же сама видишь, что мы и нынешние укомплектовать не можем. Надо, чтобы врачи сюда ехали, — и не одни юные энтузиасты вроде тебя. Энтузиазм — категория неэкономическая, а стало быть, и неэффективная. Надо приличное жилье для врачей строить и платить им хотя бы не меньше, чем квалифицированным рабочим в городе. Да и всего этого мало, надо обязательно в каждом из этих Улыбаевых-Колупаевых открыть хотя бы фельдшерские пункты. А то — полетела прошлой весной Наташка трудные роды принимать в какую-то Чухлому. Там и полоса есть, и радиосвязь, а толку? Поневоле вспомнишь твоего любимого Александра Сергеевича: «Застрял, как еловая шишка в пи...», — в общем, в одном очень интересном месте, — войти вошла, а выйти, так и шершаво.

Ксения поморщилась:

— Обязательно надо гадость сказать.

— Так это не я, это твой ненаглядный Пушкин своей любимой Наталье Николаевне писал из Болдина, окруженного чумными карантинами.

— Да знаю я, кому и откуда он писал... И не чумными, а холерными. Хватит зубы скалить, давай о деле.

— Ну, что о деле... Прилететь Наташка прилетела, а вылететь — так и шершаво. Сутки роды эти принимала, а тут дождь пошел, полосу смыло, и застряла она почти на месяц вместе с самолетом и экипажем. За это время не только родить можно, но и снова забрюхатеть. И это — далеко не худший вариант. Приди вызов на день позже — и все, наверняка не разродилась бы... Ну так вот, собери все в кучу — и получится, что для одного нашего района дело пахнет миллионами, и немалыми. А по всему Союзу? Это только социализм, по нашей современной марксистско-ленинской теории, можно построить в отдельно взятой стране, да и то никак не получается. Но социализм — понятие мифическое, а здравоохранение — вполне конкретное и реальное, его не организуешь на должном уровне в отдельно взятом Красногорском районе, тут одними лозунгами не обойдешься. Проинтегрируй по всему Союзу — и получишь миллиарды, да не десятки даже, а сотни. В год! А что мы имеем? Ломаный грошик, который подают нищему на паперти... где эти паперти имеются, конечно. И то же самое надо проделать с образованием. Да с пенсионерами. Да со студентами, чтобы не вкалывали они по ночам на разгрузке вагонов, а ту же нашу медицину изучали с тщанием и прилежанием, а не засыпали над допотопным лабораторным оборудованием времен Ноева ковчега или в лучшем случае Рентгена. И ведь нельзя сказать, что этих миллиардов у нас нет. Есть! Но куда они идут? На ракеты, ядерные боеголовки, авианосцы, атомные подлодки, на то, чтобы партийные бонзы жрали и пили в три горла на своих трехэтажных дачах с подземными гаражами, мраморными бассейнами и ротой обслуги, как у нашего первого в городе... Там один забор стоит столько, что на эти деньги можно было бы новую больницу у нас в Красногорске отгрохать... Но где мы возьмем такое правительство, а точнее — такую партию, пусть и не так горячо любимую, как коммунистическая, но которая хоть немного заботилась бы

действительно о благе народа, а не о том, чтобы, не дай бог, у американцев не оказалось хоть одной подлодки больше, чем у нас? Которая заботилась бы не о далеких кубинских революционерах, а о твоей Агриппине Дементьевне... Потому что, если бы каким-то чудом и повернулись эти миллиарды вспять, все равно ничего не изменится до тех пор, пока в руководящих креслах сидят такие, как наш Панюшкин. Ведь именно они, панюшкины, составляют костяк нашей горячо любимой партии. И в сущности, все, кто сидит выше его, точно такие же панюшкины, только в масштабах где два к одному, где пять, а на самом... — Юра показал пальцем в потолок, — может, и десять. Речь идет, разумеется, не о масштабах интеллекта и совести, а о количестве и качестве партийных титулов, орденов, ведомственных дач, сопровождающих эскортов... А что такое Панюшкин, о чем и о ком он заботится в первую очередь, ты уже и сама имела возможность увидеть...

И вот в эту партию теперь хладнокровно предлагал вступить ей Юра... Сам он, по его словам, давно миновал стадию «примитивно-пугливого цинизма» и планомерно деградировал к цинизму химически чистому, «абсолютно бесстрашному». («Пардон, — тут же спохватывался Юра. — Не деградирую, разумеется, а прогрессирую».) И совершенно серьезно уверял Ксению — ей предстоит то же самое, если она хочет чего-то добиться в жизни. Ксения сердилась, пыталась доказать — можно что-то сделать, и не поступаясь совестью.

— Твоими бы красивыми устами да мед пить, — меланхолично вздыхал Юра. — Чистая совесть — слишком большая роскошь для простого советского человека. На Западе даже придумали термин для нас — «хомо советикус». Насколько я понял, чистая совесть в комплект его добродетелей не входит. И дело, я думаю, не в первородной зловредности тамошних социологов в отношении ко всему советскому.

— А твоими устами — только спирт глотать! — выходила из себя Ксения.

— Истинно так, — смиренно соглашался Юра. — Алкоголь — враг человека, но лучший друг всякого деграданта, прогрессанта и репрессанта. Кстати, хочешь, анекдот расскажу? Еще, по-моему, и бородой не оброс. Эпохи социалистического искусства — каковы суть?

— Ну? — исподлобья, поверх очков, смотрела Ксения на очень серьезное лицо Юры, а сама уже готова была смеяться.

— А — таковы суть: ранний репрессанс, сосо-реализм, поздний реабилитанс, ухрущение строптивых, безбрежный оптимизм. Вношу свою лепту в анекдототворчество и предлагаю связать следующую стадию с именем неизвестного еще нам будущего правителя и непременно включить туда слово «деграданс»...

Случайны ли были почти дословные совпадения в рассуждениях Владимира Александровича и Юры?

Но Юра не только хохмил, рассказывал анекдоты и глушил спирт, — что-то удавалось и сделать. В мае он вместе с Ксенией добрался до Улыбаева, уговорил Агриппину Дементьевну на операцию, вывезли Просю и двух других ребятшек в Красногорск, у всех троих действительно оказался туберкулез, занесенный, судя по рассказам, бывшим зеком, два года назад прожившим лето в Улыбаеве примачом у одной из отчаявшихся бобылок. Ему удалось выбить у речников старенький катер и оборудовать на нем хоть и плохонькую, но все же «функциональную» диагностическую лабораторию. Штатных единиц для катера, конечно, не дали, и Юра сам лихо крутил штурвал и ковырялся в чихающем дизеле. Сделали несколько рейсов по

рекам, на берега которых «не ступала нога эскулапа», провели около двух тысяч вакцинаций, выявили еще более десятка ребятишек, больных туберкулезом. Пришлось еще больше потесниться и открыть детское фтизиатрическое отделение, выбили для него калориферы и дополнительное питание. Даже — неслыханное дело — отщипнул для него Юра от пайкового райкомовского пирога. Панюшкин, чтобы отвязаться, самолично начертал резолюцию о выдаче пятидесяти баночек красной икры... Но какие титанические усилия пришлось приложить Юре, сколько писать требований, докладных, прошений, сколько часов провисеть на телефонах...

А Томочка — будет висеть? Да ей легче удавиться на этом телефонном шнуре, чем выбить новый унитаз взамен разбитого...

А туберкулезных ребятишек надо доводить до ума, хотя бы самых тяжелых отправить на материк, в южные санатории.

И проклятый этот автоклав надо, кровь из носу, выбивать, иначе не миновать беды.

И эпопея с ремонтом предстоит грандиозная.

Что делать, князь Петр Григорьевич? О чем ты думал, папка, когда решил сменить фамилию?

Ксения, как и Владимир Александрович, была уверена — отец вовсе не из страха сделал это. И даже вряд ли забота о будущих детях двигала им. Вероятнее всего — именно сознание того, что с такой меченой фамилией ничего не удастся сделать. А ведь ему было всего двадцать восемь. Ему даже университет не дали закончить — бывшим буржуям и дворянским отпрыскам не место в рабоче-крестьянских аудиториях. В сущности, единственное, что ему было позволено, — умереть за родину под чужой фамилией...

Черт, неужели в ее некрологе, который будет опубликован в местной газетке, и в надгробных речах будет фигурировать — «член КПСС с 1966 года»? Лет пятьдесят она еще проживет? Запросто. 2016 год — и неужели будут все те же барабанные призывы достойным трудом встретить, отметить, встать на трудовую вахту в честь грядущего столетия Великой Октябрьской? А ее торжественно поздравят с юбилеем — пятьдесят лет пребывания в рядах КПСС, — преподнесут что-нибудь нелепое и громоздкое, что нельзя будет никуда ни поставить, ни приличным людям показать, но чем в изобилии будут затоварены обширные партийные закрома... Но, в конце концов, у нее всегда будет выход — швырнуть им эту краснокожую книжицу. Не поздно сделать это даже на полувековом юбилее...

Она пришла на работу пораньше. Юра был уже у себя, курил, страдальчески морщился.

— Однако, вчера перебирахом? — осведомилась Ксения.

— Однако... — Юра тяжело вздохнул. — Я-то еще ничего, а Наташка совсем не можахом.

— Учти, бабы спиваются намного быстрее, чем мужики.

— Типун тебе на язык, Ксенька...

Юра прошелся по кабинету, стал у окна, распахнул его. Вид открывался фантастический. «Величественная» тайга, — а она и в самом деле была величественна, без всяких кавычек, — белые вершины гольцов на горизонте, освещенные восходящим солнцем. Слегка портил это великолепие дрянной покосившийся забор, проломленный в нескольких местах.

— До сих пор жалею, что сразу не заделал ей брюхо и не отправил к предкам, — тоскливо сказал Юра. — А ведь был такой гнусный план. Наташка заблажила: ну что ты, да как я тебя одного оставлю, года не прошло, как женились, и надо сначала поработать, для чего я тогда институт кончала... Нароботались. А с другой стороны, случись по сему, мы бы с тобой тут ско-

ренько роман сочинили. Как ты думаешь? Или я тебя не достоин?

— Да чем черт не шутит.

— Закрутили бы,— уверенно сказал Юра.— Я бы мигом всех своих поблядушек спокинул, подал бы на развод, уехали бы мы к тебе в Ленинград, годика три жили с твоей матерью, за ширмочкой или за шкафиком?..

— За шкафчиком.

— Угу... Ты бы нянчила ляльку, я бы вкалывал на трех работах, сочиняя на кооператив, начал бы брать взятки, сначала коньяком, потом в конвертах,— потихоньку от тебя попивал бы, зажевывая запашок кофейными зернами и мускатными орешками, и все кончилось бы тем, что на развод подала бы ты... Н-да, что-то опять не очень лепота получается... Так что не ходи за меня замуж, Ксенечка, если я вдруг и в самом деле разведусь с Наташкой.

— Не пойду,— пообещала Ксения.

— Ксенька, не томи душу, говори, что надумала.

— Заявление прямо сейчас надо писать?

— Та-ак...— столбик пепла с Юриной сигареты упал на рыжий линолеум.— Значит, да?

— Да.

— Значит... Это хорошо... Не поздравляю, но...

— Давай по этому поводу словоблудить не будем.

— Ладно, не блудем.

«Сблудил» Юра скорее по инерции, лицо у него было серьезное и какое-то растерянное, словно он и сам был не рад успеху своего предприятия.

— Так что, заявление сейчас писать?

— Конечно, конечно. Хотя нет, с заявлением придется чуток погодить, надо еще рекомандантов подыскать.

— Надеюсь, одну рекомандацию ты мне дашь.

— Увы,— Юра развел руками.— Не могу-с. Не достоин-с. Надо иметь как минимум пять лет партийного стажу, а у меня всего два. И еще надо, чтобы сикофанты-рекоманданты, по крайней мере, год знали тебя по совместной работе или хотя по линии общественной деятельности.

— Где же таких взять?

— Фи, голубушка... Да они этот камушек перешагнут и не заметят. Это средневековые алхимики столетиями мучились, сочиняя формулу философского камня. Но нет таких крепостей, которые не сумели бы взять большевики, верные ленинцы-сталинцы-хрущевцы-брежневцы! Они такую формулу в одночасье сочинили! Знаешь, как она звучит? «В порядке исключения». Стоит ее начертать — и не то что ртуть и железо, но и обыкновенное дерьмо мигом превращается в золото!

Рекоманданты действительно нашлись мигом, еще до обеда. Заявление Ксения написала через два дня, под диктовку Юры. Поставив подпись, она спросила:

— Юрка, как по-твоему, какое наказание ожидает лицемеров в аду?

Юра посмотрел в потолок, словно вспоминая, и серьезно сказал:

— Я думаю, им мажут скипидаром одно не очень приличное, но мною лично очень обожаемое у женщин место, и они бегают голышом друг за другом по кругу, как наскипидаренные, и никогда не смогут никого догнать.

— А почему не смогут? — со смехом спросила Ксения, представив эту картину.

— Так ведь — лице-меры. И есть смысл в том, чтобы в загробной жизни лишиться их возможности видеть человеческие лица, даже себе подобных. Только голые задницы, и так всю их нескончаемую адскую жизнь.

Вручая Ксении кандидатскую карточку, Панюшкин долго жал ей руку, желал успехов в работе и в личной жизни и так многозначительно заглядывал в глаза, что она, не сразу расшифровав этот взгляд, прикусила губу, чтобы не рассмеяться. «Ах ты, козел вонючий, еще и амурь решил со мной завести!»

И действительно, последовали два-три недвусмысленных предложения «заглянуть как-нибудь вечером на чашку чая», «до восьми я всегда у себя», но вскоре Ксения закатила Панюшкину грандиозный скандал из-за ремонта больницы, и приглашений больше не было.

Уехали Лихославские. Долго еще шли письма. Писал обычно Юра, Наталья отделывалась коротенькими приписками. По осторожным недомолвкам Юры и порой по откровенно пьяным каракулям Натальи Ксения догадывалась — плохи там дела. Три года спустя, выбравшись в отпуск, она заехала к ним в Балашиху.

Жили Лихославские в просторном, крепком доме родителей Юры, но какой-то неуют ощутимо чувствовался уже с порога, слишком явны были следы небрежности обитателей этого жилища. Как будто собрались они куда-то уезжать, да почему-то никак не уедут. Наталья кинулась ей на шею, захохала, прослезилась — и тут же веселым голосом послала Юру в магазин за бутылками, крикнула вдогон:

— И чего-нибудь закусить!

И принялась жадно расспрашивать Ксению о Красногорске, часто по-маргивая припухшими веками. Она все еще была красива, но к этой красоте напрашивалось определение — б/у, «бывшая в употреблении».

Юра пил мало, с беспокойством поглядывал на Наталью, а она очень оживилась, много и беспричинно смеялась, покраснелась и похорошела. И — уже часа через полтора встала, покачнувшись, пробормотала:

— Пойду сосну часик... А вы пейте, я через час как штык буду.

Остались вдвоем. Ксения взяла сигарету из Юриной пачки, он торопливо щелкнул зажигалкой.

— Что, Юрка, плохи дела?

— Да хреноватенькие...

— Пьет Наташка?

— Чего спрашиваешь, сама же видишь.

— А ты?

— Мало. С ней только. — Он усмехнулся. — Обоим поддавать — на перть идти надо.

— А по-другому не получается?

— Нет.

— Лечиться не пробовала?

— Не хочет. Стыдно.

— Что ж ты ей сразу брюхо не заделал?

Юра помолчал, щурясь сквозь сигаретный дым.

— Да страшновато, Ксень... Для полного счастья нам еще только дебила не хватает. Ей надо хотя бы пару месяцев трезвой побыть, а она самое большее две недели выдерживала.

«Как штык» Наталья не была ни через часик, ни к утру, когда Ксения собралась уезжать. Стонала во сне, бормотала, храпела, просыпалась на несколько минут, брела к столу, осторожно булькала. Было воскресенье, Юра поехал провожать Ксению в аэропорт. На осторожное предположение Ксении — не лучше ли ему остаться с Натальей — мрачно ответил:

— Да не нужен я ей сейчас. Опохмелка у нее есть, допьет — и снова завалится до обеда.

Он еще долго стоял за дверью накопителя, улыбался Ксении поверх голов пассажиров...

Николай застонал во сне, Ксения быстро пересела к нему на постель. Он открыл мутные, бессмысленные глаза, перегнулся, зажимая рот рукой. Его вырвало. Вытирая ему ладонью бороду, Ксения тихо, успокаивающе шептала:

— Ничего, Коленька, ничего...

Но он уже не слышал ее, снова спал. Ксения принесла тазик, тряпку, внимательно вгляделась в рвотную массу. Как будто ничего особенного... На всякий случай отделила часть массы в баночку — пусть Рита отдаст на анализ. Хорошо, если причина рвоты только в выпитой рюмке водки... А если они изуродовали ему печень уколами? Еще в ванной Ксения осторожно прощупала ее — печень была явно увеличена.

Она вымыла руки, снова села на постель, осторожно накрыла ладонями колени Николая. Го-о-спо-ди... Очень хотелось заплакать, но Ксения знала — нельзя. Теперь ей долго нельзя будет плакать...

К тому времени, когда появился Николай, у Ксении все чаще опускались руки. После отъезда Лихославских — ни одного близкого человека. Только письма и — работа. Но с той встречи в Балашихе Юра долго молчал, обеспокоенная Ксения послала телеграмму, тут же получила ответную, а через неделю — покаянное письмо Юры. «Прости, Ксенчик, за свинское молчание, но понимаешь... Слишком мало хорошего, о чем можно написать. А в сущности — ничего нет. О плохом писать не хочется, да и все наше плохое ты сама прекрасно знаешь. Наташа все так же, или — скажем дипломатично — несколько хуже. Особенно не беспокойся, она баба крепкая, надолго хватит, а меня — тем более. Если долго не буду писать — не взыщи, душа моя...»

В последние полгода писем вовсе не было. Ксения поняла — Юра не может простить себе своей роли побежденного, того, что увидела она. А может быть, все гораздо проще — пьют теперь уже оба...

А работа выматывала все больше. «Все, хватит с меня! — несколько раз решала Ксения, всегда почему-то по ночам. — Лбом стену не прошибешь. Надо уезжать».

Наступало утро, она шла в больницу, и вечером порой вспомнить не могла, какое же «важное» решение приняла минувшей ночью.

«Долг» и «совесть» были тут, разумеется, ни при чем, — слов этих Ксения никогда не произносила не только вслух, но и мысленно.

Она никому ничего не была должна. Ни мифическому народу, — ее всегда бесили бесконечно повторяемые «наш долг перед народом», «служить интересам народа» и прочая словесная жвачка, — ни государству, ни — тем более — партии, о членстве в которой она вспоминала не чаще двух раз в месяц, когда платила взносы и отсиживала на партсобраниях, пропуская мимо ушей привычную болтовню. Конечно, иногда на этих собраниях приходилось и выступать, все-таки изредка речь на них заходила и о делах. Но когда ей прозрачно намекнули, что можно и нужно даже чисто производственные вопросы увязывать с решениями пленумов и последними речами генсека, Ксения дерзко ответила:

— Нет уж, давайте договоримся: котлеты отдельно, мухи отдельно.

Произошло некоторое замешательство и делание вида, что этот анекдот с бородищей им неизвестен.

Разумеется, это запомнили. Как потом выяснилось, они помнили все

и знали о ней многое, даже настоящую фамилию отца, — жандармы в поте лица отрабатывали свой кусок хлеба с маслом и икрой.

«Партайгеноссе» однажды довольно робко осведомилась: какое партийное поручение записать ей? Нужно для отчета в райком. Ксения внимательно посмотрела на нее, поправила очки:

— Ну, если для отчета... Можете записать так: исполнение обязанностей педиатра, отсутствующего в больнице уже два года. Я думаю, пользы от этой «общественной обязанности» несколько больше, чем пересказывание по средам передовиц «Правды».

Это тоже, конечно, запомнили. Но — оставили ее в покое. Кто-то догадывался, что она нужна в Красногорске.

А Ксении в Красногорске никто не был нужен. Она пыталась уговорить себя: одиночество — это совсем не страшно, если у тебя есть настоящее, большое дело.

И все же она была одинока, и порой ей становилось очень страшно.

Она долго не могла понять, чем ее притягивает Николай. Уж во всяком случае — не Бодлером по-французски, на такие «финтифлюшки» она еще могла «клюнуть» до Красногорска, но — не сейчас.

Потом, когда Николай сидел в камере, она ночами перебирала в памяти все разговоры и встречи с ним, но смогла лишь отметить, с чего именно этот интерес приобрел несколько неожиданную окраску.

То было в одно из первых вечерних чаепитий, когда разговоры велись преимущественно о Пушкине. Ксения мимоходом обмолвилась о Николае Первом, в том смысле, что он и его придворное окружение виноваты в гибели Пушкина. В общем, вся та чепуха, которая отложилась в ее голове от школьных уроков литературы. Как ни странно, Ксения плохо знала обстоятельства жизни Пушкина, полагая, что главное — его стихи, они говорят сами за себя.

Николай озадаченно поднял брови.

— Ты действительно так думаешь?

— А что, разве не так? — в свою очередь удивилась Ксения.

— Насчет придворного окружения — разговор особый, но что Николай не только не желал смерти Пушкина, но и пытался предотвратить ее — это бесспорно. После первой ссоры с Дантесом осенью тридцать шестого года он даже взял с Пушкина слово, что тот ни при каких обстоятельствах драться на дуэли не будет.

— Ну, — пренебрежительно бросила Ксения, — этот жест ему недорого стоил.

— Конечно, — насмешливо хмыкнул Николай, — все мы с молодых ногтей усвоили, что Николай имел прозвище Палкин, был человеком жестоким, равнодушным, невежественным и лицемерным, каким и полагалось быть всякому российскому самодержцу. А он был таким, каким был, — и, кстати, весьма неглупым и образованным. Он прекрасно понимал значение Пушкина для России и был к нему куда более терпим и уважителен, чем его предшественник на троне Александр Павлович, к которому наша советская историческая молва куда более снисходительна, чем к Николаю. За что Пушкин был сослан в Кишинев, помнишь?

— За какие-то стихи, — неуверенно сказала Ксения.

— В Кишинев — за оду «Вольность». А в Михайловское — за несколько строк из перлюстрированного письма, в котором Пушкин признавался, что все более склоняется к «афеизму», по нынешней терминологии — к безбожию. Ничего особенно крамольного во всем этом не было. И тем не менее — изгнание в Кишинев, потом Одесса, Михайловское, шесть лет скита-

ний, и бог знает сколько было бы еще, не помри Александр и не взойди на трон Николай. А дело с «Гавриилиадой» помнишь?

— Смутно.

— Но саму-то поэму читала?

— Разумеется.

— Хм... разумеется. И тебя ничто в ней... не шокирует?

— Ну... шалости молодого пера... пародия на библейские сказания... так ведь принято относиться к ней.

— Шалости? — Николай покачал головой. — Тогда ты не очень внимательно читала ее... И не так уж молод был Пушкин, когда написал «Гавриилиаду», двадцать два года. И его счастье, что поэма достигла правительственных ушей только семь лет спустя, по чьему-то доносу. Случись это при Александре Первом — не миновать бы Пушкину наказания куда более сурового, чем довольно комфортабельная ссылка в Кишинев, куда он отправился в сопровождении десятка подвод со скарбом и книгами.

— Да что в этой поэме такого страшного?

— Да как сказать... С точки зрения современности — действительно ничего особенного, изящно оформленная эротика, и только. А вернуться в пушкинские времена... Ты не забыла, о чем — и, главное, о ком эта поэма? Отнюдь не об архангеле Гаврииле, как можно подумать по названию. О Пречистой Деве Марии, будущей Богоматери. Культ ее был особенно почитаем на Руси, и молитв возносилось ничуть не меньше, чем Иисусу, — считалось, что они быстрее и вернее будут услышаны, если обратиться не прямо к Богу, а к его матери. А как пишет об этом Пушкин?

Томик пушкинских поэм Ксения как раз в этот день принесла Николаю. Он полистал страницы.

— Да вот хотя бы... Дева Мария, как известно, была непорочна и жила со своим мужем Иосифом вполне невинно. А Пушкин пишет об этом так:

*И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процвести.
Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил еврейкой;
Ее кормил — и больше ничего.*

— Ну, каков тон? — спросил Николай.

— Ну... фривольный, конечно.

— Дальше. Марии было во сне видение, что в супруги ей назначен не кто иной, как сам Господь Бог. Против Бога Мария ничего не имеет, но ей приглянулся и голубоглазый златокудрый архангел Гавриил, которого она между делом разглядела в придворной свите. Где-то здесь... Да, вот:

*Но дивный сон, но милый Гавриил
Из памяти ее не выходил.
Царя небес пленить она хотела,
Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела,—
Но Гавриил казался ей милей...
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант.*

Этакая провинциальная кокетка на балу с заезжими гусарами, ты не находишь? У барышни глаза разбегаются, и думает, на кого позариться — то ли на старые генеральские эполеты, то ли на молодые адъютантские аксельбанты.

— Что-то такое есть,— пришлось признать Ксении.

— Да не что-то, а нечто крайне неприличное и богомерзкое не только по тем временам, но, пожалуй, и по нынешним,— не забывай, о ком идет речь. Дальше, как ты помнишь, события развивались так: Господь посылает в разведку,— а попросту сводничать, как прямо пишет Пушкин,— именно архангела Гавриила. Но тот опоздал — Марию уже успел соблазнить сатана, разжегший ее воображение,— а если точнее, похоть,— рассказом о грехопадении Адама и Евы. Гавриил застаёт их на месте преступления, вступает с бесом в схватку и одолевает его, но — каким способом? Пушкин и тут не удерживается, чтобы не поскабрезничать, даже и без присущего ему изящества:

*Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет;
По счастью, проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес грешил.
Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу.*

Падешь тут... За такие штучки у нас на улице мордой об стенку били... А Гавриил, вместо того чтобы послушно исполнить божественное поручение и тут же почтительно удалиться,— не устоял перед прелестями Марии, да и сам с ней согрешил. А вернувшись на небеса, доложил Богу, не трепыхнув крылышком, что Мария «готова» и ждет его не дождется. И Бог немедленно отправился к ней в облике мохнатого голубя и хоть уже третьим по счету, но все же овладел Марией, впопыхах, обуянный любовной страстью, видимо, не разобрав, что Мария далеко уже не невинна... А усталая, но довольная Мария начинает считать, загибая прелестные пальчики, сколько же у нее перебывало за день... — Николай поискал глазами.— Ага, вот:

*Он улетел. Усталая Мария
Подумала: «Вот шалости какие!
Один, два, три! — как это им не лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и Богу».*

Этакая бойкая монпарнасская потаскушка, которой ничего не стоит пропустить через себя одного за другим трех клиентов, да еще получить от этого удовольствие. А чтобы у какого-нибудь недогадливого или не слишком грамотного читателя не оставалось сомнений, что речь идет не об обычной похотливой еврейской девке, а именно о Богоматери, Пушкин прямо, расставляет все точки над «и»:

*Всевышний Бог, как водится, потом
Признал своим еврейской девы сына,
Но Гавриил (завидная судьбина!)
Не преставал являться ей тайком;
Как многие, Иосиф был утешен,
Он пред женой по-прежнему безгрешен,
Христа любил как сына своего,
За то господь и наградил его!*

Николай захлопнул книгу.

— А догадливый читатель, пораскинув умом, тут же сообразит, что если следовать шаловливой версии Пушкина, что Христос может быть не только Сыном Божьим, но сыном дьявола, сатаны, беса, лукавого, князя тьмы... сколько там у него еще титулов? А это, Ксенюшка, даже и по нынеш-

ним временам для всякого верующего — кощунство, самое настоящее, осквернение святынь! За это во времена не столь отдаленные можно было и на костер угодить. Не стоит сейчас гадать, что побудило Пушкина написать так. Посмотрим, что произошло дальше. Список «Гавриилиады» стал известен церковникам, митрополит Серафим довел его до сведения правительства, и делу по распоряжению Николая был дан ход. Авторство Пушкина предположить было несложно, и его потянули на допрос. Он все отрицал, даже пытался свалить вину на покойного князя Горчакова, рассчитывая на то, что письмо не вскроют. Дело-то пахло уже не Михайловским, а Сибирью! Святейший синод во главе с обер-прокурором шутить не любил. Тогда Пушкин, видимо, по совету Вяземского, написал письмо Николаю, в котором и признался в авторстве «Гавриилиады». Само письмо не сохранилось. И — что же Николай Палкин, жестокий российский самодержец? — Ксения молча пожала плечами. — А взял да и начертал высочайшую резолюцию, которая звучала так... — Николай заглянул в примечания. — «Мне это дело подробно известно и совершенно кончено». И дело было действительно кончено без всяких последствий для Александра Сергеевича... А ведь это был двадцать восьмой год, когда большинство из вольнолюбивых и антикрепостнических стихов были уже написаны Пушкиным, и вздумай Николай расправиться с крамольным поэтом, лучшего повода для этого и вообразить нельзя. Ну и чего тут удивительного, что Николай пытался искренне уберечь Пушкина от дуэли, зачем обвинять его в лицемерии, выставлять душителем и гонителем русского гения? Зачем представлять дело так, будто Николай был чуть ли не влюблен в Наталью Николаевну и только поэтому приблизил Пушкина ко двору? И утверждать, что Пушкина чрезвычайно тяготила светская придворная жизнь и по-настоящему хорошо ему было только в заброшенном Болдине, где он и написал множество своих прекрасных произведений, — значит очень сильно преувеличивать. Его тяготила не столько сама эта светская жизнь, — это было разве что в последние год-два, — сколько невозможность должным образом вести ее. Конечно, его угнетал и его крошечный камер-юнкерский чин, и постоянное безденежье. И уж совсем нелепо обвинять Наталью Николаевну, что она погубила и разорила его своими нарядами и драгоценностями и легкомысленным поведением, — как делает это Щеголев, Ахматова. Чепуха! Женясь на ней, Пушкин прекрасно понимал, какая жизнь предстоит ему, — и принялся эту жизнь устраивать. Не только для нее — но и для себя. Вспомни хрестоматийное:

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботы суетного света
Он малодушно погружен.*

Написано это не о каком-то абстрактном поэте — но и о самом Пушкине. Так что не надо забывать, что он был не только великим поэтом, но и обыкновенным человеком, «малодушно» погруженным в суетные светские заботы. Не только Наталье Николаевне нужны были придворные балы, светские рауты, княжеские гостиные, но и самому Александру Сергеевичу. И дворянский клуб, и дружеские попойки, и карточные столы — все было нужно. Вспомни его тоску и бешенство в михайловской ссылке. Воспитывался-то он не только няней Ариной Родионовной, на что в нашем примитивном советском «пушкиноведении» делается чрезмерный упор. Но и лицеом, который, не надо забывать, готовил элитарных чиновников для государственной, а стало быть — и для царско-придворной службы. И светскими гостинными, в которых Пушкин провел времени куда больше, чем в Болдине. И, любя Наталью Николаевну, он тем не менее волочился на этих балах за чужими же-

нами ничуть не хуже других... Такова была жизнь тогда, и вырывать Пушкина из этой жизни, изображая его исключительно с пером в руке, с вдохновенно-горящим поэтическим взором, — нелепо и глупо. Тогда действительно ничего нельзя понять в его трагической гибели, и только и останется, что вешать всех собак на презренный царский режим во главе с Николаем Первым и изображать Дантеса послушным орудием в руках неких могущественных сил, стремящихся во что бы то ни стало погубить великого поэта. И как бесспорное доказательство тому приводить довод — слишком легко отделался Дантес за убийство национального гения России... Подумаешь, лишили офицерского чина и выслали из России! Заточить пожизненно в Петропавловскую крепость, а еще лучше — повесить, — вот это было бы дело! Чтобы впредь неповадно было заезжим французикам-педерастам отстреливать русских гениев...

— Ты что, защищаешь Дантеса? — с изумлением спросила Ксения.

— Господи, ну что за чепуха! — рассердился Николай. — Нет, конечно! Но другого наказания для Дантеса и быть не могло! Потому что он был не только заезжим французиком, но офицером русской гвардии и сыном голландского посланника! И, кстати, тогдашний правитель Нидерландов принц Вильгельм Оранский доводился Николаю Первому шурином! Но не это главное, а то, что Дантес убил Пушкина, защищая свою оскорбленную честь!

— Что-о?

— Да, именно так все не только выглядело в глазах света, но, увы, в значительной мере было и правдой. Конечно, Дантес волочился за Натальей Николаевной, но это такая пустяковина по тем временам! В нее пол-Петербурга влюблены были! И волочение Дантеса продолжалось, если верить самому Пушкину, уже два года! Почитай письма Пушкина Геккерну, после которого Дантес вынужден был вызвать Пушкина, ибо оно метило не столько в самого Геккерна, сколько оскорбляло Дантеса. Да вот хотя бы только некоторые фразы: «...я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха...» Или: «...когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней...» Еще: «...он просто плут и подлец...» После такого письма Дантес не мог не вызвать Пушкина, а вызвав, не мог не убить... Да-да, не смотри так, не мог не убить, — иначе наверняка был бы убит сам! Не забывай, Пушкин был превосходным стрелком, да и условия дуэли обговаривал так, чтобы исключить благополучный исход и не превратить поединок в бутафорию. Ему обязательно нужна была пролитая кровь, своя или чужая, но нужна! Более того... Я много раз перечитывал стихи его последних лет и письма и каждый раз не мог отделаться от ощущения, что Пушкин сознательно искал смерти — как единственного избавления из безвыходного положения. Дело было ведь не только в этой мерзкой возне вокруг псевдоромана Натальи Николаевны и Дантеса, слухах, сплетнях, пасквиле с приписыванием Пушкина к ордену рогоносцев. Почему-то напрочь умалчивается — или не придается значения — о другой стороне его жизни, практически безвыходной, — финансовом положении. Оно было абсолютно безнадежно! После его смерти долгов осталось сто сорок тысяч...

— Сколько? — не поверила Ксения.

— Сто сорок! Тысяч!

— С ума сойти... По тогдашним деньгам, наверно, целое состояние.

— Да уж... И, кстати, все эти долги были уплачены Николаем, да не из казенных денег, а из личных. И детей он не забывал, сыновья — Гришка и

Сашка — выучились за казенный кошт, да и девчонкам, Машке с Наташкой, при замужествах кое-что перепало.

— Сдаюсь,— Ксения шутливо подняла обе руки.— Насчет Николая ты меня убедил.

— Да я вовсе не собираюсь убеждать тебя, что Николай был прекрасный человек! Только зачем на него всех собак навешивать? Речь идет только о его отношениях с Пушкиным.

— Все равно виновата, но — заслуживаю снисхождения, ибо мое невежество объясняется отсутствием информации. А тебе-то откуда все это известно?

— Источники самые разные, как правило, малотиражные, а частенько и вовсе недоступные нашему самому читающему читателю в мире. Официозу невыгодно распространение такой информации. Во-первых, Николай предстает в несколько ином свете, а главное — им нужен Пушкин сусальный, иконописный, а не живой человек из плоти и крови...

Ксения все еще не могла прийти в себя от названной Николаем цифры.

— Нет, ну ты объясни, как мог Пушкин столько задолжать? И как он собирался рассчитываться?

— Ну, как он мог задолжать, объяснение самое простое, хотя и совершенно непонятное для нас, нынешних нищих россиян, перебивающихся от аванса до получки. Для нас и сотня рублей долгу — уже проблема. Но Пушкин, в принципе, был человеком отнюдь не бедным, и до поры до времени мог позволить себе залезать в долги. Пока он не женился, ему, в общем-то, хватало, хотя и в письмах тех лет он нередко жалуется на безденежье. Но вызвано это было в основном карточными долгами. В карты он играл всю жизнь, и, как правило, несчастливо. Не с его африканским темпераментом и азартом было садиться за карты. Он это понимал и много раз зарекался играть — и все-таки садился снова. Есть у его карточного приятеля Великопольского такие стишки для узкого круга: «Глава Онегина вторая съезжала скромно на тузе». Ну, вторую главу «Онегина» он отыграл, но был действительно случай, когда Пушкин проиграл — всего за тысячу — рукопись своих стихов некоему Всеволожскому и потом долго не мог выкупить ее.

— А что этот Всеволожский стал бы делать со стихами, если бы Пушкин не выкупил? Опубликовал под своим именем?

— Нет, конечно, но и Пушкин не мог напечатать их, пока не выкупил. Разумеется, не потому, что не мог восстановить их по памяти или по черновикам,— просто это запятнало бы его честь. Но что эта тысяча! Однажды Александр Сергеевич, задержавшись где-то в пути из-за непогоды, сел играть с местным помещиком Огонь-Догановским — и просадил за вечер двадцать четыре тысячи! И еще восемьсот какому-то неизвестному пришей-пристебаю... Не наличными, конечно, а под вексель. И этот вексель семипудовой ношей висел на нем несколько лет. Но все это были цветочки — ягодки начали поспевать, когда Пушкин перебрался с Натальей Николаевной в Петербург. Царь положил ему за дозволение рыться в архивах пять тысяч в год,— синекура чистейшей воды, если правду сказать. Этих денег на булавки Наталье Николаевне не хватало! Один выезд — карета с лошадьми — обходился в четыре тысячи в год. А квартира из двух десятков комнат в доме Волконских с поварами, няньками, кормилицей, челядью. А сестры Натальи Николаевны, жившие вместе с ними? Теща, Наталья Ивановна, давала на их содержание, конечно, тетка, Загряжская, туалеты Натальи Николаевны частенько оплачивала, но все как в прорву уходило,

своячениц тоже ведь в свет надо было вывозить и замуж пристраивать, — хотя бы за того же Дантеса...

— За кого? — изумилась Ксения.

— За того самого, Жоржа-Шарля, барона Геккерна. Старшая сестра Натальи Николаевны, Екатерина, выскочила за него недели за две до дуэли.

— Ну и ну...

— Это неожиданное замужество — темное пятно до сих пор. С одной стороны, оно позволило загасить первую ссору, ноябрьскую. Пушкин, получив нагоняй от царя, отозвал свой вызов, но — породило слухи, что Дантес просто трусил и прикрылся этой женитьбой. Похоже, что Александр Сергеевич каким-то боком к этим слухам причастен. А это уж и вовсе не способствовало... Дантес, конечно, исчадие ада и все такое прочее, но трусом он, несомненно, не был... Ладно, об этом потом.

— Подожди, дай опомниться... А что, эта Катерина... не знала, что Дантес влюблен в ее сестру?

— Не только знала, но даже помогала устраивать встречи Дантеса и Натальи Николаевны.

— Значит, все-таки они...

— Да ничего это не значит, — с досадой сказал Николай. — Речь идет не о любовных свиданиях наедине, а об обычных встречах в светских гостиных. С этим тоже возникли проблемы, когда ухаживания Дантеса приняли очень уж явный характер. Ну, например, Вяземские ему отказали, а Карамзины продолжали охотно принимать...

— И все-таки Екатерина пошла за него?

— Пошла, и с великой охотой! Ее тоже можно понять. Ей было уже под тридцать, и хотя она вовсе не слыла дурнушкой, но рядом с Натальей Николаевной очень проигрывала, кто-то даже сравнивал ее с ручкой от метлы — за высокий рост. Очень ей хотелось замуж! Ну, еще и такая «мелочь» — она была по уши влюблена в Дантеса. Он ведь был красавчик, остроумный, к тому же француз, и многие девицы на выданье были от него без ума... Ладно, вернемся к Александру Сергеевичу. Ездить на балы и на светские приемы автоматически означало — надо устраивать рауты и у себя. А был еще любимый братец Левушка, шалопай, бездельник и картежник, которого тоже приходилось выручать не однажды. Ты не задумывалась, откуда бытует это расхожее выражение: «А кто за тебя платить будет? — Пушкин».

— Да... как-то в голову не приходило.

— А идет она, судя по всему, как раз от Левушки. Тот мог закатить пирушку на двенадцать персон в лучшей петербургской ресторации и вместо того, чтобы расплатиться, небрежно бросить: «Пушкин заплатит». И Пушкин платил, куда деваться, устраивал братцу головомойки, но с того все как с гуся вода... Стоит ли удивляться, что долги Пушкина росли год от года? Чтобы рассчитаться с самыми неотложными, он снова залезал в долг, брал и в казне, и у ростовщиков под бешеные проценты, закладывал и перезаклаживал и драгоценности Натальи Николаевны, и Болдино, и все это надо было выкупать, платить проценты, а значит, снова залезать в долги. Вот так сто сорок тысяч и набежали.

— Но он же понимал, что деньги рано или поздно придется отдавать?

— Все он прекрасно понимал, Ксенюшка... И не раз строил планы — свернуть петербургскую жизнь, уехать в Болдино, даже прошение царю подавал об отставке, но поскольку в таких вопросах он действовал всегда через Жуковского, тот просто наорал на него, и пришлось прошение забрать, да еще извиняться перед Бенкендорфом, — как бы не осталось впечатления

тления о его неблагодарности. Да и Наталья Николаевна, правду сказать, ехать в Болдино не желала. Ее тоже можно понять. Она ведь была не просто красивая женщина — первая красавица Петербурга, а стало быть, и России, да ей еще и двадцати пяти не было. Что ей было делать в Болдине? Так что Пушкин не очень и настаивал. Конечно, он пытался как-то поправить свои дела, прежде всего за счет издательской деятельности. Но тут у него не было никакого опыта. «Историю Пугачевского бунта» — а именно так, а не «История Пугачева», как по нашей советской терминологии, называлась эта книга, — он решил не только издавать, но и продавать сам, чтобы ни с кем не делиться барышами. Он очень рассчитывал на эту книгу и в шутку называл Пугачева своим оброчным мужичком. А что в итоге? Взял заем в казне, отпечатал три тысячи экземпляров, но цену назначил несуразную, надеясь, что имя Пушкина сработает. Не сработало, с годами популярность Пушкина падала, и после его смерти в кабинете так и остались лежать тысяча семьсот нераспроданных экземпляров... И издание «Современника» он затеял прежде всего для того, чтобы поправить свои финансовые дела, но и тут ничего не вышло. Вот и представь его состояние в последние годы жизни... На что он еще мог рассчитывать? Да ни на что, разве что на чудо. А вместо чуда — эта история с Дантесом. И хотя Наталье Николаевне он верил безоговорочно, но не считаться со слухами и сплетнями не мог. Тут ведь надо иметь в виду и его характер, отнюдь не ангельский. Он был очень вспыльчив и самолюбив, порой гипертрофированно. Ты знаешь, сколько таких вызовов на дуэль — по тогдашней терминологии картелей — было в жизни Пушкина?

— Сколько?

— Семнадцать! И порой по поводам самым пустяковым. Так, графа Соллогуба он вызвал только за то, что тот, по мнению Пушкина, слишком дерзко и высокомерно посмотрел на него, когда они встретились на какой-то почтовой станции. К счастью, большинство этих картелей оставались без последствий, дело улаживалось. А дуэлей было всего две — последняя с Дантесом и одна из первых — в Кишиневе, с подполковником Старовым. Предыстория этой дуэли очень характерна и многое объясняет. На балах того времени было принято делать заказы оркестрантам. Пушкин подошел к ним и сделал заказ, но выяснилось, что буквально за несколько секунд перед тем заказ был сделан каким-то армейским поручиком. Что в таких случаях делают приличные воспитанные люди?

Николай выжидающе смотрел на нее.

— Ну, наверно, делают заказ на следующий танец...

— Вот именно. И Пушкин наверняка так и поступил бы, если бы на месте армейского поручика был человек его круга. А тут Александр Сергеевич счел невозможным уступить и стал настаивать на исполнении своей музыки. А поручик почему-то стушевался. Тогда вмешался полковой командир и потребовал у Пушкина извинений. Тот, естественно, отказался, и Старов вызвал его на дуэль, ибо оказалась задетой честь полка. Положа руку на сердце скажи, кто был прав? При всей моей любви к Александру Сергеевичу никак не могу сказать, что он. И дуэль состоялась, секундантам не удалось примирить их. Стрелялись, кажется, с тридцати шагов, до трех раз. И по два выстрела сделали, — разумеется, мимо, наверняка оба старались в первую очередь хотя бы ненароком не задеть друг друга. Они же не могли не понимать всей пустяковости этой истории, но — правила чести требовали дуэли! Третьим выстрелам помешала начавшаяся метель, поединок прервали, но вечером секунданты все уладили, и пальбы больше не было. А насколько серьезно относился Пушкин к этой дуэли, показывает

хотя бы такой каламбурный стишок, оставленный им своему приятелю, — кажется, Туманскому, — когда он заехал к нему и не застал: «Жив Старов дуэль не кончен».

— Да, история почти анекдотическая.

— Вполне в духе того веселого времени... Пятнадцать несостоявшихся дуэлей Пушкина показывают, что тогда можно было легко угодить на мушку, но еще легче соскочить с нее, было бы желание. Дуэль, по существу, перестала быть способом удовлетворения оскорбленной чести. По сути, но — не по форме! Вызовы бросались и принимались, как видно, с легкостью необыкновенной, но до настоящего кровопролития дело доходило крайне редко, а смертельные исходы можно пересчитать по пальцам. И не только потому, что дуэли были запрещены и за них строго наказывали. Дуэлянты, исполнив необходимый с точки зрения светского общества ритуал, нередко сходились за дружеским пуншем и пили за здоровье друг друга. Тот же граф Соллогуб, о котором я упоминал, был приглашен Пушкиным в секунданты во время первой ссоры с Дантесом. И Соллогуб, надо сказать, сделал все, чтобы дуэль не состоялась, тут же кинулся к Жуковскому, а тот прямо к царю. Тут история длинная, в нее много народу было втянуто. Дуэль пытались предотвратить все, даже секундант Дантеса виконт д'Аршиак! Он вел переговоры с Соллогубом даже в ущерб Дантесу! Все хотели, чтобы дуэли не было — один Пушкин не хотел! Еще тогда, в ноябре, он послал Соллогуба с одним требованием — не вступать ни в какие переговоры о примирении, только о деле, где и когда стреляться, и добавил: «Чем кровавее, тем лучше». К счастью, Соллогуб не исполнил этого приказа и вел в первую очередь именно мирные переговоры, за что Пушкин потом долго дулся на него.

— И это тот самый Соллогуб, которого Пушкин вызывал на дуэль? — недоверчиво спросила Ксения.

— Да, тот самый, граф Владимир Александрович Соллогуб, впоследствии довольно известный писатель. А тогда ему было всего года двадцать три, что ли, он, как вся молодая петербургская знать, был влюблен в Наталью Николаевну, что, в общем-то, и дало Пушкину повод вызвать его, не один только дерзкий и высокомерный взгляд, наверняка почудившийся мнительному Александру Сергеевичу.

— А когда этот вызов был?

— Да всего за несколько месяцев до того, весной, кажется. Соллогуб в своих воспоминаниях пишет и об этом, в очень примечательных выражениях. Точно я не помню, конечно, но смысл был такой: «Со мной Пушкину бояться было нечего». Нет, не то, Соллогуб так не мог написать, он слишком высоко ценил Пушкина, чтобы хотя бы в такой форме задеть его, то есть что Пушкин мог кого-то бояться... Сейчас вспомню... А, да, все наоборот: «Со мной я за Пушкина не боялся, ни у одного русского рука на него не поднялась бы, но французу русской славы жалеть было нечего». В общем, тогда дуэль удалось предотвратить, Николай вызывал Пушкина и взял с него слово, что тот драться не будет... Я к чему все веду? Очень уж все сходится, если предположить, что Пушкин сам искал смерти — как единственного выхода из безвыходного положения. Если в первый раз вызов Дантесу сделал он сам, то во втором случае сделал все так, чтобы инициатива исходила от Дантеса.

— Зачем ему это нужно было?

— А затем, что, по правилам дуэльного кодекса, в этом случае выбор оружия и условий поединка был за Пушкиным. И он этот выбор сделал, да такой, что напрочь исключал благополучный исход. Сходиться с двадцати

шагов, по пять шагов до барьеров, а стреляться — с десяти. Господи, это же всего семь метров! Почти в упор! Промахнуться было практически невозможно даже самому неискусному стрелку, не говоря уж о таких, какими были и Пушкин, и Дантес. Дантес выстрелил первым, не дойдя одного шага до барьера, но ничто не мешало Пушкину сделать то же самое, так было оговорено в условиях поединка... — Николай помолчал. — Вот и скажи теперь, кто тут виноват... Если уж искать виновных — то прежде всего сам Пушкин. А если взглянуть пошире — его гений. А гении всегда были не ко двору — да простится мне этот плоский каламбур. Во все времена, при всякой власти, при любом строе — рабовладельческом, феодальном, при капитализме, при развитом социализме, так будет и при коммунизме, если, не дай бог, он когда-нибудь наступит. Но, правда, при коммунизме гениев не может быть, а потому он никогда и не наступит, поскольку без гениев природа не может... Но когда они появляются, об их гениальности никто не знает, порой даже они сами, в них видят прежде всего обыкновенного смертного, и потому им всегда плохо. При диктатурах, республиках, монархиях — всегда, везде, всюду! И ничего с этим поделать нельзя — такова природа гениальности. Гении всегда бунтуют, неважно, в чем именно проявляется их гениальность. И даже если пытаются обуздать свои порывы к бунту — никогда ничего из этой затеи не получается. Яркий пример тому — Толстой. Вот уж кто всю жизнь пытался смирить себя, согласно своему учению, и все-таки не удалось, хоть и на смертном одре — но восстал, чтобы тут же и погибнуть. Нам просто повезло, что Лев Николаевич не дожил до революции и советской власти, — а это вполне могло случиться, не будь того побега и воспаления легких, здоровье у него было отменное. Тогда наши нынешние школьники — и мы с тобой — не писали бы сочинений о светлых образах Наташи Ростовской и князя Болконского...

— Почему?

— Да потому! Не приходится сомневаться, что Толстой не только не принял бы великого Октября, но наверняка предал бы большевиков громогласной анафеме за моря пролитой ими крови. И большевикам ничего не оставалось бы, как делать вид, что не было такого великого русского писателя, был посредственный сочинитель граф Толстой, писавший косноязычно, с множеством неудобочитаемых придаточных предложений, скверный стилист, — мог написать полдюжины «это» в одной фразе и двадцать раз «было» на одной странице. Ну какой нынешний уважающий себя писатель позволит себе такое? А если и позволит, то редактор недрогнувшей рукой вычеркнет или просто возвратит рукопись, — сначала научитесь писать, потом приходите.

— Ну, это уже... слишком. Я о Толстом, конечно, а не о нынешних писателях.

— Разве? Но ведь делали вид — и до сих пор делают, — что не было такого великого русского писателя Бунина, был злобный белоэмигрант, ярый антисоветчик дворянин Иван Бунин, чуть ли не Ванька-Каин... А что ему там какую-то Нобелевскую премию дали — так опять же за антисоветчину только, как потом Пастернаку... Хотя убей меня бог, читал я «Доктора Живаго» — и никак в толк взять не мог, что там так крепко напугало наших властителей. Пастернак всегда был чужд всякой политике, его даже Сталин не трогал. А почему Хрущев решил расправиться? Сколько ни думал, а вывод напрашивался один — растоптали в назидание другим, для острастки. Не печатайтесь за границей, сукины дети, не получайте всякие там буржуйские премии, пишите, как велят, — и мы вам своих премий, сталинских-ленинских, надаем, геройских звездочек понавешаем, дач

понастроим. Главное — слушайте, партия плохому не научит, давно же всем известно, что она, родимая и любимая, ум, честь и совесть нашей эпохи...

— Камешек в мой огород? — кисло спросила Ксения.

— Да господь с тобой, Ксенюшка... Какая же ты партийка? Так, недо-разумение с партбилетом.

— Ну, спасибо хоть и на этом...

— Вижу тень сомнения на твоём высоком челе и потому сейчас добью тебя одним простеньким примерчиком с тем же Львом Николаевичем. Что ты скажешь, если, в свой черед, я тебе скажу: истинного Толстого наши читатели, в сущности, не читали и прочесть не могут — по причине его почти абсолютной недоступности? По твоему взору вижу, что с твоих уст готово сорваться крайне неприличное слово вроде «чепуха» или «ерунда». Угадал?

— Угадал, — призналась Ксения. — Но я все же не сказала.

— И правильно сделала. Потому что мое печальное утверждение полностью соответствует печальной истине. Следуя категорическим, неприличным по грубости тона высказываниям Владимира Ильича, наши послушные литературоведы дружно признают гений Толстого-художника — и напрочь отказывают ему в звании философа и мыслителя. Стало избитой аксиомой, что как мыслитель Толстой очень наивен, непоследователен, примитивен. А сам Лев Николаевич в последние десятилетия своей жизни искренне был уверен, что все его художественные писания гроша ломаного не стоят, а самое главное — именно его искания смысла жизни и сочинения на эту тему, — «Исповедь», «В чем моя вера», еще статьи, а самое главное — дневники, которые, в сущности, и не были обычными дневниками, а самим же Толстым предполагались для печати после его смерти. Но как раз все это главное мы и не можем прочесть! Даже в так называемом полном, девяностотомном Собрании сочинений они либо вовсе отсутствуют, либо печатаются с громаднейшими купюрами, особенно дневники. И наберется этого выбранного и опущенного, я думаю, еще на добрый десяток томов. Но ведь даже и эти как бы существующие девяносто томов — почти миф, они изданы в основном еще до войны, в мягких обложках, нищенским пятитысячным тиражом и доступны далеко не каждому специалисту, а о рядовом смертном читателе и речи нет. Что, опять не веришь?

— Да ты такое говоришь... Как это может быть?

— Еще как может, Ксенюшка... А для полноты картины еще одно «алаверды»: у нас вообще нет полных собраний сочинений, ни одного классика! У всех отыскивалась крамола — и, разумеется, находилась, а стало быть, и беспощадно изымалась. Даже у нашего архипролетарского, рассоветского Горького! Например, не издается и даже не упоминается в библиографии его сборник «Несвоевременные мысли», куда вошли его статьи восемнадцатого года из газеты «Новая жизнь», просуществовавшей менее года и закрытой по совнаркомовскому указу. Да и как их печатать теперь, если по прочтении этих действительно очень несвоевременных — не только для тех лет, но и для нынешних — мыслей даже скудоумный читатель неизбежно придет к выводу, что буреизвестник революции был ярым антисоветчиком, антибольшевиком и антиленинцем!

— Серьезно?

— Более чем! Ладно, хватит с тебя на сегодня, — сжалился Николай. — А то, чего доброго, усомнишься не только в моих словах, но и в своем собственном существовании.

— Усомнишься тут... — Она взглянула на часы. — Ужасно интересно

все это, но надо и в самом деле идти. Но скажи, умный человек, хоть я у тебя уже и спрашивала... Откуда ты все-таки все это знаешь? Не только про Пушкина, Толстого, Горького, а... вообще.

— А я тебе отвечал — правду, только правду, ничего, кроме правды. Из книг, Ксенюшка, из книг... Любите книгу — источник знаний, — этот марксистско-ленинский лозунг висит в каждой библиотеке.

— Да ведь и я кое-что читала... Хотя бы ту же «Гавриилиаду». Но и в голову не приходило... так посмотреть.

— Ну, тут удивляться особенно нечему... Никакая самая умная книга не существует отдельно, сама по себе. Для тебя, как и для всех советских читателей, — это легонькая поэмка, не из самых лучших у Пушкина, действительно вроде бы шалости гения, и не надо слишком серьезно относиться к ней. Ну, переспала там какая-то девица с тремя в один присест, — вернее, в один прилег, — экая беда...

— Ладно, хватит издеваться.

— Да разве я издеваюсь? — Николай серьезно смотрел на нее. — Беда в том, что большевики, отлучая русский народ от бога, заодно отлучили его и от огромных пластов христианской культуры. В первую очередь от фундамента ее — Библии. Ты ее, конечно, не читала?

— Нет, конечно, — буркнула Ксения.

— Ну да, откуда... И не достанешь, и не всякому этот труд... без подготовки по плечу и по времени. Я первый раз ее больше года читал, на церковнославянском, правда.

— А почему именно на церковнославянском?

— Да просто не было русской, а ту я нашел в заброшенной деревне на Севере. Так вот, не зная Библии, нельзя толком ни того же Толстого понять, ни Достоевского, ни множества других книг. О живописи я уж не говорю, вся классика процентов на девяносто построена на библейских сюжетах. А нам вместо Библии подсовывают вонючие писания Ярославского и Таксиля, — жрите, что дают, тут вам полное доказательство того, что Бога нет и быть не может, а больше вам ничего и знать не надо. Гагарин вон слетал в космос и воочию убедился — пусто на небесах. Какого рожна вам еще надо? Читайте лучше программу партии и доклады генсека, там все есть, что вам знать положено.

— Ладно, не заводись.

— Ну и ладно, не буду.

— Поэмы я пока возьму, завтра принесу.

— Хочешь проверить, не слишком ли я строг к твоему любимому Александру Сергеевичу?

— Хочу.

— Проверяй. И необязательно соглашаться со мной. У каждого свой Пушкин. И мое препарирование «Гавриилиады» ровным счетом ни о чем не говорит и достоинств Пушкина не может умалить и в самой малой степени. Для меня он... ну, бог не бог, а... Понимаешь, это что-то такое, без чего меня быть не может. То есть я был бы, конечно, и без него, но какой-то другой, а значит, уже не я, нынешний, такой, как есть. И то, что Пушкин в жизни был отнюдь не ангелом, — и матерился как извозчик, даже в письмах к Наталье Николаевне, и волочился чуть ли не за каждой юбкой. В письме к Вере Федоровне Вяземской перед женитьбой он с напускной скромностью признается, что Наталья Николаевна — его сто тринадцатая по счету любовь...

— Он что, счет им вел?

— Ну да! Даже «донжуанские списки» составлял, которые наши цело-

мудренные «пушкиноеды» хранят за семью печатями... Я что хочу сказать... Вся эта житейская мишура не только не мешает мне ценить и любить Пушкина, но скорее помогает, приближает, что ли... И я совершенно искренне убежден — нам, русским, просто очень повезло, что было у нас такое солнце в России — Пушкин... И с его смертью закатилось не только солнце русской поэзии — осиротели все мы, русские, и большей потери в истории России не было и не будет...

«Гавриилиаду» Ксения перечитала в тот же вечер — и убедилась, насколько Николай прав. А ведь читала прежде раза два или три. Н-да... «Любите книгу — источник знаний». Любить можно и буженину с хреном... Наверно, если бы она действительно прочла Библию, то по-другому восприняла и «Гавриилиаду». А так — что она знала о Деве Марии? Полупохабненькие анекдоты с медико-физиологическим уклоном, — надо же, от святого духа забрюхатела, да еще и целкой осталась. Всем бы так, чтобы после первой брачной ночи с мужем не объясняться, почему простыни чистые...

Ксении тошно и стыдно стало при одном воспоминании об этом. А ничего, тогда слушала, только что сама не рассказывала...

Стыдно было еще и потому, что как раз у нее Библия была, подарил Владимир Александрович. Карманное издание, кажется, бельгийское. Где-то ведь и сейчас лежит. Пробовала читать — и больше двух десятков страниц не одолела. Оправдание было — мельчайший шрифт, от которого очень быстро уставали глаза. Оправдание, конечно, всегда найдется... На самом-то деле, помнится, заспотыкалась на первых же нелепостях. То выходило, что сначала Бог сотворил человека по образу и подобию своему, одновременно мужчину и женщину, чтобы они плодились и размножались и владели всей землей, — и чуть ли не на этой же странице идет другая сказка: сначала Бог создал мужчину, потом усыпил его, — интересно, каким наркозом пользовался? — вынул ребро и сотворил из него женщину... Ну, и еще какие-то нелепицы, теперь уже и не вспомнить... Почти полторы тысячи страниц такой «мудрости» — зачем ей это нужно? Да и когда? Лекции, практика, дежурства, домашние дела... Да и то сказать — хороша «мудрость», если элементарные концы с концами не сходятся...

В Красногорске она ни разу в Библию не заглядывала и теперь даже вспомнить не могла, где, в каком чемодане лежит?

А Николай чуть ли не слово в слово повторяет Владимира Александровича: Библия — первооснова всякой культуры. Да и вообще есть что-то общее в их рассуждениях — и по духу, и по смыслу, например, отношение к революции, к большевикам.

Потому что — читали одни книги?

Видимо, так.

«Любите книгу — источник знаний».

Книги-то Ксения любила, да, видно, не совсем те читала... Гордилась своей любовью к Пушкину, — как же, почти всего «Онегина» наизусть знает! — своим «домом», а на деле-то в этом доме ничегошеньки, кроме голых стен, книжных полок, хрестоматийного портрета Кипренского и пары музейных кресел...

Библия отыскалась. Но не начинать же снова со сказочек о сотворении мира и человека... Она вспомнила недавний разговор с Николаем и принялась за Екклесиаста.

Прочитала — и горько посмеялась над собой. Господи, бывают дураки, но такой дурищи воистину свет не видывал!

Удивляло и поражало то, чего она никак не ожидала найти в Библии, — красота и мощь этой осязаемо густой, насыщенной прозы. Но не только это, конечно.

Екклезиаст бросал то в жар, то в холод, из огня — да в полымя.

Грозно внушал о бессмысленности всяческих дел и знаний, мудрости и богатства:

«И обратился я, чтобы взглянуть на мудрость и безумие и глупость: ибо что может сделать человек после царя сверх того, что уже сделано? И увидел я, что преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою: у мудрого глаза его — в голове его, а глупый ходит во тьме; но узнал я, что одна участь постигает всех. И сказал я в сердце моем «и меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?» И сказал я в сердце моем, что и это — суета, потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увы! Мудрый умирает наравне с глупым. И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем, ибо все — суета и томление духа! И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли будет он или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем. И это — суета!.. Ибо что будет иметь человек от всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится он под солнцем? Потому что все дни его — скорби, и его труды — беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это — суета!»

И тут же Екклезиаст как будто противоречил себе:

«Итак, увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это — доля его; ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?»

И нагнетал:

«И обратился я и увидел еще суету под солнцем; человек одинокий, и другого нет; ни сына, ни брата нет у него; а всем трудам его нет конца, и глаз его не насыщается богатством. «Для кого же я тружусь и лишаю душу мою блага?» И это — суета и недоброе дело!»

И тут же подбрасывал лучик надежды, рецепт от только что провозглашенной вселенской одинокости:

«Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их: ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет один, а другого нет, который поднял бы его. Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться? И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, втрое скрученная, не скоро порвется».

И — бил наотмашь высокомерным презрением к женщине:

«Далеко то, что было, и глубоко-глубоко: кто постигнет его? Обратился я сердцем моим к тому, чтобы узнать, исследовать и изыскать мудрость и разум, познать нечестие глупости, невежества и безумия, — и нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасается от нее, а грешник уловлен будет ею. Вот это нашел я, сказал Екклезиаст, испытывая одно за другим. Чего еще искала душа моя и я не нашел? — Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщину между всеми ими не нашел. Только это я нашел, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы».

И вдруг — будто ничего этого не говорил Екклезиаст и взорвался ликующим гимном жизни:

«Кто находится между живыми, тому еще есть надежда, так как псу живому лучше, нежели мертвому льву. Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению, и любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части во веки ни в чем, что делается под солнцем. Итак, иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это — доля твоя и в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем. Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости...»

Ксения бережно закрыла пурпурный томик без названия, только тисненый крест выделялся на обложке. Боже, как все просто, сильно и ясно... Если и есть рецепт смысла жизни, то, наверное, в этом: «Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают». Ведь если это понять — уже есть выход из всякого безвыходного положения.

Она, конечно, много раз слышала и читала об этом, что жизнь прекрасна сама по себе. Со школьных лет барабанной дробью выбивали:

«Жизнь прекрасна и удивительна...»

«Жить надо так, чтобы, умирая, мог сказать...»

Слова отскакивали, ничего не задевая в душе.

Задело — только теперь. А ведь слова как будто самые обычные, и смысл их давно известен.

Почему так? Когда это написано?

Библия ответа не давала. Очевидно, предполагалось, что всякий культурный человек должен знать это...

На следующий день она спросила Николая, когда написан Екклесиаст. Он озадаченно взглянул на нее.

— Примерно в десятом веке до нашей эры. А почему ты спрашиваешь?

— Значит, уже три тысячи лет...

— Значит... Ты что, читала Екклесиаста? — догадался наконец Николай.

— Читала.

— У тебя есть Библия?

— Есть.

— И давно?

— Лет шесть.

— Вот это новость... — Он запнулся.

— Ну, поукоряй, что до сих пор не удосужилась прочесть.

— Да нет, что ты, какие укоры, — поспешно сказал Николай. — Тогда тебя можно поздравить и позавидовать.

— Чему? — не поняла она.

— Да тому, что впервые прочесть Екклесиаста — это событие, каких не так уж много в жизни каждого человека, — серьезно сказал Николай. — Ну и что, смутил он твою душу?

— Смутил...

— Естественная реакция... А хочешь, я скажу, чем именно он больше всего смутил тебя?

— Ну, попробуй.

— Своими суждениями о женщине. Угадал?

— Угадал, угадал... А как тут не смутиться? То женщина для него — самое последнее ничтожество, то вдруг — «наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни жизни своей».

— «Во все дни суетной жизни твоей», — поправил Николай.

— Да, верно, — припомнила Ксения. — Ты что, наизусть его знаешь?

— Ну... почти. На такие памятные подвиги, как ты, я не способен, но это место помню точно. Каждому свое, Ксенюшка, — добавил, смеясь, Николай. — Тебе — Пушкина наизусть, мне — почти — Екклесиаста.

— Кстати, почему ты все время так говоришь — Екклесиаст? В Библии написано Екклесиаст.

— Это все переводческие разночтения, кто как привык, их в текстах Библии немало. Так что если вдруг встретишь Суламиту, то знай — это та самая легендарная красавица, которая более известна у нас под именем Суламифь. Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня, — неожиданно сказал Николай.

— Что-о? — Ксения удивленно взглянула на него.

— К сожалению, это не мои слова, а все того же Екклесиаста.

— Что-то я не припомню таких...

— А они в другой книге. В знаменитой «Песни песней» легендарного иудейского царя Соломона. А Книга Екклесиаста, как полагают многочисленные исследователи и толкователи Библии, написана тоже Соломоном. Екклесиаст — не имя собственное, в переводе с греческого означает просто проповедник.

— Да, — вспомнила Ксения, — там же есть подзаголовок.

— Ну так вот, вернемся к очам твоим, которые волнуют меня. Согласись, что вряд ли надо расшифровывать — так может обратиться только возлюбленный... неважно какого пола. Прочти эту «Песнь песней». Многие считают, что более вдохновенного и прекрасного любовного гимна в мировой литературе нет.

— А ты?

— Я — не поклонник восточной пышности слога, а там это, как говорится, имеется в наличии. Только при чем тут я? С тебя хватит и того, что многие.

Ксения, конечно, прочла в тот же вечер — и была еще больше озадачена. И по духу, и по стилю даже — полная противоположность Екклесиасту. Она высказала свое недоумение Николаю и спросила:

— Когда же Соломон был искренним — когда смешивал женщину с грязью или когда возносил до небес?

— А — в обоих случаях.

— Не поняла.

— А что тут особенно понимать? Во-первых, в «Песни песней» речь идет не о женщине вообще — как о творении Божьем, — а о вполне конкретной даме по имени Суламифь, в которую Соломон был влюблен... несмотря на свои семьсот жен и триста наложниц. Впрочем, тогда их было у него, кажется, несколько меньше. А во-вторых, диалектика — отнюдь не изобретение марксистов-ленинцев, которые к тому же искренне забывают, что сами сперли эту диалектику у Гегеля. Но это вообще марксистам-ленинцам свойственно. Они полагают, что поскольку являются хранителями, продолжателями и развивателями единственно верного в мире учения, то можно действовать по принципу: все наше — это только наше, никому ничего не отдадим, а все ваше — тоже наше, если, конечно, нашим подходит.

— Хватит тебе цепляться к этим несчастным марксистам-ленинцам, давай лучше о Соломоне.

Николай засмеялся.

— А ты прогрессируешь, Ксениюшка... Несчастные марксисты-ленинцы — это хорошо звучит. Они действительно несчастный народ, но ничего не попишешь, сами себе свои несчастья устроили. Себе-то ладно бы, вольному воля, а вот другим... Все, молчу, о птичках больше ни слова! Давай о Соломоне. «Песнь песней», хотя и идет в Библии вслед за Екклесиастом, но написана, судя по всему, Соломоном молодым и влюбленным, отсюда и юношеская цветистость слога. А Екклесиаст — творение много прожившего, действительно мудрого человека, пресыщенного властью, богатством, измученного поисками смысла жизни, — когда и Суламифь была безнадежно забыта, и все семьсот жен и триста наложниц вконец опостытели. То-то, видно, натерпелся он от их капризов... Как там? — Николай задумался, припоминая. — «И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею». Ты не смотри, что Библия называется Священным Писанием, на самом-то деле писали ее люди живые и вполне обыкновенные.

Ксения подозрительно взглянула на него — совсем он ее за дурочку принимает, что ли? Но тут же и смирила взбунтовавшуюся было гордыню — а разве не дурочка? Ведь невежество прет из нее, судя по всему, самое махровое... Жалобно спросила:

— Слушай, Коль, ну почему мы такие? Пока я с тобой не встретилась, даже и не подозревала, что такая... дремучая. Ей-богу, иногда даже стыдно становится. Ты намного ли меня старше, а как-то сумел и образование получить не в пример моему, и языки выучить. А я... да я, в общем-то, как все, — широкий специалист узкого профиля. Или наоборот — узкий специалист широкого профиля, что, в общем, одно и то же. Ну, лечу вроде не хуже других, а чуть полшага от медицины сделаешь — и дура дурой. Ну почему нас, кроме специальности, ничему не учат?

Она тогда еще не знала, что все формальное образование Николая — девять классов. А он не счел нужным сообщить, осведомился:

— Ты действительно спрашиваешь или просто размышляешь вслух?

— Спрашиваю, конечно.

— Ответ-то у меня есть, но ты же опять скажешь, что я цепляюсь к твоим несчастным марксистам-ленинцам.

— Опять дело в них?

— Конечно.

— Ну?

— Да все предельно просто. Марксизм-ленинизм, тем более в такой оголтелой форме, как у нас, — это прежде всего концентрированная идеологическая диктатура. А диктатура и просвещение — две вещи еще более несовместные, чем гений и злодейство. Любая диктатура просто обязана позаботиться о том, чтобы подведомственные ей граждане пребывали во тьме невежества, и чем глубже — тем лучше. Потому что просвещенный гражданин диктатуры не потерпит. Пока просвещенных граждан мало, это не беда для диктатуры — их можно пересажать в тюрьмы, в концлагеря, в сумасшедшие дома, расстрелять, в конце концов. Но когда просвещенных граждан становится много, они образуют некую критическую массу, и диктатуры неизбежно падают.

Ксения оторопела, тут же вспомнив, — да ведь то же самое, почти теми же словами говорил и Владимир Александрович!

— Поэтому,— невозмутимо продолжал Николай,— если соотносить эти общие положения с теми конкретными вещами, о которых у нас шла речь в последнее время, то изволь, все очень логично,— вот вам отлакированный, без единой ущербинки Пушкин, укороченный Толстой, а о Библии вообще речи быть не может, потому что она не только ключ если и не ко всему, то к очень многому, но и стерилизовать ее просто невозможно, одна обложка осталась бы, и ту пришлось бы без обязательного креста издавать.

— Тебя послушать — такая безысходность, и ничего нельзя сделать.

— Меня-то? — Николай в этот вечер был настроен явно иронически. — А я, Ксеньюшка, в этом вопросе верный последователь мудрого царя Соломона. Вспомни Екклезиаста. Начинаешь читать — и оторопь берет: ну ничегошеньки нет стоящего на белом свете, все суета сует и всяческая суета, потому что человек из праха произошел и в прах уйдет. Ну прямо хоть тут же в гроб ложись и помирай. А в конце — какое море оптимизма, куда там Мечникову со своими известными этюдами на эту тему. Оказывается, все это чепуха, а на самом деле — жизнь хороша, и на дворе солнце! Живи, пока живется, ешь, пей, веселись, работай, люби женщин, рожай детей...

— Да,— оживилась Ксения,— это у него замечательно. «Ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое...»

— И что делать — тоже все просто. «Все, что может рука твоя делать, по силам делай...»

Ксения упреждающе выставила ладонь, закончила:

— «...потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости...»

— Да, ничего нет! И обрати внимание, как все точно, как спаяны слова. Не просто «делай», а — «по силам делай». И не огорчайся, если сделанное тобой не оценят по достоинству. И это предусмотрел Екклезиаст! «И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым...» А ну-ка, проверим еще раз твою замечательную память. Как там дальше?

— «...не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным...» — Она запнулась.

— «Благорасположение»,— подсказал Николай.

— Да-да, вспомнила, подожди, дальше я сама. «И не искусным — благорасположение, но время и случай для всех их. Ибо человек не знает своего времени».

— Вот! — торжествуя сказал Николай. — Браво, Ксения Петровна! И мы тоже не знаем своего времени, ибо мы — человеки. Конечно, время жить нам выпало не самое лучшее, но ведь и не самое худшее! Так что — надо жить! «Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце. Если человек проживет и много лет, то пусть веселится он в продолжение их...»

Он сделал паузу, приглашая Ксению продолжить, и она подхватила, без усилий вспомнив слова:

— «...и пусть помнит о днях темных, которых будет много: все, что будет — суета!»

Ксения скомкала листок и взяла новый.

«Мама! Мне бесконечно много надо рассказать тебе, но для этого нет ни времени, ни сил. Потом. У меня беда, большая беда, мама. Вернее, не у меня, а у любимого мной человека, но ведь это одно и то же. Помнишь,

как ты говорила мне однажды: любовь — всегда самый лучший советчик, всегда подскажет выход из самого безвыходного положения. А положение у нас сейчас такое: срочно нужны 5 тысяч или хотя бы четыре с половиной. Для чего — объяснить в письме просто не могу, а тем более по телефону. Месяца через два-три приеду и все расскажу. Я знаю, таких денег у тебя нет и взять негде.

Мама! Надо продать кольцо. Другого выхода нет.

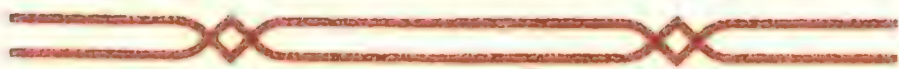
Это пока все, что я могу тебе сказать.

Деньги вышли телеграфом, и как можно скорее».

Деньги — шесть тысяч — пришли на восьмой день, и уже через сутки Николай и Ксения уехали. Потом Рита переслала письмо Евгении Федоровны. Она писала, что за кольцо удалось выручить восемнадцать тысяч, можно было бы гораздо больше, если бы не спешка, оставшиеся она положила на сберкнижку. Что она, конечно же, ждет ее...

— Какие-нибудь неприятности? — спросил Николай.

— Нет, все хорошо, — Ксения небрежно сложила конверт вдвое, сунула в карман халата. — Мама просит прислать кедровых орешков...

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

В МИРЕ ДЕТЕКТИВА, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

Во втором полугодии 1992 года наш журнал продолжит публиковать цикл известных ранее нашему читателю произведений Жоржа Сименона. Они впервые переведены на русский язык! И представляют собой удивительные, захватывающие повороты сюжета, проникновенный взгляд на взаимоотношения людей, чем всегда отличался этот великий мастер детектива.

«Россияне» готовятся представить наших молодых отечественных авторов, которые успешно разрабатывают жанры приключений и фантастики. Уверены, что не одно произведение станет для вас приятным сюрпризом, отдохновением посреди нашей суматошной жизни. По крайней мере с ними вы не соскучитесь. Сделайте свой выбор!

Аполлос ИВАНОВ

«ТАЙНА ХРАМА ХРИСТА»

Книга, опубликованная в США, Аргентине, Австралии и ставшая там событием века.

Автор остросюжетного романа Аполлос Федосеевич Иванов, раскаявшийся участник взрыва и уничтожения Храма Христа Спасителя в Москве, исследует психологию разрушения и разрушителей.

Он проник в подземные ходы Чернополя, ведущие из Кремля к Храму и далее к бывшим палатам царя Иоанна Васильевича Грозного в Ваганьково, в сумрачных лабиринтах которых нашел следы библиотеки Ивана Грозного и побывал в зловещих казематах опричника Малюты Скуратова...

Подписчикам «Россияне» на второе полугодие с. г. мы гарантируем в журнале это произведение в полном объеме.

ВНИМАНИЕ РЕКЛАМОДАТЕЛЕЙ!

Деловые люди, предприятия, организации, инофирмы! Редакция предоставляет Вам рекламные услуги в каждом номере на взаимовыгодных условиях.

Николай ИОДЛОВСКИЙ

МЕТАМОРФОЗЫ

* * *

У меня семь разных душ:
Лишь одна из них святая,
Три ненужных
и пустая,
И одна — объелась груш.

Остается — сущий ад,
От нее и беды в мире,
Разливает желчный яд
В нашей мировой квартире.

Чищу эту душу я,
А иначе будет хуже,
Вот и вталкиваю в стих,
Берегу от сильной стужи.
Но напрасен тяжкий труд,—
Беды клумбами цветут.

* * *

Я обожаю тесто
Из раскаленных звезд.
Совсем не ждет ареста
Мой дядя — певчий дрозд.

А родственница — Боже,
Не вымолвить, дрожа,
Сменила свою кожу
На кожицу ежа.

В окно влетела брошка
Алмазная.

Она
Искусана немножко,—
Щербатая Луна...

Я жажду превращений,
Пришельцев и чудес.
На тусклой жизни крест
Я ставлю без сомненья!

Детские и юношеские годы Николая Иодловского связаны с Украиной. В Новоград-Волынский он родился в 1953 году, в Виннице окончил школу, на инструментальном заводе начал свой трудовой путь. Затем служба в рядах Советской Армии.

После службы переезд в Москву. Работа на заводе строительных красок, откуда был рекомендован на учебу в среднюю специальную школу милиции МВД СССР. После ее окончания в 1976 году почти два года протрудился в знаменитом МУРе. А с 1978 года и по настоящее время работает юристом на московском заводе «Огонек».

С этого же времени начал заниматься в литобъединении «Дзержинец» и публиковаться в газетах «На боевом посту», «Призыв», «Люберецкая правда», «Московский железнодорожник», «Ленинское знамя» и в других периодических изданиях.

Это первая публикация Н. Иодловского в центральной печати.

* * *

Манящая мелодия часов.
Я пребываю в дебрях
сновиденья,
Царят неуловимые мгновенья
И отлетают на вселенский зов.

А там они в немыслимой дали
Самозабвенно водят хороводы.
Незримые диктаторы свободы,
Плывущие сквозь вечность
корабли.

* * *

Я обнимал вчера верблюда
И с крокодилом был на «ты».
Они терпели все, покуда
Не пал осколок темноты.

Тихонько, словно привиденье,
Верблюд растаял в тишине,
А крокодил, как наважденье,
Пополз тихонечко ко мне.

4 *

В раскрытой пасти млеют зубы
И предвкушают сочный пир.
Вчера был нежным, а не
грубым
Отныне страшный крокодил.

Исходит жаркою слюною,
Меня тиранит властью всласть.
Так и судьба моя порою
Свою показывает пасть.

* * *

Ночь слепа,
и звезды сгинули,
Может быть, украли их.
У меня сегодня душу вынули
И пропили где-то на троих.

Я застыл, как раненая птица.
Без души я, словно Арлекин.
Мне бы перед миром
повиниться,
Что не уберег ее как сын.

* * *

Город, высунув язык,
Мчится в строгой круговерти.
Он — противник всякой
смерти,
Жизнестоек каждый миг.

И несет тяжелый груз
Всяких дел, машин и мнений,
Он — учитель поколений,—
И старик и карапуз...

* * *

Вдруг исчезло отраженье,
В зеркалах та пустота,
От которой и сомненье,
И большая суета.

Я ощупываю тело,
И лицо свое, и грудь,—
Все на месте, но не дело,—
В зеркала не заглянуть.

Я опрашиваю близких
И знакомых мудрецов.
Они шепчут: «Это слишком,
Ты больной в конце концов!»

Но, смекнув, какое бремя
Все мы носим,— вот беда,
Настает, я понял время,—
Время страшного суда!

Иван ЧЕРНЫХ

СМЕРТЬ В ОБЪЯТИЯХ

1

День был суматошный и невезучий; с утра я гонялся за известным летчиком-испытателем Мухиным, чтобы взять интервью, которое надо было сдать в номер, потом писал и переписывал... В итоге на свидание с Диной не успел, приехал домой усталый и злой. Не успел заснуть, как затрезвонил телефон.

— Слушаю! — ответил я, не сдерживая раздражения.

— Игорь Васильевич, беда! — захлебывающимся от волнения голосом сообщил сторож нашей автостоянки Сурен Самсонович. — Максим Петрович в своем гараже, кажись, скончался. Скорее приходите.

Я опешил: Максим Петрович Сарафанкин, начальник автостоянки, крепкий, здоровый отставной полковник, с которым мы только вчера отмечали его шестьдесят первый юбилей.

— Кажись или... на самом деле?

— Кажись, на самом деле. Не дышит.

— «Скорую» вызвали?

— Нет еще. Да вы скорее сюда, тут такое...

Сурен что-то не договаривал. И я, одевшись в одну минуту, помчался на автостоянку.

То, что увидел, ужаснуло: в машине на откинутых сиденьях в неприличных позах лежали двое, Максим Петрович и Светлана Борисовна. Пальто и кофта у нее расстегнуты, юбка задрана... На полке заднего сиденья стояла бутылка из-под коньяка, почти пустая, яблоки, конфеты...

Мотор машины работал, и в гараже стоял густой запах отработанных газов. Картина происшедшего показалась ясной. Сторож подтвердил предположение:

— Я смотрел телевизор. Все разошлись. Максим Петрович часа три назад проехал в гараж. Кино кончилось, я пошел обход делать. Слышу, мотор работает. А свету нету. Двери закрыты... Я позвал. Молчит. Думаю, может, забыл выключить. Позвал еще. Молчит. Открыл, включил свет. А они... Что теперь делать?

Голос Сурена Самсоновича дрожал и срывался, руки тряслись. Не в

лучшем состоянии был и я. Светлана Борисовна, молодая, симпатичная женщина, жена знакомого летчика, погибшего года полтора назад, не давала мне проходу: «Помоги поставить машину на автостоянку». Я хотя и являлся председателем стоянки, этим вопросом не занимался, передоверив все Максиму Петровичу — он лучше знал людей. Так и объяснил три дня назад Светлане Борисовне.

— В таком случае сведи меня с Максимом Петровичем, — попросила она.

Я свел. И вот что из этого получилось...

Наконец я пришел в себя и выключил двигатель. Нашупал пульс Максима Петровича. Рука была холодная. У Светланы Борисовны тоже.

— Звони в милицию, — сказал я Сурену Самсоновичу.

Милиция приехала минут через двадцать, пять человек: трое в форме и двое в штатском. Я объяснил капитану — он был старшим по званию, — что произошло: сторож все еще заикался от страха и мямлил невнятное.

— Надо было сразу вызывать, — набросился на нас капитан. — И не лезть в машину! Тем более выключать двигатель.

— Здесь дышать нечем было, — попытался я оправдаться.

— Дышать, — сердито повторил капитан. — Давно он имеет машину? — кивнул на Максима Петровича.

— Сколько я его знаю, всегда была.

— А гараж?

— Гаражи мы только осенью построили.

— Все ясно, погрелись, — констатировал капитан.

— Красивая смерть! — захохотал молодой хорошо упитанный лейтенант. — Не от болезней, не от старости, а от любви. И жена есть?

Я кивнул. И подумал: как теперь сообщить ей? У меня по спине пробежал холодок. Жену Максима Петровича я видел раза два, не знаю, сколько ей лет, но выглядела она намного старше; любовные приключения Сарафанкина меня не удивили.

Потом были приглашены понятые, состоялся первый нелिцеприятный разговор со следователем...

...— Гражданка Бакурская не является членом стоянки, что ей нужно было в гараже?.. Почему сторож в самый ответственный момент телевизор смотрел, а не за порядком?.. Бардак вы устроили здесь, гражданин председатель, а не автостоянку...

Обвинения сыпались, как из рога изобилия. Хотелось послать гражданина следователя... но я сдержался — чувствовалось, он тоже не в своей тарелке, — кому приятно в слякотную весеннюю ночь заниматься происшествием, — обострять отношения было не в моих интересах.

Домой я вернулся в четвертом часу. Внутри все клокотало; ни работать, ни спать я не мог. А завтра, нет, уже сегодня, предстояло ехать в командировку в отдаленный гарнизон, расследовать по письму жалобу. Там жалоба, а тут... целое следствие. Из вопросов следователя я понял, что с заключением капитана: «Тут все ясно» — смерть-де наступила из-за угара выхлопными газами, — он не согласен. Расспрашивал, кто вечером был на стоянке, с кем конфликтовал начальник?.. Когда это было?..

Еще в бытность формирования нашей первичной организации автолюбителей желающих ходить по инстанциям, выпрашивать землю, разрешение на строительство гаражей, не нашлось, и Максим Петрович уговорил меня: «Ты журналист, любую бумагу составить можешь, и с тобой считаться будут. А все остальное я беру на себя...»

Два года мы ходили по инстанциям, вымаливая место для авто-

стоянки — у домов держать автомашины стало просто невозможно: то колеса снимут, то стекло разобьют, то вообще угонят.

— Знаешь, почему нас за нос водят? — спросил как-то Сарафанкин и сам ответил: — Не с той стороны подходим и не с теми словами. Помнишь, как Ходжа Насреддин говорил Джафару, когда из пруда его вытаскивал: «На, на...» А мы: «Дай, дай».

Посмеялись.

— Такой вариант мне не подходит, — возразил я.

— Понятно, — кивнул Максим Петрович. — Тебе еще служить. А мне терять нечего. Придется пострадать за общее дело. Созывай, председатель, собрание. Скинемся еще сотни по две, по три. Если посадят, надеюсь, принесешь передачу...

Не посадили...

Да, Максим Петрович был тертый мужик, ловкий, предусмотрительный. Но как он не предугадал, что в закрытом гараже в два счета угореть можно? Сильно был пьян?.. Он никогда не напивался. Потерял от любви голову?.. Не тот возраст и характер.

Так что же с ним произошло?

«Был ли у начальника стоянки за последнее время с кем-нибудь конфликт?» — вспомнился вопрос следователя.

Еще какой! И не один.

Незадолго до начала строительства гаражей выгнал шестерых автолюбителей: двоих за пьянку, четверых за то, что более года держали машины в другом месте. Последние повозмущались, посетовали и махнули рукой — не пропадем. А вот пьяницы... Они угрожали Максиму Петровичу принародно и по телефону. Он даже участковому жаловался.

Говорят, что у трезвого на уме, у пьяного на языке. Обоих выпивох я хорошо знал, и оба, попадись им Максим Петрович в темном переулке, не упустили бы случая покуражиться над ним. Но пьяницы не тронули бы женщину.

Обогрев в кабине был включен на всю мощность, двери и форточки машины герметично закрыты, но газ все равно проник бы в салон, и не учуять его мог только человек, лишенный обоняния... или мертвецки пьяный.

Что скажет экспертиза?

2

Утром я приехал на службу с тяжелой от дум и бессонницы головой. Зашел в кабинет, телефонный звонок. Как и прошедшей ночью, мне очень не хотелось ни с кем разговаривать, но телефон не переставал трезвонить. Прибежал из соседнего кабинета старший консультант, удивленно уставился на меня. Пришлось взять трубку.

— Капитан Семиречин слушает.

— Следователь Анчуткин. Срочно приезжайте в отделение.

— Я еще главному не доложил.

— Потом доложите. Или я сам позвоню.

Меня бесил его безапелляционный тон, словно я преступник или он мой непосредственный начальник. Снова захотелось послать его подальше.

— Не кажется вам, что вы слишком много на себя берете? — решил я охладить его пыл. — Во-первых, я вам не подчинен. Во-вторых, что касалось смерти Сарафанкина, все вам сообщил. И в-третьих, я убываю в командировку.

— Послушай, капитан, — перешел следователь на «ты», и в его голосе зазвучали железные нотки. — Не строй из себя генерала. Во-первых, речь

идет не о смерти Сарафанкина. Во-вторых, ты был на стоянке, когда совершилось преступление, и у меня есть все основания считать тебя причастным к этому. В-третьих, если ты будешь артачиться, я поставлю вопрос перед прокурором о взятии тебя под стражу.

У меня голова закружилась, словно Анчуткин трахнул по ней кувалдой. Неужели ему стало известно, что я свел Сарафанкина с Бакурской? Ну и что из того? Я не видел его на стоянке и даже не знал, что он в гараже. Товарищ следователь берет на понт?..

— Послушайте теперь вы меня, неудавшийся Пинкертон, — пришел я наконец в себя и старался говорить как можно спокойнее. — Может быть, вы года на два и старше меня, но чай с вами за одним столом мы не распивали и в друзьях никогда не значились, так что извольте разговаривать как положено, на «вы», даже если считаете меня преступником. В противном случае вам действительно придется обращаться к прокурору. — И повесил трубку. Пусть поразмыслит на досуге, всегда ли хороши метод ошарашивания, грубость и вседозволенность.

Я спустился в приемную главного редактора и стал ждать. От нечего делать пытался прочитать газету, но даже смысл вчерашнего моего интервью не доходил до сознания. Хорошо еще, что ждать пришлось недолго.

Генерал внимательно выслушал меня.

— Чем могу вам помочь?

— Следователь требует, чтобы я в командировку не уезжал.

Главный подумал.

— Ну что ж, не к спеху. А лучше я велю послать другого.

Раздался телефонный звонок. Беседа наша была закончена, и генерал снял трубку.

Анчуткин — понял я по ответам. По мере того как следователь что-то говорил, лицо главного мрачнело. Наконец он сказал: «Хорошо, сейчас я его пришлю» — и положил трубку. Посмотрел на меня осуждающе.

— Что же, поезжайте. И грубить власти не советую. Это его долг допрашивать.

Следователю было года тридцать два, и, видимо, ему впервые доверили такое дело, потому он сразу решил, что в гибели двух умудренных жизненным опытом людей виновата не глупость, а зло — кто-то приложил к этому руку. Но мой отпор возымел действие: он пригласил сесть, достал из стола несколько листов бумаги и сказал примирительно:

— Извините, я со вчерашнего утра не был дома и спал часа два: не закончил одно дело, тут другое. Даже из нашей организации бегут в кооператив — платят-то гроши. Кому хочется жить на хлебе да на воде.

Я промолчал: мало ли какие бывают неурядицы, а свой норов надо уметь попридержать.

— Напишите все, что вы знаете о Сарафанкине и что имеет отношение к случившемуся: как строили эти гаражи, с кем имели дело, какие конфликтные ситуации возникали, как отбирали кандидатов на автостоянку, кто остался неудовлетворенным...

— Ого! — не удержался я. — Таких сто пятьдесят человек: гаражи мы просили на двести пятьдесят человек, а дали на сто.

— Ну, наиболее недовольных, что ли, — пояснил следователь, — с кем, какие отношения имели, какие возникали трудности, трения. Кто распоряжался деньгами, как шла оплата. В общем, все то, что имеет отношение к вашей автостояночной деятельности.

— Этак мне и суток не хватит.

— Ну, повесть писать не надо, — сострил следователь.

— Разрешите написать дома? Я тоже ночь не спал.

— Можно и дома. Только чтоб завтра утром объяснительная была у меня на столе...

Я ломал голову, с чего начать. Объяснительную, оказалось, написать труднее, чем статьи, очерки, стихи. Кто и как нам выделил землю под автостоянку — это само по себе целое уголовное дело, в котором окажутся замешанными ответственные работники райисполкома, Моссовета и ГлавАПУ. Когда мы к ним обращались, они тянули не только время. Даже когда выделили землю, строить крытую стоянку не разрешили. Тут же нашелся посредник, начальник районного всесоюзного общества автолюбителей:

— Есть человек, который возьмет на себя обязательство добиться разрешения на строительство металлических боксов. Разумеется, не бесплатно...

И он свел нас с «нужным человеком», снабженцем одной из ведомственных поликлиник, Лазарем Абрамовичем Гарфинкелем, возглавляющим по совместительству строительный гаражный кооператив. Гарфинкель затребовал с каждого претендента по 150 рублей. Мы согласились: лучше переплатить, чем держать машину под открытым небом, где никакие мовили и консерванты не спасают от ржавчины.

Гаражи, несмотря на трудности с железом, шифером, Гарфинкель построил нам за месяц, и осенью мы справили новоселье. А в начале весны Максим Петрович сообщил мне по секрету, что договорился с Лазарем Абрамовичем на пристройку к нашим боксам еще 50. Только теперь председатель кооператива цену за услуги поднял до 200 рублей. Автомобилисты посетовали между собой: «Мало того, что за каждую коробку, которая в базарный день стоит не дороже пятисот, сдирает двойную цену, и тут еще умудряется сорвать». Но другого выхода не было.

Не попавшие в гаражи зло на Максима Петровича затаили немалое, но чтобы пойти на преступление... я сомневался.

Что же касается деловых отношений Максима Петровича с подрядчиками, то там все шло как по маслу: он знал, как вести себя с ними, заранее все обговаривал и скреплял обязательства подписями в договоре.

Следователь просил назвать всех пофамильно, и вот тут-то я, к своему стыду, обнаружил, что знаю только троих — Гарфинкеля, председателя кооператива, Гусарова, бригадира строителей, да Рогалина, нового подрядчика. Еще троих видел мельком, когда строили гаражи, но как их фамилии, имена — понятия не имел.

3

На похороны Максима Петровича собралась уйма народу; пришли не только соседи, друзья по автостоянке, но и просто знакомые. Об истинной причине смерти ни я, ни сторож, ни понятые не распространялись (следователь настроено предупредил), сообщили жене, что скончался от сердечного приступа, она ни на минуту не сомневалась в нашем диагнозе — муж частенько жаловался на боль в сердце, — и похороны устроила пышные. Из морга привезла гроб, обитый красным бархатом, в квартиру, чтобы смогли проститься стар и мал, все, кто знал Максима Петровича, и «чтобы он в последний раз побыл в своем родном гнездышке, которому отдал немало сил и здоровья».

Я впервые попал в это «гнездышко» и еще раз убедился, что Максим Петрович был человек деловой и хозяйственный: трехкомнатная квартира сверкала дорогой полированной мебелью, хрустальными люстрами; на полу

и стенах — красивые ковры; на кухне — все заграничное — электроплита, шкафы, краны... И жена, видно, под стать мужу, любила порядок в доме. И поминки она устроила царские: несмотря на только что наступившую весну, на столе были огурцы, помидоры, всяческая зелень, не говоря о таких деликатесах, как севрюжий бок, чавыча, сервелаты и паштеты. В водке тоже ограничения не было.

— Петрович любил выпить и вкусно поесть, — промокая глаза, пояснила такое изобилие вдова.

Народу на поминках, правда, было немного, человек 20, родственники и друзья. Меня Сарафанкина пригласила, видимо, потому, что пришлось вместе с ее сыном, тоже офицером, мотаться по похоронным конторам, доставая гроб, венки, выбивая место на кладбище. И чувствовал я себя за столом довольно неуютно — все незнакомые, чужие лица.

Со мной рядом оказался мужчина лет шестидесяти, назвавшийся Василием Васильевичем — коренастый, приземистый крепыш с хитровато-озорными глазами, так не вязавшимися с траурной обстановкой, он почти не выпускал из рук бутылку «Золотое кольцо», подмигивал мне и наливал в рюмку водки, опорожнял ее одним глотком, укорял меня:

— Что ты в самом деле, как девица красная. Или ты не уважал Максима Петровича, не хочешь помянуть его по русскому обычаю, чтоб ему и там не скучно было?

Я объяснил, что и так уже захмелел, он не отставал до самого ухода. Два раза выступал с поминальной речью, воздавая должное покойному за «широкую натуру, русскую смекалку, умение строить жизнь».

Он, можно сказать, один опустошил «Золотое кольцо» и взялся за «Столичную». Язык у него заплетался, но глаза, показалось мне, были трезвые.

Выбрав удобный момент, я вылез из-за стола и покинул трапезную на английский манер — не попрощавшись ни с кем.

Видимо, поминки не оставили бы следа в моей памяти, если бы на следующий день Максим Максимович, сын Сарафанкина, осматривая машину отца, не спросил:

— А кто этот ваш приятель, что сидел рядом, и какие у него были отношения с отцом?

Я удивился.

— Я видел его впервые. И какие у него были отношения с отцом — понятия не имею.

— Надрался до чертиков, пришлось оставить его ночевать, — в задумчивости высказал свое неудовольствие Максим Максимыч. — А на рассвете я проснулся, смотрю, шарит в книжном шкафу. Спрашиваю, вам чего? Опохмелиться, говорит, не найдется? Башка трещит. Пришлось опохмелять. С трудом выпроводил его.

— А мать не знает этого человека? — спросил я.

— В жизни никогда не видела и ничего о нем от отца не слышала.

— Кто же его пригласил на поминки?

— Я думал, он с вами, со стоянки...

Кто же он, этот человек? Что искал в квартире Сарафанкина?

4

Прошла неделя после гибели Максима Петровича и Светланы Борисовны. Следовательно каждый день появлялся на нашей стоянке, беседовал то с одним, то с другим, но ничего вразумительного, похоже, не нашел. На

мою очередную гипотезу: а не в любовном ли треугольнике дело — мог же у Максима Петровича ревнивый соперник объявиться, — с усмешкой хмыкнул:

— Может, никто и не убивал их, угорели от выхлопных газов.

— А медицинская экспертиза?

— Нашим медикам только поросят кастрировать. «Можно предположить... Вполне вероятно...» Предположить, откуда вынуть, куда положить, мы и сами мастаки. А сказать точно у них, видите ли, аппаратура не позволяет.

Да, пыл Анчуткина заметно поубавился, а во мне, наоборот, росла уверенность в злодеянии и в том, что убийца вольно или невольно дал нам козырь в руки.

— А мужчина на поминках? Что ему надо было в квартире Сарафанкина?

Анчуткин криво усмехнулся.

— Что надо алкоголику? Напиться, нажраться на дармовщину.

— Но на алкоголика он не был похож.

— А сам рассказывал и написал, что водку лакал, как воду.

— Лакал, но не пьянел.

— Пока чуть за столом не уснул. Знаю я эту братию.

Знает он, хвастун несчастный. Первый раз настоящее дело доверили, и загубит его, злился я.

— А если он специально, чтоб остаться?

— Зачем? Какие могли быть у Сарафанкина компрометирующие документы? Все автомобильные и гаражные дела я вот в этом сейфе забрал.

Будто бы и убедительно, но внутренний голос говорил мне совсем другое, и я сказал, не сдерживая раздражения:

— Тогда завершайте быстрее. У нас из-за вас строительство приостановилось.

— Почему это из-за нас? — не согласился Анчуткин. — Кстати, вчера здесь был представитель районной общественной инспекции, интересовался дополнительным разрешением на пристройку пятидесяти гаражей. В тех бумагах, которые лежали в сейфе, нет.

— Может, дома? — неуверенно спросил я скорее себя, зная, что автостояночные дела Максим Петрович никогда домой не брал.

— Нет, я звонил.

Вот так незадача! А без разрешения при сегодняшней ситуации нам быстро все каналы перекроют.

Где же документ? Документ, за который каждый претендент на гараж заплатил 200 рублей. Максим Петрович накануне был у Гарфинкеля и сказал мне, что все в порядке. Мы заключили договор с подрядчиком...

С Гарфинкелем мне связаться не удалось: ни на работе, ни дома его не нашли. Знаю, что Сарафанкин ловил его по утрам в поликлинике. Решил и я завтра же отпроситься со службы и навестить нашего «спонсора».

Утром, только я появился в редакции, позвонила Дина — сама разыскала — мне с этим следствием было не до нее.

— Ты где пропал? — спросила она своим милым веселым голосом. — Я уж думала, не в Афганистан ли улетел.

— У меня тут свое внутреннее положение не лучше, — ответил я на ее шутку.

— У меня сегодня выходной. Хочешь встретиться?

— Я-то хочу...

— Но мамка не велит,— продолжала хохмить Дина.— Точнее, главный редактор, не так ли?

— Нет. Я собираюсь поехать к одному человеку по очень важному делу.

— Так возьми меня с собой. Я, знаешь, удачливая и могу помочь.

«А почему бы не взять? — мелькнула шальная мысль.— Гарфинкель невелика шишка, а Дину я могу представить ему как члена нашей автостоянки».

— Ну, если тебя не затруднит и ты через час подскочишь к «Беговой»...

— Договорились. Я принимаюсь за марафет. Сейчас девять десять, значит, в десять десять буду на «Беговой».

Радость предстоящей встречи отодвинула на задний план все проблемы и огорчения. Дина понравилась мне с первого взгляда: она сидела в ресторане Дома туристов за соседним столиком в обществе двух подружек и знакомого мне майора из журнала «Пограничник» — белолицая и голубоглазая, с пышными локонами рыжих волос — такие роскошные волосы я видел впервые. И черты лица правильные, выразительные — только портреты писать. Одета неброско, но со вкусом, серая юбка и песочного цвета свитер, плотно облегающий ее стройный стан и небольшие, по-девичьи острые груди.

Я заскочил с приятелем на часок поужинать и обговорить то самое злосчастное интервью с известным летчиком, которое он предложил редколлегии. Мы оба были просто очарованы новоявленной Афродитой и почти не говорили о деле, таращили на нее глаза и мололи всякую чепуху.

Она, разумеется, заметила наши восхищенные взгляды и тоже изредка поглядывала на нас.

По натуре я влюбчивый и непостоянный балбес, о чем не раз с сожалением говорила мать, пока я жил с ней до недавнего времени и не переселился в однокомнатную квартиру ее любовника. Девиц у меня перебывало немало, интересных, симпатичных, умных и образованных, все они мне нравились, но не настолько, чтобы взволновать, взбудоражить, закружить в любовном водовороте, от которого, как поется в песне, и зима кажется маем — такой мне хотелось любви. А девицы попадались все обычные, я быстро охладевал: одна наскучивала стремлением казаться умнее, чем на самом деле, другая — чопорностью, третья — чрезмерным увлечением косметикой — терпеть не могу девиц, которые чуть ли не каждую минуту прихорашиваются, как глупые вороны, чистят перышки. В общем, жених привередливый и чересчур разборчивый. А жениться было пора: тридцатый год шел, да и не привык я к одиночеству; до военного училища жил с отцом и матерью, они любили меня и лелеяли, не отказывая ни в чем — отец был летчиком гражданской авиации, летал по международным трассам, хорошо зарабатывал и снабжал нас всяким заграничным тряпьем. Но в 1987 году он погиб в Афганистане: вез туда продовольствие, и его сбили «Стингером» недалеко от Кабула. Я уже был военным журналистом, слетал на место катастрофы. Лучше бы не летал: на месте падения осталась воронка от двигателей с разбросанными по краям кусками покореженного металла. А два года назад заболела мама. Просто простудилась, стала сильно кашлять. Я уговорил ее лечь в военный госпиталь имени Бурденко, где лучшие врачи. Она лежала месяц и вышла оттуда здоровая и даже как будто помолодевшая. Вскоре я узнал, что за эликсир поднял ее на ноги и омолодил: несмотря на свои сорок восемь лет, она влюбилась. Влюбилась в лечащего врача Вадима Семеновича, всего на два года старше меня.

Меня их любовь страшно угнетала, и, чтобы не мешать им, я предложил Вадиму Семеновичу жить у нас, а сам перебрался в его однокомнатную квартиру.

И вот встретила Дина...

Мы с приятелем дождались, когда компания за соседним столиком закончит ужинать, вместе с ними направились к выходу.

Коллега из журнала понял наше желание и в холле представил своих спутниц:

— Познакомьтесь: Тамара Дьякова, талантливая поэтесса, и Дина, хотя не Дурбин, но тоже служительница Мельпомены.— Так мы познакомились...

...Дина поджидала меня у метро, приподняв воротник голубого демисезонного пальто — погода снова была скверная, — снега, правда, не было, но промозглый ветер пронизывал насквозь.

Я притормозил и открыл дверцу. Она юркнула на сиденье.

— Замерзла?

Дина вздрогнула, помотала головой.

— Терпеть не могу раннюю весну и позднюю осень. Не зря говорят, что только в такую погоду тянет на подвиг и на преступление.

— Так в чем же дело, давайте совершим, — пошутил я.

— Что, подвиг или преступление?

— А чего вам хочется больше?

Мы посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись.

Через пятнадцать минут мы поднимались по широкой лестнице на второй этаж научно-исследовательской поликлиники. Кабинет заместителя по снабжению находился напротив директорского, и, как всегда в это время, здесь дожидались приема несколько человек. К счастью, к Гарфинкелю было только двое, я занял очередь.

Гарфинкель принял нас минут через пятнадцать. Полнеющий вальяжный мужчина лет пятидесяти; симпатичен, одет с иголочки — в темно-сером, в клеточку костюме, белоснежной сорочке с полосатым галстуком, — волнистые волосы с сединой на висках. Такие мужчины, несомненно, нравятся женщинам; и я машинально глянул на Дину; она, по-моему, тоже с интересом рассматривала Лазаря Абрамовича. И он беглым, наметанным глазом окинул ее с ног до головы, потом весело посмотрел на меня, как бы говоря: «А ничего птичка, губа у тебя, Семиречин, не дура».

— Слушаю вас, — сказал Гарфинкель, усадив нас рядом в кресла.

— Я от Сарафанкина, — хотел было напомнить я о себе, но он остановил.

— Как же, помню. Мы знакомились. Что с ним случилось?

— Любовь, угорел со своей пассией в собственном гараже.

— Да, — с грустью на лице выразил сочувствие Гарфинкель. — Жаль мужика. Деловой был, напористый. Такого и я не против был заполучить в наш кооператив. Не согласился. Сколько ему было?

— Шестьдесят один.

— Силен мужик, — и вздохнул с усмешкой. — Еще в детстве предупреждал меня дедушка: «Берегись, Ланя, трех вещей: водки, карт и женщин». И с детства такое любопытство во мне разжег, что до сих пор три этих запретных плода магнитом к себе манят. Так кто же у вас теперь вместо Максима Петровича?

— Да кого поставишь, когда, кроме нас двоих, никто спонсоров и партнеров не знал. Вот и пришлось самому ехать к вам.

— Ну, если чем-то могу помочь,— многообещающе развел руками в стороны Лазарь Абрамович.— Я никогда вам не отказывал.

«За приличную плату»,— чуть не сорвалось у меня с губ. Но сказал я другое:

— Это верно. Но вот какая неувязочка вышла: как выяснилось, вы еще не подписали нам разрешение на пристройку пятидесяти гаражей.

Густые брови Лазаря Абрамовича полезли на лоб.

— А я-то здесь при чем? Месяца три назад с Максимом Петровичем был такой разговор. А потом он сказал, что это компетенция района, и зампред исполкома пообещал сам решить вопрос.

«Вот так штука,— мелькнуло в голове.— Неужели и зампреду потребовалась взятка в десять тысяч?»

Вспомнился последний визит к Лопаревичу. Было это с полгода назад. Он приглашал нас тогда со списками членов автостоянки и дотошно расспрашивал о каждом. Нашел две неточности: один три года не платил членские взносы и, по существу, был уже исключен из членов Московского городского союза автолюбителей, второй ездил на машине брата по доверенности. Чепуховские неточности, но Лопаревич стоянку утверждать не стал. Потребовал «привести все в соответствие».

Спустя месяца четыре Сарафанкин сказал, что пристройка 50 боксов утверждена. На мой вопрос, как ему это удалось, он подмигнул многозначительно:

— Надо уметь находить с начальством общий язык...

— Вы с Максимом Петровичем дружно жили? — спросил Гарфинкель.

— Само собой.

— И во всем доверяли друг другу?

— А как же иначе? — удивился я столь странному вопросу и тут же зародившемуся подозрению: не мудрит ли уважаемый Лазарь Абрамович, воспользовавшись смертью Максима Петровича? Я вспомнил, что буквально дня за три до гибели Сарафанкин говорил мне, что поехал к Гарфинкелю, чтобы договориться о шифере.— Накануне он звал меня к вам, но, к сожалению, я не мог, и он поехал один.

— Верно,— кивнул Гарфинкель.— И если он доверял вам, тогда знаете, зачем он приезжал: ни о какой пристройке речи не велось.

Он посмотрел на часы, давая понять, чтобы я убирался. Мне ничего больше не оставалось. Лишь, чтобы не выглядеть в глазах Дины высеченным этим вальяжным кооператором мальчиком, я сказал как можно тверже:

— Хорошо, я разберусь во всем. В конце концов, у нас с вами есть договор.

Гарфинкель со скептической улыбкой помотал головой.

— Только не с моей бригадой. Когда строили гаражи — да, там мои хлопцы были. А пристройка — извините...

Действительно, на пристройку я подписывал договор не с Гусаровым, а с Рогалиным. Но у Гарфинкеля разве одна строительная бригада?..

На улице я спросил у Дины:

— Ну и что скажет служительница Мельпомены об этом советском бизнесмене?

— Как его фамилия? — почему-то заинтересовалась Дина.

— Гарфинкель.

— Граф Инкель,— засмеялась Дина.— Типичный еврей. Не считай меня антисемиткой, но не люблю я их.

— Почему? — Мне, наоборот, показалось, что Лазарь Абрамович понравился ей.

— Самоуверенные они, самодовольные и... жадные до противности.

Не знаю о других евреях, а о Графе Инкеле (мне очень понравилось ее остроумие) она попала в точку. Когда мы познакомились с ним и вели переговоры о строительстве металлических гаражей, он заломил такую цену, какой хватило бы на железобетонные. И торговался за каждый лист железа, за каждую машину песка и гравия. Утверждение Дины о его жадности еще больше убеждало меня, что Лазарь Абрамович либо решил отделаться от нас, либо выжать еще по две сотни с каждого.

5

Анчуткин продолжал расследование, опросил чуть ли не всех членов стоянки, но, похоже, не продвинулся с места, и прежний энтузиазм, с которым он допрашивал меня, пошел на убыль. Следовательно, как мне показалось, все больше стал склоняться к версии о несчастном случае. Возможно, так было и выгоднее — чтобы не подорвать свою репутацию: оставить дело нераскрытым значило расписаться в своем непрофессионализме. Такая мысль еще больше укрепилась у меня в голове, когда на другой день я через мощный барьер секретарш пробился к зампреду исполкома Лопаревичу, а потом и к самому председателю Кузьмину.

Если бы я впервые видел Лопаревича, впору было бы повосторгаться его вниманием, чуткостью, заботой.

Он вышел ко мне из-за стола навстречу, поздоровался за руку, усадил рядом.

— Слышал, слышал, какое несчастье у вас произошло. Кто бы мог подумать! Максим Петрович! Давно ли вы были у меня, — сокрушался он, словно потерял близкого друга. И его молодое симпатичное лицо с черными усиками было неподдельно скорбным, темно-карие глаза наполнены грустью, — месяца два назад, не более?

— Четырнадцатого января, как раз на старый Новый год, — напомнил я, обнаружив эту дату на письме, которое мы приносили на подпись. — А Максим Петрович приходил совсем недавно.

Лопаревич посмотрел на меня вопросительно, то ли желая возразить, то ли копаясь в памяти, было ли такое, потом согласно закивал:

— Да, да, приходил и после.

— Мы же с вашего разрешения начали постройку пятидесяти гаражей, — забросил я пробный камень, желая посмотреть, какую волну он поднимет — бурную или спокойную.

Значит, Лазарь Абрамович не врал, а я-то чуть в открытую не обвинил его черт-те в чем, упрекнул я себя и обрадовался: коль все в руках Лопаревича, с ним легче будет решить вопрос.

— Ну, это невелика беда, — решил я смягчить огорчение. — Главное, все согласовано, а утвердите неделей раньше, неделей позже...

— Так-то оно так, — покрутил головой Лопаревич. — Да ныне не один исполком все решает. Посыпались письма от жильцов, протестуют они против такого строительства. Предисполкома в гневе: почему не согласовали с общественным самоуправлением?

Ох уж мне эти общественники. Они немало испортили нам крови, когда только начали строить гаражи. Когда у подъездов стояли машины, мешали им то шумом, то гарью; то снег убирать, то цветы сажать. У

Кольцевой дороги место отвели, вдали от домов, и там глаза им стали мозолить. Чего они только не предпринимали, чтобы не дать нам строить. Кое-как отстояли. Теперь вот снова.

— Но кому мы там мешаем? Если идти у завистников и горлопанов на поводу, никогда ничего не построим,— возразил я.

— Понятное дело. А как нам прикажете быть? С одной стороны, вы наседаете, с другой — они жмут, да еще депутатов подключили. И Моссовет, и ГлавАПУ претензии нам предъявляют, что-де разбазариваем землю.

— Но они сами же давали добро на сто гаражей.

— Давали. Но там тоже разные начальники: одни «за», а другие «против».

— Где же выход?

— Надо подождать,— сочувственно вздохнул Лопаревич.

— Да меня ж автолюбители... Кстати, тоже общественность. Столько денег затратили,— намекнул я.— Уж разрешите нам достроить, а за это время подготовите решение.

Лопаревич заколебался.

— Надо к Кузьмину. Он, кажется, уже запрет на вашу пристройку подготовил...

Председатель исполкома, едва я заикнулся, по какому вопросу, побагровел, несмотря на свою худобу и бледность лица, и заорал:

— Вы почему самоуправством занимаетесь? Вы же военный человек и понимаете, что у нас не Клондайк здесь — где палки воткнул, все мое, каждый клочок до вашего рождения размечен и расписан.

— Мы заплатили за землю,— вставил я, пользуясь тем, что он набирал в легкие новую порцию воздуха для словесной очереди.

— Не перебивайте старших! — взвизгнул председатель.— Ваша плата — слезы государству. И я еще доберусь до этого умника и разберусь, почему он подписал договор на аренду.

— А мы-то здесь при чем? Люди вложили деньги, и не копейки, как вы знаете?

— При чем? Вы не знаете «при чем»? Зато я знаю,— он пронзающе уставился на меня, желая, видимо, окончательно сломить мою настойчивость. Передохнул и спросил требовательно, как Анчуткин на первом допросе: — У вас есть гараж?

— Есть.

— Зачем вам еще?

— Не мне. У нас очередников полторы сотни.

— Скажите, какой благодетель, борец за общественные интересы. Вместе с Сарафанкиным работали.

Я уловил подвох в вопросе и ответил не так, как ему хотелось:

— Да, Сарафанкин был у нас начальником стоянки.

— И вы вместе с ним подбирали очередников? — Он ехидно усмехнулся.— Помоложе, покрасивее да попокладистее. Вот ваша благодетельность, отстаивание общественных интересов... Развели малину... Судить вас надо, товарищ председатель стоянки, хотя вы и в военной форме.

— Ну это прокуратура решит, кого надо судить,— сказал я как можно тверже и пошел к выходу.

Кузьмин не проронил ни слова.

Я еще не знал, какие последствия вызовет моя контратака.

Минут десять сидел в машине, приходя в себя. Голова шла кругом: как бы смело я себя ни вел у предисполкома, позиция моя была не столь

прочная. А надо было все здраво взвесить, найти контраргументы и контрмеры, чтобы и себя защитить, и пристройку отстоять.

Погода по-прежнему не радовала — сыпала морось вперемешку с крупной, и я отправился домой, не позвонил, как обещал, Дине — на душе было так скверно, что показывать ей свою кислую физиономию не хотелось.

Шестнадцатиметровая холостяцкая комната, несмотря на то, что прожил я в ней не один день и имел временную прописку, показалась мне тесной и неудобной, с каким-то застоялым чужим запахом. Настроение продолжало оставаться прескверным. Я чувствовал голод — обедать снова не пришлось, — но готовить не хотелось. Да и в магазин надо было зайти, купить свежего хлеба, молока, сыра. Налил в чайник воды, поставил на электроплиту. Открыл холодильник. В верхних ячейках лежало три яйца — это же целое состояние! — а в морозильнике нашел и кусок колбасы. Аппетит разыгрался не на шутку, и я, нарезав колбасы, положил на сковородку масла, стал готовить «жаркое» с яичницей. За делом и мысли стали выстраиваться более логично, яснее и четче.

Итак, что же произошло?

Погиб, а точнее, убили Сарафанкина. Как учил Шерлок Холмс, надо посмотреть, кому это выгодно, кто был заинтересован в его смерти. Всех злых и недовольных на него Анчуткин, что называется, перетряхнул и вывернул наизнанку. У всех алиби. Мог не поладить он и с кооператорами. Но, судя по тому, как держится Граф Инкель, надо искать в другом месте. Хотя накануне он все-таки приезжал к нему. Зачем?

Первый вопрос, который надо выяснить.

С Лопаревичем все более-менее ясно: он был за строительство пристройки, и с Максимом Петровичем у них, похоже, конфликтов не возникало. А вот с Кузьминым... Почему он так орал на меня? Аргументы его вполне убедительные — жители близлежащего дома написали жалобу, и временно пришлось приостановить строительство — общественность ныне имеет большую силу, и если бы он объяснил спокойно, без разноса и обвинений, без угроз, во всяком случае, я ушел бы убежденный, что так и должно быть. Но теперь... «Судить вас надо, товарищ председатель стоянки...»

Нет, не зря орал на меня товарищ Кузьмин. Ему надо было запугать меня, убедить в моей виновности, чтобы я не совал куда не следует носа, а то, чего доброго, еще и статью в газете напечатаю о делах гаражных, которые не так давно в свои лапы взял исполком, хотя существует Московский совет автолюбителей, — потому что лапы эти можно хорошо погреть.

Да, несомненно, у председателя исполкома были основания нервничать и орать на меня...

Телефонный звонок прервал мои мысли. «Дина», — обрадовался я и схватил трубку.

— Слушаю.

— Ну что, председатель, себе гаражи построили, с нас денежки содрали и почиваем преспокойно? — загремел пьяный мужской голос.

— Кто говорит?

— Все говорят, — сострил неизвестный абонент. — Почему прекратили строительство?

Накаленный разговором с предисполкомом и новым грубым выпадом, я сорвался:

— А твое какое собачье дело и кто ты такой, чтобы учинять мне допрос?

— Я деньги платил и имею право потребовать за них отчет.

— Приходи на стоянку, там и получишь ответ, а с хамом, который назвать себя боится, мне нечего разговаривать.

— Ну ладно, сука, мы поговорим с тобой в другом месте.

Я положил трубку.

Гнев клокотал во мне, как магма в вулкане. Очень хотелось встретиться сейчас с этим смельчаком, посмотрел бы я, чьи кулаки крепче.

Яичница уже дымила на сковородке, я выключил плиту, переложил «жаркое» на тарелку, а аппетита словно не бывало.

Снова зазвонил телефон. Видимо, пьяница не наговорился — пьяные всегда любят поспорить, поскандалить, пофилософствовать, сорвать на ком-то зло. Я снял трубку, приготовившись сказать ему такие словечки, которые он не слышал и от своих собутыльников.

— Добрый вечер, Игорь Васильевич. — Голос был совсем другой, утиный, мягкий и, показалось мне, знакомый. Но чей, вспомнить не мог. — Простите, что беспокою дома, но на стоянке вас не дождался.

— Я слушаю.

— Вы, дошли слухи, сегодня у районного начальства были?

— Был, — не стал я лукавить.

— И что выходили?

— А с кем я разговариваю? — решил все-таки уточнить.

— Алексеев, — ответил голос. Фамилия претендента на гараж в списке значилась, но я, к сожалению, не помнил этого человека.

— Похвалиться пока нечем, — ответил на вопрос. — Но, как утверждал Максим Петрович, капля камни долбит.

— Максим Петрович был ушлый мужик, но не кажется вам, что он перегнул палку?

«В чем? — чуть не сорвалось у меня с губ. И остановило мелькнувшее подозрение: — А Алексеев ли разговаривает со мной? С чего он взял, что Максим Петрович «перегнул палку»? Что ему известно еще?»

— Видите ли, с какой стороны посмотреть, — дипломатично продолжил я, чтобы выведать еще кое-что. — Максима Петровича нет, но дело его осталось.

— Вот и я о том же и хотел дать вам по этому поводу совет.

— Добрый совет от доброго человека — великая помощь, говорят в народе.

— Ну это не телефонный разговор.

— Давайте встретимся на стоянке. Хоть сейчас.

— Сейчас не получится, я звоню не из дома...

Когда же он ждал меня на стоянке? Подозрение, что это не Алексеев, крепло еще сильнее.

— Давайте завтра утром.

— Утром тоже не получится, мне рано надо быть на работе. А вот вечером, часов в семь — пожалуйста. Только давайте не на стоянке, а посидим где-нибудь по-человечески за рюмкой чая, — весело закончил он.

— Можно и за рюмкой чая, — согласился я. — В Доме журналистов.

— Так там, говорят, каждый столик прослушивается. Давайте в «Беггах». Тет-а-тет — разговор сугубо конфиденциальный.

— Хорошо.

Пожелали друг другу спокойной ночи.

Я выждал немного и позвонил Алексееву. Телефон был занят.

Освободился минут через пятнадцать. Ответил совсем другой мужской голос.

— Василий Сергеевич?

— Он самый.

— Это Семиречин. Вы только что звонили мне?

— Я? — удивился Алексеев. — Это вы звонили. Только голос вроде я ваш не узнал.

— И что я вам говорил?

— Так вы расспрашивали, о чем беседовал со мной следователь, просили не очень-то откровенничать, не проболтаться, сколько кому на лапу давали. А я, откровенно говоря, и не знаю... Так, похоже, не вы звонили?

— Не я. А мне звонили от вашего имени. Кто-то решил разыграть нас.

— Ничего себе — разыграть. За такие шутки морду бьют.

Если бы, вздохнул я, кладя трубку. За такие «шутки» Максим Петрович жизнью поплатился... Что же он сделал и что хотят теперь от меня? Видимо, считают, что и мне что-то известно. А если так, то... Сообщить завтра же следователю? А если он с ними заодно?.. Темные дела в одиночку не делают. Пока мы пробивали место под автостоянку, я имел возможность лично убедиться, как тесно переплелись служебные и личные интересы многих начальников; на каждом шагу нам ставили барьеры, и, пока Максим Петрович не клал в конверт определенную сумму, преодолеть их было невозможно. И все-таки не верилось, что должностные, ответственные работники пошли на последнее средство. Одно дело взятка и совсем другое — убийство...

Обратиться в милицию? К ней у меня с детства недоверие.

Но надо искать помощи. В МВД у меня никого знакомых нет, а вот в КГБ... Правда, Александр Горелый не чистый чекист, всего-навсего сотрудник журнала «Пограничник», но у него наверняка есть знакомые оперативники. Как только заинтересовать их — ведь поиски преступников, даже борьба с мафией — не их компетенция?..

Раздумья мои прервал новый звонок. «Лже-Алексеев», — была первая мысль, потому я не спешил снимать трубку. Надо было сосредоточиться, собраться с мыслями, чтобы еще больше заинтриговать убийц: теперь я был уверен, что ищут они со мной контакт из-за какой-то важной информации, надеясь, видимо, договориться или...

В воображении всплыло лицо Максима Петровича, серовато-безжизненное, с приоткрытым ртом — в предсмертных судорогах он хватал воздух, насыщенный смертоносным газом.

Нет, умирать мне не хотелось. А если они решили бы и меня убрать, давно бы сделали это. Значит, я им нужен...

— Слушаю. — Я не узнал своего голоса, он осип и срывался, как у тонущего.

— Ну, к тебе, как к министру иностранных дел, не дозвониться, — узнал я насмешливо-иронический голос Дины. — И сам не позвонил. Что, снова интервью брал? Только теперь у какой-нибудь стюардессы?

Ах, ее бы проблемы да веселое настроение мне!

— Хуже, — ответил я. — Теперь интервью брали у меня, да чуть ли не с клятвой.

— Это интересно. Надеюсь, при встрече ты мне расскажешь поподробнее. А встретиться я хочу сейчас.

Я взглянул на часы. Ничего себе заявочка, без пяти десять.

— И что мы будем делать? Время позднее, нас никуда не пустят.

— Придумай что-нибудь. Я очень хочу тебя видеть.

Ее настойчивость придала мне смелости, и я ляпнул:

— В таком случае приезжай ко мне.

Дина помолчала. Раздумывает или ошарашил я ее своей наглостью?

— А ты один?

— К сожалению.— Ее настроение передалось и мне.— Уверен, вдвоем нам будет лучше.

— Ехать к тебе неудобно и долго.

— Поймай такси, я встречу у подъезда...

— Хорошо.

Она приехала раньше, чем я ожидал, минут через двадцать. Я за это время сходил к знакомому майору — он жил на одной площадке — и взял у него кусок колбасы, пяток яиц, лимон; бутылка коньяка всегда стояла в серванте на случай неожиданных гостей.

Дина сбросила легкое демисезонное пальто и прижала холодные ладони к моему лицу.

— Видишь, как я замерзла, пока ловила такси.

Я подул на них и потер своими руками, как делала это мама, когда я пацаном прибежал с улицы, вывалянный в снегу.

— Разувайся.

Дал ей свои тапочки и помог снять меховые сапожки. От прикосновения к стройным красивым ногам сразу забылись недавние невзгоды, подстерегающая опасность.

Дина осмотрела комнату, заглянула в кухню.

— Ничего гнездышко? А не скучно одному? Я, к примеру, вот так одна не выдержала бы просидеть целый вечер.

— Меня дела загнали в квартиру. Да и настроение было такое, не для свидания.

— Представь себе, и у меня. Вот шучу с тобой, а у самой кошки скребут на душе.

— В театре проблемы?

Она махнула рукой.

— А где их нынче нет? А может, просто весна действует.

— Если весна, это к счастью. И мы сейчас попытаемся с помощью потусторонних сил разогнать тоску-печаль. Ты готовить умеешь?

— Готовить? Все, кроме варить и жарить. Даже яичница у меня не получается — то подгорит, то развалится. Потому и замуж никто не берет — ничего не умею. А мужей надо кормить и обстирывать,— она брезгливо передернула плечами.

Я не знал, шутит она или говорит правду — нынче и таких девушек немало.

— Ты одна у матери дочка?

— В том-то и беда. Избаловали они меня с бабушкой с детства, а потом... в руки некому было взять.

— А отец?

— Отец! — иронично повторила Дина и глубоко вздохнула.— Отец у меня мужик был серьезный. Настоящий Отелло. К каждому столбу мать ревновал. Вот и посчитали, что лучше разойтись, чем любовь до трагического конца доводить.

— У тебя мать красивая?

— Ничего. И теперь еще пользуется у мужчин успехом.

Ее откровенная вольность зародила у меня подозрение, что она под хмельком, и, приблизившись к ней, я уловил запах винного перегара — вот почему она такая разговорчивая.

— Ты сегодня не играла?

Она усмехнулась.

— Смотря в каком смысле. По Грину, мы все комедианты, и каждый выбирает себе роль по таланту и по обстоятельствам.

— Какую же роль ты играешь сейчас? — Откровенность ее переходила в цинизм, и мне это начинало не нравиться.

— Ты же сам определил мне роль домохозяйки, — усмехнулась она, глядя на меня чуть прищуренными серовато-синими глазами. — Только напоминаю — варить и жарить я не умею.

— Тогда доставай из серванта посуду, а я пойду на кухню. Правда, тоже не мастак по поварской части, но яичницу готовить умею.

Минут через десять на столе стояла шипящая сковородка с поджаренной колбасой и яичницей, сыр, яблоки, посыпанные сахаром лимонные дольки. Дина, как заправская стюардесса с отработанными движениями, ходила вокруг стола, раскладывая ножи и вилки, протирая тарелки и рюмки.

— А правда, неплохо получается? Прямо как в ресторане высшего разряда.

— Тебе часто приходится в них бывать?

Она пожала плечами.

— Не часто, но приходится. А куда еще пойдешь вечером? Дискотека — возраст не тот, и терпеть не могу сексуально озабоченных сосунков с пятеркой в кармане, корчащих из себя неотразимых донжуанов.

— Так ты же вечерами в театре? — все больше удивлялся я тому, что узнавал.

— Не каждый же день, — возразила Дина, несколько смутившись. — Да и что театр. — Она приподняла рюмку с только что налитым коньяком, посмотрела на свет и грустно вздохнула. — Так за что мы выпьем?

Ее вздох грустью отозвался в моем сердце, почему-то стало жаль эту необыкновенно красивую, но несчастную девушку (я был уверен в этом, судя по ее рассказу, по настроению). А мне очень хотелось ей счастья — она заслуживала не только внешностью, но и добрым, открытым характером, приехала ко мне, не строит из себя царевну Несмеяну, хотя вряд ли уступила бы ей в чем-то.

— За тебя, — сказал я как можно проникновеннее. — За то, что ты на расстоянии почувствовала, что мне плохо, и приехала.

Она благодарно кивнула.

— А я — за тебя. За то, что пригласил.

Мы выпили.

— А тебе действительно было плохо? — спросила Дина, участливо посмотрев мне в глаза.

— Действительно.

— Расскажи мне, отчего. О себе я все рассказала и хочу все знать о тебе: что у тебя за работа, что за друзья, где родители, какие волнуют радости и тревожат печали?

Ее искреннее сочувствие разлилось в душе бальзамом, теплой волной обогрело до кончиков пальцев.

— Как-нибудь ты узнаешь все, хотя в моей биографии нет пока ничего достопримечательного, достойного сценического воплощения, — пошутил я и налил еще.

— И все-таки, — сделав глоток, продолжала Дина, — журналистика, мне кажется, довольно интересное занятие. Расскажи мне, о чем ты пишешь, как ищешь темы, откуда берешь материал.

— В следующий раз я принесу тебе из библиотеки учебник по журналистике,— пообещал я.— А сегодня давай уйдем от повседневных мирских дел.

Мне и в самом деле не хотелось говорить о работе, невольно возвращавшей мысли к сегодняшним телефонным загадкам, не сулившим ничего хорошего. И мы пили, болтая о всякой чепухе. Дина не жеманничала, не заставляла себя уговаривать, а хмелея, становилась веселее и интереснее — так, во всяком случае, мне казалось. Несмотря на мое нежелание говорить о делах профессиональных, мы, как заплутавшие в бурю путники, кружащие на одном месте, снова и снова возвращались к теме о жизни. Не знаю, какие выводы сделала Дина из моего «послужного списка» — рассказал я ей многое, за исключением последнего участия в чрезвычайном происшествии к убийству, чтобы не омрачать чудесный вечер,— биография же Дины открыла мне такое, что само собой разрушило между нами барьер недоступности. Дина без стеснения рассказала о своей «беспутной» молодости.

Первый раз она влюбилась, когда ей было 15 лет. В материного сожителя, преподавателя русского языка и литературы пединститута, доцента, обаятельного мужчину, которому было под сорок. Сблизила их литература: Дина любила стихи и мечтала стать актрисой, пробовала себя в поэзии, прозе. Вечерами читала свои «творения» матери и Валериану Михайловичу. Мать пожимала плечами, а Валериан либо хвалил, либо с пафосом поучал, как надо «выдерживать» размер, строить рифму.

Однажды, когда матери не было дома, Дина стала его наложницей.

Потом Валериан Михайлович забрал ее к себе на квартиру, любил и лелеял, не давая «замарать руки»: сам готовил завтраки, обеды, ужины, сам делал приборку в комнате, мыл посуду, а иногда и стирал.

Мать даже не рассердилась на отбитого любовника, только сказала с сожалением: «Зря ты. Человек он хороший, а как мужчина... Когда поймешь, сама сбежишь...»

Так через два года и случилось.

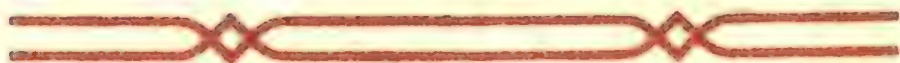
Несмотря на педагогический талант Валериана Михайловича и на хорошее знание литературы, уроки его не помогли Дине стать поэтессой или актрисой. После ухода от него она поступила в торговый техникум, окончила его, год работала товароведом и два года... сидела, точнее, отрабатывала принудилровку. За то, что машину дефицитного товара пустили налево.

Вот такую потрясающую биографию этой потрясающе красивой девушки-женщины узнал я.

Будь я трезв, наверное бы, растерялся. А тут... Мне даже импонировала ее откровенность. С кем не бывает! От суммы и от тюрьмы не зарекайся, гласит русская пословица.

И мне стало с ней легче, свободнее. Я предложил ей остаться ночевать. Она согласилась.

Продолжение следует

Александр НЕКРАСОВ

Земли Российской виновья

ЗИМА

Нежданно-негаданно
В гости
Пришла к нам,
На Север, зима.
Серебряный заячий хвостик —
На небе вечернем
Луна.

Снежинки летят
С поднебесья —
Посланники дальних планет.
И льется,
Как тихая песня,
Снежинок задумчивый
Свет.

Деревья стоят
Величаво.
Дороги молчат в полусне.
Посмотришь налево,
Направо —
Повсюду колышется
Снег.

Дома — в белых шубах,
Плечисты.
Узоры на синем окне.
И воздух —
Ядреный и чистый —
Румянцем горит
На щеке.

Ожили охотничьи
Лыжи,
Почуяв на улице снег.
На них
За лисицею рыжей
Охотник направит
Свой бег.

МНЕ СВЕТЛО

Светлане

Твои волосы льются
С бездонного неба
Цвета спелой морошки
На руки мои,
Их я вижу в полях

Александр Некрасов — член Союза писателей. Родился в 1952 году в поселке Позялом близ Сыктывкара. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Первый сборник стихов поэта «Весенний дождь» вышел в 1977 году. С тех пор он выпустил шесть поэтических сборников, тепло встреченных читателями.

В стихах Александра Некрасова бьется беспокойная мысль о судьбе родной земли, о кровной связи человека со своей родиной, о его высшем назначении. Стихи привлекают душевной раскрытостью лирического героя, откровенностью мыслей и суждений. Автор не опасается, что некоторые его высказывания можно оспорить, он предстает перед читателем таким, какой есть, без прикрас и притворства.

Пишет на коми и русском языках.

Золотистого хлеба
И в рассветах черемух,
Где поют соловьи.

Они греют ладони,
Как солнце весною,
Согревают луга, чтобы всходам взойти,
В моем сердце
Добра
Пробуждаются корни,
Чтобы вновь распустились
Любви лепестки.

Мне светло,
Даже если
На небе нет солнца,
Все туманы-печали развеялись в срок.

В волосах твоих золото
Жаркое бьется,
Без которых я счастья
Найти бы не смог.

МОЯ ЗЕМЛЯ

Мои леса порублены,
Мои озера плачут,
Сосновый пенъ, обугленный,
Один вдали маячит.

Дома все скособочились,
Крылечки обветшали,
И над краями отчими
Сгустилась тучей жалость.

Здесь люди жили с песнями,
В полях хлеба качались,
И дни, как будто веснами,
Ручьями звонко мчались.

Здесь жизнь дышала ласкою
И добротой размеренной.
Природа была царскою,
Жил человек уверенно.

Теперь, как будто ведьмами,
Вокруг все раскорезено.
Веками, словно бедами,
Одно лишь горе рожено.

Земля моя печалится,
Дождями слезы льются.
Закаты горько-алые
Жар-птицей оземь бьются.

По жизни много пройдено...
Сквозь горести и муки
С тобой идем мы, Родина,
Твои сыны и внуки.

РЕЧКА ПОЗЯЛОМ

Здравствуй, моя речка Позялом!
Вот и снова встретились с тобою.
Ты бежишь почти уже ручьем
За любимой Придашской горою.

Здесь родился, вырос я — твой друг!
Любовался бегом твоим быстрым.
И простор такой сиял вокруг —
Радугой в тебе играли искры.

Перекаты, повороты — чистота!
Жемчугами гальки все светились.
С мельницею рядом, у моста,
Хариусы стаями резвились.

В моих предках песней ты жила.
В их сердцах звенела красотой.
Потому, наверно, мне мила
Всех речушек больше ты, не скрою.

Но тебя я не сумел сберечь.
И себя сгубил я, видно, тоже.
Так о чем теперь вести нам речь,
Коль мы оба на больных похожи.

Остается вспоминать о том,
Как с тобою были мы счастливы.
Тихо воды катит Позялом.
А над ней сомкнулись густо ивы.

Тишина. Такая тишина!
Слышен пульс, мне кажется,
Вселенной.

Я живу, пока жива она —
Часть души
Земли благословенной.

КУПАЛЬНИЦА

После ливня
Желтая купальница
Распустилась.
Нежностью маня,
В крупных росах
Радостно купается
Под лучами
Золотого дня.

Воздух свеж.
На небе нет ни облачка.
Дышится
Груди моей легко,
Счастья мысли —
Солнечные обручи
Прокатились снова
Далеко.

«Где моя любимая,
Которая
Быть со мною
Рядом здесь должна?!
Проплыву моря,
Пройду и горы я,
Лишь бы знать,
Где ждет меня она.

Может быть,
Теперь она печалится.
Думает вот так же
Обо мне.
И с лугов
Душистая купальница
Светит ей,
Как солнце, на окне».

Жизнь моя,
Наверно, начинается...
И я счастлив
На земле, как Бог:
Даль лугов моих
В цветах качается,
Я средь них
Имею свой цветок.

КОСИ, КОСА

Жара стоит невыносимая,
Аж обмелели реки.
Траву коси, коса моя,
Любимая навеки.

Нет ровных мест — кочкарники,
Трава стоит по пояс.
К отцу пошел в напарники,
Мужчиной стать готовясь.

Коси, коса, пока роса!
К росе не подоспели.
И спотыкается коса:
Как проволока — стебли.

Соленый пот — рекой течет
По загорелым спинам.
Луг за косой волной плывет,
Под небом ярко-синим.

Вдыхаем воздух, словно мед,
Что пахнет земляникой.
Коса, свистящая, поет,
С травой целуясь дикой.

Жара меня как будто пьет,
Как речку по соседству.
Усталость, словно в под дых бьет,
Свалился чтоб на месте.

Но мой отец идет вперед.
Держась за ним поодаль,
Кошу косой, чтоб горизонт
Свою мне руку подал.

А он все катится-бежит,
К закату нас заводит,
И вот луна уже дрожит
На потемневших водах.

Работу кончили. Луга
Уснули до рассвета,
А завтра в копны и стога
Все превратится это.

ТИШИНА

Тишина разлилась над округою,
Все притихло. Шалый ветерок
Пробежал дорогой сиротливою
И прилег в кусты, за бугорок.

Над лесами спелую морошкою,
Загрустив, печалится луна.
Березняк раскрывшейся гармошкою
Над обрывом смотрит на меня.

Эква-речка потихоньку катится,
Свои воды вдаль, к морям, неся.
И как будто навсегда прощается
Темной гладью, глядя в небеса.

Над лучами, что рососою светятся,
Воздух свеж, и льется холодок.
Тишина такая может встретиться
Только там, где ты родиться мог.

ТЕЛЕГА

О чем задумалась, телега,
Свби колеса покосив,
Быть может, тонешь в звуках бега
Среди дорог и мягких ив?

Иль вспоминаешь коренного,
Иль тех, быть может, пристяжных,
Исколесила с кем так много
Дорог избитых и кривых?!

Они давно ушли в отставку.
И тот, соловый, и гнедой...
Теперь в обертках на прилавках
Блестят бесценной колбасой.

Их не объять твоим оглоблям.
К тому же — ты сама стара.
Глядит телега мудро в оба
На мир, проснувшийся с утра.

Взметнулось солнце колесницей,
Сияя радугою, ввысь.
В глазах колес и спиц ресницах
Росою слезы вдруг зажглись.

Они светились и горели,
Пока прохлада не сошла.
А за конюшней птицы пели
О том, что жизнь ее прошла.

ЖЕМЧУЖИНА

Пройдя по множеству дорог,
Хлебнув с лихвой кручины,
Тебя найти я все же смог,
Жемчужину, в пучине.

И ни кола, и ни двора,
Душа лишь еле в теле
И доброта, что обобрать
Еще не всю сумели.

Таким явился пред тобой,
Любимый твой, родная.
Одно лишь счастье, что живой
Остался, погибая.

О, как был тяжек этот путь,
Последний и коварный.
Его боюсь я вспомнить,
Как жуткий сон, кошмарный.

Но как бы ни было, а все ж
Я счастлив тем, что встретил
Тебя, когда у смерти нож
Мне прямо в сердце метил.

Судьбы коварной слепота,
Не разберясь, кромсает.
И только тем, что ты свята,
Я жив остался, — знает.

Как говорят, все видит Бог,
Я, истекавший кровью,
Найти жемчужину ту смог,
Зовется что любовью.

Она мне светит, как звезда,
В большой мирской пучине,
И жизнь не сломит никогда,
Ни по какой причине.

СЕБЕ Я ЦАРЬ И ГОСПОДИН

Меня оставить может друг
В беде непоправимой,
И я пойму его испуг,
Взорвавшийся вдруг миной.

Меня оставить может брат,
Увидев безысходность
Моей судьбы. Как говорят,
Когда уж слишком поздно.

Меня оставить можешь ты,
Любимая, навеки,
Чтоб не испортить красоты,
Слез проливая реки.

Меня оставить может сын,
Не понимая сути
Моей невидимой мечты —
По-своему рассудит.

Меня оставить может дочь,
Себя считая правой.
Я постараюсь превозмочь
Друзей и близких нравы.

И вот тогда, когда один,
Покинутый, останусь,
Себе я царь и господин,
В свой дальний путь отправлюсь.

Со мною будет свежий луг
С росой золотистой
И солнце, мой любимый друг,
На небе ярко-чистом.

С полей бегущий ветерок,
Что волосы погладит,
В туманах спящий, тихий лог,
Что остается сзади.

Со мною будет звон ручья,
Бегущего к озерам.
И песнь любви у глухаря,
Что тает в вешних зорях.

Мой путь нелегок и далек...
В любое время года.
Я не бываю одинок —
Такая уж порода.

ЗЕМЛИ РОССИЙСКОЙ СЫНОВЬЯ

Всех нас учили: люди — братья,
Будь честен, справедлив всегда.
И был воспитан — отдавать я,
А брат чужое — никогда.

Нас убеждали: скоро будет
Основой жизни — коммунизм,
Где справедливость торжествует
И словно в сказке будет жизнь.

И в это верившие деды
Легли за эту былъ костьми,
Чтобы плодами их победы
Могли порадоваться мы.

И вот отцы уже в могиле,
С нас выжимали все, любя:
А коммунизма нет в помине —
Кормили басней соловья?!

Так что ж, выходит, обманули
Средь бела дня честной народ.
И вместо пряников нам — дули,
Смеясь ехидно, тычут в рот.

Горька обида, сердце гложет
Змеею ядовитой ложь.
Весь этот ад, не явь, быть может,
Но правда бьет, как острый нож!

«Вас обманули», — слышно в поле.
«Вас обманули», — звон ручья.
Терпеть вы будете доколе,
Земли Российской сыновья?!

Над нами небо — нет предела.
Морей и рек — велик разбег,
Россия — нет, не оскудела,
Велик российский человек.

Нас продавали, предавали
Иуды разные, но им,
Когда казалось, что мы пали,
Вдруг в страхе виделось: стоим!

Народ, который видел голод,
И нищету, и смерть, и кровь,
Вновь возродится, будет молод,
Как в жизни первая любовь.

ВРАГИ

Враги ошибок не прощают,
Ты чуть споткнулся — тут как тут.
Они, как коршуны, витают.
Своей добычи алчно ждут.

И если видят — истекаешь
На поле боя кровью весь,
Они тебя добьют, не каясь,
Нет никаких сомнений здесь.

Нельзя себя наивно тешить:
«Все обойдется как-нибудь».
Так поступают лишь невежи,
Не понимая жизни суть.

Судьба жестоко сильных била,
Кто шел в атаку наобум.
Ценна бывает только сила,
Которую питает ум.

И, сознавая: жизнь — не поле,
Что предстояло б перейти,
Необходимо нашей воле
Кремневой быть на всем пути.

Враги не дремлют. Денно-ночно
Твоих ошибок алчно ждуг...
Живя уверенно и мощно,
Мы избежим кровавых пут.

ИСТИННЫЙ ПОЭТ

В. Ф.

Ты повзрослел
И стал большим поэтом,
Стихи в тетрадь летели соловьями,
Они звенели
И весной, и летом,
И в стужу зимнюю
Садились в твои сани.

И тройка-жизнь
Тебя все мчала дальше.
Там впереди — кюветы и ухабы.
Душа чиста.
Она не любит фальши,
И ты летел
Навстречу счастью
Храбро.

Достигнув многого,
Не возгордился слишком.
Кто горе мыкал, тот поймет другого,
В тебе живет
Тот маленький мальчишка,
Кто песни пел,
Хоть было жить сурово.

И, встретившись однажды
В граде стольном,
Увидев, что меня грызет беда,
Ты поделился добротой,
Как хлебом-солью,
Не дал уйти мне раньше
В никуда.

Стихи — стихами.
Но еще есть братство
Людей на свете добрых и простых,
Когда свое
Душевное богатство
Ты без оглядки
Делишь на двоих.

Тем истинный
Поэт и гениален,
Что думает не только о себе.
Ему себя, как капли в море,
Мало.
Он жив лишь тем,
Что весь в чужой судьбе.

ЛЮБОВЬ БОЛЬШАЯ

«Красивых женщин в мире много,
Но нет любимой среди них» —
Такая мысль пришла в дороге
И воплотилась в этот стих.

От этой мысли сердце сжалось
В стальных тисках, хоть волком

взвой.

Во мне кричала одичалость,
Прозя душе любви большой.

Себя пытался брать обманом:
Мол, все живут, и ты живи.
Любовь большая, словно мамонт,
Давно уж вымерла от лжи.

Но сердце все же не обманешь.
Оно — не малое дитя.
Ты — человек, ты понимаешь
Коварность счастья бытия.

За красотой внешней — щукой
Ты полетишь, как на блесну.
И, не дай Бог, растерзан шлюхой
Ты будешь за ошибку ту.

В работе обливаясь потом,
Живя несбывшейся мечтой,
Я был несчастным Дон Кихотом,
Пока не повстречался с той,

Единственной на белом свете.
Она сошла, как благодать.
В жизнь ворвалась мою, как ветер,
Чтобы любовь большую дать.

И удивительно, о Боже,
Так изменилась жизнь моя:
Не человеком был, похоже,
Не жил, казалось, раньше я.

Оглохший к звукам — начал слышать.
Ослепший словно — видеть стал.
Из подземелья будто вышел,
Где до сих пор я прозябал.

Жизнь улыбнулась мне цветами.
Сияло солнце надо мной.
Мечты, как яхты с парусами,
Летели вдаль, за счастьем в бой.

И, жизнь людскую возвышая,
Я написал последний стих:
Есть на земле любовь большая
Одна, и только на двоих.

СЯВЯНСКАЯ ПЕЩЕРА

Катание с гор

В 1992 году исполняется 100 лет со дня рождения Петра Дмитриевича Барановского — «исключительного знатока и исследователя памятников древней архитектуры, эрудита и археолога, каким должен был бы гордиться весь Советский Союз и какого нет во всей Западной Европе» — так писал о Петре Дмитриевиче председатель научно-методического совета по охране памятников культуры при президиуме Академии наук СССР академик И. Грабарь.

Продолжаем публикацию очерка публициста Владимира Десятникова о П. Д. Барановском. Начало читайте в первом номере за 1992 год.

П. Д. Барановский в день своего 90-летия. Фото А. Кулешова.

ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ БАРАНОВСКИЙ

* * *

Неподалеку от центра Москвы, на крутом берегу Яузы, стоит один из древнейших форпостов столицы, некогда прикрывавший ее с юга. Первым его игуменом был Андроник — ученик Сергия Радонежского — вдохновителя Куликовской победы. Здесь русские войска в 1380 году, уходя на битву с ордами Мамая, прощались с Москвой. Сюда они вернулись победителями.

В стенах Андроникова монастыря в XIV веке жили или бывали основатель обители — видный политический деятель Древней Руси Митрополит Алексей, великий князь Московский Дмитрий Донской, выдающийся иконописец Даниил Черный. Позже здесь был похоронен основатель русского театра Федор Волков. У неистового протопопа Аввакума в его «Житии» читаем: «...меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда же разсветло в день недельный, посадили меня на телегу и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, и тут на чепи кинули в темную полатку, ушел в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад».

Трудно назвать, кто из больших русских писателей и деятелей культуры не

побывал в Андрониковом монастыре за его многовековую историю. И все же первым в этом ряду должен быть назван гениальный Андрей Рублев. Земно поклонившись в воротах монастыря, он уходил отсюда в 1405 году расписывать вместе с Феофаном Греком и Прохором с Городца Благовещенский собор Московского Кремля, а тремя годами позже, в мае 1408 года, — Успенский собор во Владимире. В 1420-х годах «андрониковские старцы» Андрей Рублев и Даниил Черный — «мужи в добродетели совершенны» — руководили артелью художников, работавших в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры. К этому времени относится создание Рублевым всемирно известной иконы «Троица», написанной «в похвалу» Сергию Радонежскому. Последней работой гениального мастера, «всех превосходящего в мудрости зелне», были росписи в Андрониковом монастыре. «И подписанием чудным своими руками украсиша о память отец своих. И до ныне всеми зрится во славу Христову богову», — писал о росписи Рублева его современник Епифаний Премудрый¹.

¹ Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского (см.: Лазарев В. Н. Андрей Рублев. — М., Сов. художник, 1960, с. 6).

П. Д. Барановский был одним из инициаторов создания в Андрониковом монастыре музея имени Андрея Рублева. В середине 1940-х годов об этом трудно даже было мечтать, так как все строения монастыря были заняты под коммунальные квартиры. И все же Петр Дмитриевич со своими единомышленниками, первым из которых следует назвать Давида Ильича Арсенишвили, добились своего. В 1947 году постановлением Совета Министров СССР территория бывшего Спасо-Андроникова монастыря была объявлена музеем-заповедником. Это была большая победа, свидетельствовавшая о росте национального самосознания народа.

Андрей Рублев умер во время московского морового поветрия. Смерть тогда нещадно косила всех. Даже многим боярам и князьям некому было надгробную плиту сделать. Но неужели потом, когда утихла моровая стихия, Андрей Рублев остался без могильной плиты и эпитафии? Известно, что его неразлучный друг Даниил Черный умер позже. «Прежде убо преставися Андрей,— читаем мы в «Отвещании любозазорным» Иосифа Волоцкого,— потом же разболеся и спостник его Даниил, и в конечном издохновении сый, видя своего спостника Андрея во мнозе славе с радостью призывающа его в вечное оно и бесконечное блаженство»¹. Даже допустить нельзя, чтобы Даниил Черный не распорядился относительно надгробной плиты другу.

П. Д. и М. Ю. Барановские искали в архивах возможные упоминания об Андрее Рублеве. Было установлено, что еще в XVIII веке в Андрониковом монастыре сохранялась надгробная плита над могилой Андрея Рублева. Вместе со своим другом Даниилом Черным он был погребен под старой соборной колокольней, не дошедшей до нашего времени. Не может быть, чтобы надгробная плита с могилы Андрея Рублева пропала. Петр Дмитриевич искал ее. Нетрудно понять, сколько материалов по этому вопросу Барановский «перелопатил» и каким он был специалистом по эпиграфике. «И вот однажды,— рассказывал мне Петр Дмитриевич,— к концу дня, когда рядом со Спасским собором рабочие закончили прокладывать траншею, я увидел вывороченную ими могильную плиту». Плита

показалась Барановскому «подозрительной». Эпитафия на плите во многих местах сколота. Петр Дмитриевич попробовал ее прочесть, но это не удалось, так как наступила темнота.

Барановский углем натер плиту и передал надпись на большой лист бумаги. Придя домой, Петр Дмитриевич приступил к расшифровке эпитафии и просидел над этим занятием до утра. Сбитые буквы не позволили прочесть весь текст. Однако не вызывало сомнения, что это была надгробная плита старца, ...«рекомого Рублев». Закончив работу, Петр Дмитриевич, окрыленный находкой, поехал в Андроников монастырь. Когда он приехал, то плиты уже не нашел.

— Где плита? — спросил он у рабочих.

— Какая плита?

— Та, которая лежала вчера вечером здесь!

— Видите, какая слякоть,— сказали рабочие.— Что, мы грязь должны месить? Мы вашу плиту на щебенку пустили и дорожку, по которой вы шли к собору, посыпали.

11 февраля 1948 года П. Д. Барановский сделал доклад в Институте истории искусств АН СССР, в котором изложил свои изыскания. По Барановскому выходило, что Андрей Рублев умер 29 января («на память Игнатия Богоносца») 1430 года.

Торжественное открытие Музея имени Андрея Рублева состоялось в 1960 году. Во всем мире тогда праздновалось 600-летие со дня рождения великого художника Древней Руси, который в своем творчестве отразил черты русского национального характера и оказал огромное влияние на всю духовную культуру народа. Среди тех, кто при открытии музея скромно стоял в сторонке от большого начальства, был и Петр Дмитриевич, без которого, пожалуй, и музея этого не было бы.

Наверное, у некоторых из вас есть пластинка со знаменитыми «Ростовскими звонами». Во всяком случае, многие слышали эти звоны по радио или в кино. Запись их часто используется как музыкальный фон в телепередачах. История записи «Ростовских звонов» такова. В январе 1963 года учительница-пенсионерка из Ростова Великого написала в Москву письмо своим знакомым, где рассказала о ростовской звоннице в Кремле, колокола которой полностью сохранились. Ро-

¹ Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. М., 1963, т. 1, с. 267.

дидась идея записать звучание колоколов. Письмо попало ко мне. Я показал его П. Д. Барановскому и спросил, знает ли он о ростовских колоколах.

— Их весь мир знает,— ответил Петр Дмитриевич и достал подборку книг — Ю. Шамурина, А. Титова, А. Израилева, Н. Оловянишкова, как будто заранее готовился к разговору.— Шалапин и Горький специально приезжали в Ростов слушать звоны. Гектор Берли-

оз их слушал и восхищался. Бетховен написал свою «Аппассионату» на основе егорьевского звона ростовских колоколов. Нотную запись звона великому композитору прислал его поклонник — австрийский посол в России. Первоначальной информации вам достаточно, остальное найдете вот здесь,— и Петр Дмитриевич пододвинул ко мне стопку книг.

Книги я взял, но как действовать дальше, чтобы осуществить запись зво-

Северная экспедиция. В центре — П. Д. Барановский, слева — Михаил Иванович Погодин, впуск известного историка Михаила Петровича Погодина.

нов, не знал. Прочитав книги, я понял, что может получиться целый диск, на котором будут поочередно записаны ионинский, акимовский, егорьевский и будничные звоны. Мелодия каждого из них отличается друг от друга и зависит от числа колоколов, участвующих в звоне. В акимовском звоне, например, участвуют тридцать колоколов, которыми управляют пять звонарей, а в будничном только шесть. Заставить

их «говорить» может и один человек. Ростовские колокола, вычитал я, — уникальные образцы литейного искусства и высокой музыкальной культуры русских мастеров. Самый большой колокол — «Сысой» весит две тысячи пудов. Звон его слышен за 18 километров и имеет два одновременно звучащих тона — «ми» и «до» контроктавы. Славятся своими мелодичными голосами наряду с «Сысом» «Лебедь», «Баран», «Полиелейный».

П. Д. Барановский в Новом Иерусалиме под Москвой во время реставрации монастыря.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. Д. БАРАНОВСКОГО

Мастера-звонари передавали по наследству древнее искусство управления колоколами. Каждый такой умелец обладал музыкальным слухом, был талантливым импровизатором. Об этом с восхищением свидетельствовал В. В. Стасов. Но сохранились ли звонари? Я позвонил в Ростовский музей. Мне сказали, что вся «бригада» старых звонарей во главе с А. С. Бутылиным жива и здравствует. Последний раз они звонили в колокола, когда в 1930-е годы снимался кинофильм «Петр Первый».

Все было вроде бы в порядке. Осталось дело за малым. Кто возьмет на себя техническую запись звонов? Это сейчас легко об этом говорить. И «Всенощная» Рахманинова записана, и хоровая музыка XVII—XVIII веков. А четверть века тому назад все было гораздо сложнее. Когда я пришел с предложением о записи звонов к директору Всесоюзной студии грамзаписи, то он мне прямо заявил:

— Я не собираюсь по вашей милости класть партийный билет на стол.

Примерно такой же ответ я получил и в других организациях, имевших технические возможности стереофонической записи. Помог случай. На кино-

П. Д. Барановский у своей квартиры в больничных палатах Ново-Девичьего монастыря. 1976 г.

студии имени М. Горького требовался звуковой материал для исторического фильма. Звукооператор А. Матвиенко получил разрешение и готов был выехать вместе со мной в Ростов. Перед отъездом я на всякий случай позвонил в Ростовский горком партии.

— Разрешение мы даем, — ответили из Ростова, — но у вас ничего не получится.

— Почему?

— Старики давно не звонили, и требуется дирижер.

Я тут же обратился к Барановскому.

— Петр Дмитриевич, выручайте. Нужен главзвонарь. Вы не сможете?

— Да вы что?! Тут нужен специалист.

— Порекомендуйте кого-нибудь.

— Кто-нибудь не годится. Нужен профессионал. У меня есть один человек на примете. Позвоните через полчаса.

Звоню через полчаса. Машина уже запущена. Ничего отменять нельзя. Пожарная охрана, чтобы не было паники, на запись дает всего два дня.

— Заезжайте ко мне завтра ут-

ром,— говорит Барановский.— Главзвонарь у меня дома.

Им оказался старый друг Петра Дмитриевича известный искусствовед и музыкант Николай Николаевич Померанцев. Рано утром мы выехали, и ровно в полдень в Ростове ударили колокола, которые молчали десятилетия. Запись прошла удачно, если не считать небольшой помехи. Встревоженные воробьи и голуби, жившие на колокольне, подняли такой гвалт, что от этой помехи так до конца и не удалось избавиться.

Звоны были записаны, но кто будет выпускать пластинку? Секретарь парткома Министерства культуры СССР, где я работал, Б. В. Покаржевский пригласил меня к себе в кабинет и «отечески» наставил:

— Мне сказали, что ты «Ростовские звоны» Студии грамзаписи усиленно навязываешь. А ведь музыка-то церковная...

Все застопорилось — «опиум для народа». Опять же выручил случай. В Москву приехал американский импресарио № 1. Соломон Юрок. Он ставил свои условия, на которых хотел организовать гастроли нашего балета. Жесткие условия Юрока Большой театр не

устраивали, и обе стороны начали маневрировать. Однажды Юрок пришел в министерство, а Е. А. Фурцева была занята и не торопилась принимать настойчивого импресарио. Соломон сидел в приемной и скучал. Я попросил помощника министра Н. С. Калинина «развлечь» бывшего россиянина и «прокрутить» для него ростовские звоны. Интересно было, как он на это прореагирует. Память на дни молодости цепкая — ассоциации разные... Николай Сергеевич человек был живой, общительный. Пока министр была занята, он организовал для Юрока представление. Включил звоны. Проходит минута, вторая... Дверь открывается, входит Е. А. Фурцева и с изумлением обращается к Юроку:

— Что с вами?!

Соломон Юрок плакал. Прослушав запись до конца, он попросил Фурцеву продать ему лицензию на пластинку «Ростовские звоны». И все решилось. Пластинку у нас стали печатать с аннотацией на русском и всех других языках.

Руководители Студии грамзаписи, несколько изменив мой текст на конверте пластинки, поставили другую фамилию. Я решил подать на них в суд и

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. Д. БАРАНОВСКОГО

Пятницкая церковь в Чернигове после реставрации.
Фото А. Карнабеда.

пришел посоветоваться к П. Д. Барановскому.

— «Лишь на деяние имеешь ты право и никогда — на его плоды; да не будут плоды твоего деяния побуждением к нему; да не будет у тебя оправдания бездеятельности», — урезонил меня Петр Дмитриевич вековой мудростью любимой им древней индийской «Бхагавад-Гиты» *.

Тягаться со Студией звукозаписи я не стал и правильно сделал — себе дороже. В память о нашей поездке в Ростов Великий и в благодарность за организацию записи «Ростовских звуков» Петр Дмитриевич подарил мне книги, которые давал для написания статьи к пластинке.

* * *

П. Д. Барановский был не просто реставратором, а широко образованным историком культуры. Академик И. Э. Грабарь говорил о нем, что такого архитектора-эрудита нет и во всей Европе. Петр Дмитриевич был последователем всемирно известного ученого Н. П. Кондакова. С гордостью за своего учителя он говорил: «А знаете, что один из крупнейших мировых семинаров византистов называется — «Кондаковиа-нум!» К сожалению, сам Петр Дмитриевич, хотя и получал персональные приглашения, ни на один из этих семинаров так и не смог выехать. Ездили другие, кому, быть может, и не обязательно было. Научные интересы П. Д. Барановского были обширные, но более всего его интересовало время сложения русской школы архитектуры, когда она освободилась от византийского влияния. Это как раз совпадает со временем создания «Слова о полку Игореве». Совпадение не случайное. То было время одного из вершинных взлетов творческого гения нашего народа, прерванное нашествием кочевников. «Потому, — говорил Барановский, — каждый из оставшихся «в живых» памятников русской архитектуры домонгольского периода, будь то Покров на Нерли или Дмитровский собор во Владимире, — это поэмы, равные «Слову», но только сложенные в камне».

Спросите у любого знающего искусствоведа, и он вам подтвердит, что вос-

становление П. Д. Барановским черниговской церкви Параскевы Пятницы является признанным во всем мире эталоном реставрации. В период Великой Отечественной войны фашисты уничтожили многие памятники культуры. Секретным приказом рейха предписывалось оставить нас без исторического наследия. «Рабы не имеют своей истории», — говорилось в фашистском приказе. П. Д. Барановский, будучи экспертом Чрезвычайной комиссии по расследованию фашистских злодеяний на временно оккупированной территории, вошел в Чернигов с войсками, освободившими город. На месте церкви Параскевы Пятницы он увидел руины. До войны считалось, что это сооружение в стиле украинского барокко построено в XVII веке. Каково же было удивление Петра Дмитриевича, когда он обнаружил, что церковь Параскевы Пятницы в своей основе древнее здание, сложенное из плоского кирпича-плинфы, употреблявшегося в домонгольскую эпоху. Тогда и возникло у реставратора предположение, что памятник этот — современник «Слова о полку Игореве». Петр Дмитриевич не ошибся в своем предположении. Чтобы доказать это и восстановить памятник в его первоначальном виде, понадобилось несколько лет напряженного труда. Реставрация началась, когда шла еще война. Люди в Чернигове жили в землянках. Не хватало кирпича, чтобы сложить печи. И в то же время на виду у всего города из руин поднимался памятник архитектуры. Петр Дмитриевич рассказывал, как однажды разъяренная толпа черниговских женщин привела к нему человека, который наворачивал плинфы и сложил себе баньку. Если бы наше самосознание было как у тех женщин военной поры, тогда не мучил бы нас стыд за ничем не оправданный снос в 30-х годах Сухаревской башни, Страстного и Чудова монастырей, старинных московских особняков, связанных с памятью Пушкина и Лермонтова.

Имена доморощенных геростратов у нас, к сожалению, не предаются гласности, но общественность их помнит и давно занесла в позорный поминальник. Таковую «московскую летопись», начиная с конца 1920-х годов, вел П. Д. Барановский. В его архиве хранился пожелтевший от времени журнал «Огонек» за 1930 год. На обложке новогоднего номера журнала главный редактор Михаил Кольцов, рьяно боровшийся за снос

* См. ж. «Иностранная литература», 1982, № 3, с. 236.

В. А. Чивилихин в гостях у П. Д. Барановского в день 90-летия Петра Дмитриевича.

древних памятников Москвы, поместил фотографию руин взорванного шедевра древнерусской архитектуры — собора Симонова монастыря. Характерна и подпись в духе того времени. Дескать, на месте храма мракобесия построим дворец науки и культуры. Только почему именно «на месте храма», а не поодаль от него, чтобы старое и новое дополняли друг друга, создавая единый ансамбль. Благо условия для этого были прекрасные. Вокруг Симонова монастыря простирались обширные, ничем не застроенные пустыри.

— Гениальные примеры сочетания старого и нового показал в своем творчестве архитектор А. В. Щусев, — говорил Барановский. — Он достоин был памятника при жизни и как архитектор, и как гражданин Отечества. Когда Щусеву предложили строить Дворец культуры автозавода имени Лихачева в Москве и поставили условие, чтобы здание было возведено непременно на месте тогда еще только предназначенного к сносу собора Симонова монастыря, то архитектор заявил решительный протест.

Но нашлись люди, которые согласились строить. Не смутило их и то, что у стен собора располагался старинный

некрополь, где покоились многие славные сыны Отечества. Выход был найден без особых трудов. Произвели эксгумацию и перенос некоторых захоронений, а остальной некрополь был уничтожен. Могильные плиты пошли под фундамент Дворца культуры. Осталось только назвать авторов. Это были братья Веснины. Справку о них вы можете прочитать в Большой Советской Энциклопедии. Можно добавить, что братья Веснины в определенном смысле предвосхитили известного французского архитектора Корбюзье, у которого не дрогнула рука, когда он писал, «что в Москве все нужно переделать, предварительно все разрушив» *. Это напрямую соотносилось с планами Л. М. Кагановича. «Когда ходишь по московским переулкам, — писал этот градоправитель, — то получается впечатление, что эти улочки прокладывал пьяный строитель... Мы должны знать, где и как строить, проложив ровные улицы в правильном сочетании, выправлять кривоколенные и просто кривые улицы и переулки» **. И Каганович навывправлял. ...Разве мог Барановский забыть об этих тяжких годах?! Потому своим ученикам, молодежи он не

* Корбюзье. Планировка города. М., ОГИЗ—ИЗОГИЗ, 1933, с. 204.

** Каганович Л. М. За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР. М.—Л., 1931, с. 65—66.

уставал повторять слова, которые мы часто слышали от него: «За памятники Отечества надо стоять насмерть, ибо без прошлого нет будущего!»

П. Д. Барановский всегда будет высоким примером гражданственности и патриотизма. За свою жизнь он разработал проекты и восстановил более ста памятников национальной архитектуры. Да как восстановил! «Каждая реставрация Барановского,— писал И. Э. Грабарь,— это защита докторской диссертации». Петр Дмитриевич был одним из основоположников советской реставрационной науки. Им разработана вся реставрационная методика, ее теория и практика, вытекающие из открытых им законов древнерусского строительства. За 70 лет работы в библиотеках и архивах он собрал уникальный материал к «Словарю древнерусских зодчих» — более 1700 имен. Этот труд по плечу целому научно-исследовательскому институту. Но напрасно вы будете искать имя Петра Дмитриевича Барановского в БСЭ или в Энциклопедическом словаре. Для него там места не хватило. И как тут не вспомнить мудрость древних: «Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем». Однако энциклопедии и словари — дело поправимое. Для этого надо время. Оно всех и всё на свои места расставит. «Ни хытру,

ни горазду... суда... не минути!» — как сказано в «Слове».* Не надо забывать, что для многих нынешних авторов энциклопедий и словарей П. Д. Барановский всю жизнь был неудобным оппонентом — говорил правду в глаза. Кому угодно мог сказать. Говорил и в 1940-е, и в 1960-е, и в 1980-е годы. Когда в строгие 1930-е годы повально начали сносить памятники и замахнулись даже на Василия Блаженного, Петр Дмитриевич не побоялся решительно выступить против этого. У него был на высоких нотах разговор с Л. М. Кагановичем. Тот не прислушался к голосу реставратора. Тогда П. Д. Барановский «отбил» резкую телеграмму на самый «верх». Василия Блаженного удалось спасти, но строптивому реставратору это стоило нескольких лет жизни вдали от семьи. Мария Юрьевна — жена Барановского — рассказывала: «Петр Дмитриевич одно только и успел у меня спросить на свидании перед отправкой: «Снесли?» Я плачу, а сама головой ему киваю: «Целый!»

В свете всего нынешнего особенно отчетливо видно, что многим из нас не хватает бойцовских качеств «беспартийного большевика», как о себе писал в

* Изборник. Слово о полку Игореве. М., 1969, с. 209.

Кабинет П. Д. Барановского. Фото А. Кулешова.

старых анкетах П. Д. Барановский. Он мог, когда этого требовали интересы охраны памятников, остаться не только в меньшинстве, но и не согласиться со всеми. Это было не упрямство, а высшей пробы принципиальность гражданина Отечества. В развороченном фашистами Чернигове он пришел на бюро горкома партии и стал говорить, что один из цехов кирпичного завода надо приспособить для изготовления плинфы. Можете себе представить, как отреагировали на заявление реставратора члены бюро горкома. Вспоминая тот нелегкий день, Петр Дмитриевич улыбнулся в свои жесткие усы щеточкой:

— Все-таки я заставил их выслушать меня.

— Ну и что решило бюро горкома партии? — спросил я.

— В конечном итоге единственно правильное решение было принято, — ответил Барановский и пояснил: — Я добился приема у секретаря ЦК КП Украины и убедил его, что пролетариат нам никогда не простит, если мы не сохраним столпы нашей культуры.

П. Д. Барановский — личность легендарная. Он стоит у истоков создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Его перу принадлежит первый проект устава общества, когда об Учредительном съезде общественность только еще мечтала. Активная гражданская позиция Барановского ярко проявилась при создании первого в стране молодежного реставрационного клуба «Родина». Собрав московских комсомольцев — школьников, студентов, рабочих, он обучил их и на общественных началах приступил к восстановлению выдающегося памятника древнего зодчества — Крутицкого подворья. В 75 лет во время работы на Крутицах он упал с лесов и сломал ребро. Через месяц его снова видели на лесах. Человек он был неумный, принципиальности — гранитной. Недаром ведь «Петр» по-гречески — камень. Друзья называли его Аввакумом XX века. Таким он оставался до самых последних дней. Помню, мы разбирали архив, который Петр Дмитриевич безвозмездно передавал в Государственный научно-исследовательский музей имени А. В. Щусева. На фотографии я увидел человека, который смотрелся маленькой точкой на куполе церкви Вознесения в Коломенском.

— Кто этот верхолаз и что он там

делает? — спросил я.

— Как что? Чиню крышу, — ответил Барановский.

— Как вы туда залезли?

— Вылез в окошко, что в основании шатра, а потом по цепи до купола.

— И не побоялись?

— А что тут такого? У меня нет страха высоты. Я и сейчас бы туда залез, — сказал Петр Дмитриевич.

И залез бы. Можете не сомневаться. На таких подвижниках у нас испокон веку все держалось.

Полистайте нынче наши газеты и журналы. Обязательно найдете там тревожные сигналы о неблагополучии с охраной памятников Отечества. Только за последнюю треть века список утраченных памятников вместе с именами должностных лиц, повинных в этом, если все опубликовать, составит книгу толще, чем учебник «Родная речь». Обрывается цепь преемственности поколений. В конечном итоге это наносит непоправимый ущерб воспитанию патриотизма. Прав Леонид Леонов, когда говорит в своих «Раздумьях у старого камня»: «Жизненно необходимо, чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен, из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие» *.

Вопрос национального самосознания народа приобретает в нынешних условиях первенствующее значение, как это было во времена всех крутых поворотов в жизни нашей страны.

Мы выросли, учились и воспитывались в советское время. Положа руку на сердце можем сказать, что историзм мышления приходит лишь с возрастом, к седым волосам. Между тем жизнь убедительно доказывает, что успехи в экономическом развитии страны во многом зависят от того, каков уровень национального самосознания народа.

Как бороться за сохранение наших национальных святынь? Жалобами и письмами отдельных любителей старины дело не поправишь. Можно спасти тот или иной памятник, но кардинально проблему не решишь. Так будет продолжаться до тех пор, пока за решение дела мы не возьмемся всем миром. Примером для нас могут служить труды и деяния П. Д. Барановского.

* Леонов Л. М. Раздумья у старого камня. См. журнал «Техника — молодежи», 1980, № 9, с. 13.

Анастасия ЦВЕТАЕВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ПИСАТЕЛЕ
ПАНТЕЛЕЙМОНЕ РОМАНОВЕ *

* Публикуется впервые.

Посвящается памяти Антонины Михайловны Романовой

31 августа 1991 года. Москва. Храм Большого Вознесения. После панихиды по Марине Цветаевой. Слева: А. И. Цветаева.

Меня в только что написанной строчке, заглавии, возмутило слово «писателя» — точно без этого слова... Но тут же пришел ответ: уж на Руси, той Руси, о которой он писал — «Русь», роман его, — настал и уже проходит 1987 год, писателей адреса с телефонами составили толстый том! — может быть, кто-нибудь и не знает ныне, что такой был писатель, — читают новинки! — потому перо мое само собой написало в заглавии это слово... Ведь не XIX век теперь, когда писателей были — десятки, а не тысячи, как теперь, — да простит мне Пантелеймон Сергеевич это смешное ему уточнение! Ибо хоть, может быть, и забыли его, — не оттого ли я о нем начинаю — и хоть разное о нем напишу, — но был он, это надо помнить прежде всего, — как говорили тогда — «писатель Божией милостию» (и опять, для новых времен, пояснение «природного дарования писатель»...).

Но я, может быть, на десяток лет всего моложе его, по занятости дней моих — переживая бесхлебные времена, растя сына, — имела мало времени читать книги, а если уж урвать время — то книги английские, по специальности, — и в то лето, 1936 года, я сидела на террасе старого дома писателя Александра Эртеля в его Эртелевке, доме отдыха, в серый денек, с книгой в руках, и книга эта была впервые в моих руках — книга Пантелеймона Романова, — как же она называлась? Односложное или двухсложное слово женского рода. Да простят моим без малого 93 годам это забвение, где-то летит в мозгу, — лови его, как Жар-птицу! Но именно с нее, с этой повести, начинаю я воспоминания об авторе, жившем, как

и я, в Эртелевке.

Я ошиблась: до повести этой я прочла тут же (в Эртелевке) маленький рассказ «Печаль» и только от присутствия автора не позволила себе посмеяться, потому что в этом рассказе «шла речь» об одиночестве человека, ушедшего в лес и там, не имея друга, рассказавшего свою жизнь — пню... Мне помешало смеяться еще то, что это был любимый рассказ (от кого-то я это узнала) жены Романова, Антонины Михайловны, милейшей и остроумнейшей женщины, к которой я сердечно привязалась за короткое время вместе.

— Значит, я чего-то не поняла в этом пне... — сказала я себе без юмора, — с вечной моей иронией лезу, куда и не надо... Значит, ее душа чище моей, она уловила лирику там, где для меня ее не было...

Впрочем, в прошлом жена его была балериною, человеком другого мира, совершенно иной среды, и имела полное право иначе воспринимать литературу и ценить в ней другое, чем я.

В этот серенький день я читала, одна на террасе (куда-то все разбрелись, да и мало их было, в доме дочери Эртеля было всего 7 комнат), я, читая, скучала, фабула не разворачивалась, тема не увлекала, я уж была готова внутренне произнести приговор, когда внезапно, с какой-то из средних глав, внимание было потухшее, насторожилось, крючок упал в петлю — и началось, как, пожалуй, у Достоевского, совпадение внутренних соответствий, оно все ширилось, внимание могло еле уследить за действием! И тайный восторг перед подачей истинной жизни изъяснял меня нацело из дня.

Меня не было. Я была там, о чем автор повествовал с мастерством, давно уж не встречаемым. События разворачивались с невиданной силой. Но строк уже не было видно, был вечер. Лил дождь, в окнах светились лампы... Я шла в дом как во сне.

От кого узнала Антонина Михайловна, что я смеялась, прочтя «Печаль»? И мою скуку, долгую, над началом и серединой повести? И как ни старалась она скрыть свое отношение ко мне, она неуловимо выражала его (мне — явно). И я загрустила. Так длилось недели две, может быть. Ее настороженность не прошла, может быть, и тогда, когда я выразила свое высокое одобрение к концу повести. Ей хотелось сберечь мужа

от моих мыслей о его творчестве. Она не верила мне. А Пантелеймон Сергеевич, наоборот; как истинный писатель, все более ко мне приглядывался и прислушивался к критике. Пораженная двойственностью моей над его страницами, продолжавшейся и в других его сочинениях, я стала чаще задавать ему вопросы, жадно слушала какую-то неумелость его ответов, на разной глубине звучащих, и мало-помалу стала выкристаллизовываться во мне удивительность слияния его мастерства с его недостатками писательскими. И закрадывалось в меня подозрение, что, должно быть, в нем попросту не хватало уровня образованности. Превосходно описывая психологию детей и подростков дворянской семьи, он, где-то в имении их родительском, укладывал их спать на сундуках, в проходной комнате, чистосердечно не представляя себе нелепость отсутствия комнат, именуемых «детскими». Отлично поданная — характером и живостью психологии, героиня его повести или романа баронесса Нина входила в гостиную с перчатками в руке и небрежно клала их на стол (вместо подзеркальника передней), и само слово «баронесса» повторялось столько раз, сколько мелькало ее имя, как будто недостаточно было читателю один раз услышать его, и что для себя его героиня ощущала себя, кроме как в официальных ситуациях, просто Ниной, каковой она и для пишущего о ней долженствовала казаться. И то, что этого почему-то не происходило, вносило туманную путаницу в описание ее действий, привычек, круто мешавшую глубине его проникновения в ее душу... И много путаницы мне в себе, как в читателе и рождавшемся критике, пришлось испытать, распутать и преодолеть. Пока я наконец, в конце лета, в которое я читала только этого автора, почувствовала не только право свое, но и долг несомненный откровеннее с ним говорить и советовать, советовать ему необходимые, вне сомнения, изменения. Товарищески, дружески помочь ему осознать те несовершенства, мешавшие таланту — поистине «Божией милостию» — засверкать на уровне, ему принадлежавшем по праву, стать в первом ряду русских писателей, но как много для этого требовалось преодолеть!

И вот тут — в том ли упорстве, с которым я говорила осудительные вещи ее мужу, в том ли упорстве, с которым он, побеждая первичную, мещанскую

гордость, слушал меня, в какой-то, должно быть, день, как нагретая стеклянная трубка, перегнулось отношение ко мне Антонины Михайловны, почувшей пользу, а не вред мужу во мне... И стали мы с ней — друзьями...

К концу лета между Пантелеймоном Сергеевичем и мною установилась прочная деловая дружба. Я медленно прочитывала его рассказы — их было много, читатели считали его юмористом и, не читав его повестей и романов, не подозревали, какое сокровище истинного таланта крылось среди его «классовых» незнаний, недочетов и ошибок, наскочив на которые многие, может быть, и переставали его читать. Имя его было известно, но в более высоком интеллигентском кругу, к которому он по рождению не принадлежал, о нем не говорилось всерьез. Тем с большим усердием вникала я в его творчество, мечтая — и об этом мы с ним говорили — следующие издания очистить от наивных его неполадок, их просто выбросить, и явить талант его в его настоящем виде, которому тогда смогут позавидовать, с правом, те, кто, не разобравшись в социальных причинах его ошибок, позволяли себе смотреть на него свысока.

Этот среднего роста человек с типично русской наружностью, неправильными чертами, не имеющий не только светского, но и интеллигентного воспитания, обладал пламенным вниманием к миру, глазом, ухом на жизнь, брался за глубину проблем, роднивших его с Достоевским, как в том конце вдруг развернувшейся повести, с которой я всем вниманием и восхищением повернулась к нему — автору. Безошибочно с какой-то главы стали психологические законы расцветать в неминуемые соответствия, и вскрылись вдруг причины поступков, озаренные правдой жизни, что эта правда драгоценнее всех головокружительных фабул, побуждает волнение иного порядка — высокое согласие сердца. Что перед этим его промахи, мелкие непонимания ребенка среди взрослых — именно им он и был в среде умудренных писателей интеллигентного круга. Многим из них, правильно осматривающихся в социальной, той или иной среде, не хватало основного, чем так богат был он, — истинного слуха на мир, таланта участника. Памяти на пережитое и сочувствия горю (заменяемые гладкостью речи и даром притворяться участником...).

31 августа 1991 года. Москва. А. И. Цветаева среди почитателей таланта М. И. Цветаевой, возле храма Большого Вознесения.
Фото Всеволода Кузнецова.

Некоторых больших повестей и романов у Романова с собой не было, и мы строили планы, как с осени мы будем встречаться по выходным дням и работать с каждой книгой, которую я, в занятости моего английского преподавания взрослым, буду глотать — единственное мое время запоем читать, большей частью по-английски, как отдых, в транспорте, из типа которого только что нам стали подарком вагоны метро — яркий свет, относительно мерное их качание в полете по туннелю, равномерность остановок, — в 1935 году, если не ошибаюсь, прошла первая очередь Московского метрополитена. Последним нашим трудом будущим брезжилась впереди его «Русь», только что, кажется, законченный длинный роман, чуть ли не пятитомный.

И хочется сразу мне, забегаая вперед, с позиции 1936 года, теперь, в 1987-м, в мои 92 года, сказать (когда Романова, увы, давно уже нет, а я все живу), что удались эти планы, даже с «Русью» удались, — что так редко бывает в жизни, — удались в обрез в то время, ког-

да пришлось нам, неожиданно, — расстаться...

Но не будем спешить вперед. Перед нами еще целая осень 1936 года и целая длинная зима 36/37 года, дни встреч у меня в Мерзляковском, дни, вечера труда — так дружески работали, может быть, только Ильф и Петров (кто из них писал, кто подавал советы?) — только помню: никогда мы не спорили...

Но и это еще — впереди. Пока стоит лето, и порой я, устав от напряженности чтений, заметок, поправок, предложений по сокращению, ухожу отдохнуть в глубину огромного эртелевского сада, ложусь в гамак, раскрываю английский роман (о них идет молва, что они, после сложностей и передрыг романтической жизни, кончаются всегда хорошо — что не точно!) и «уезжаю» из Эртелевки, из ЦЧО (Центральная черномоземная область) в Англию, предаюсь восхищению тем, что, не будучи знаменитыми, писательницы XIX века, английские, так тонки в понимании психологии, так чисты, так искренне романтичны, словно на корабле увозят вас в страну чувств, надежд, влюбленности, ожиданий и предвкушений встреч с удивительным — это выражено в английском языке словом *anticipation*, и так точно описано Софьей Парнок в стихах:

Не поцелуй,— пред поцелуем миг,
Не музыка, а то, что пред нею...

В Эртелевке, откусывая — которое уже? — яблоко (в 40 лет я съедала их по десятку, ныне — по одному...). Из соответствий литературных между английской и русской литературами XIX века я назову только одно русское имя писательницы — тезки моей: Анастасия Крандиевская, книга ее «То было раннею весной...» — какое очарование чистоты, мечты, предвкушения истинного любовного чувства...

Но было еще одно дело в моих днях, меня отрывавшее в то лето от чтения Романова, — это переписка с Борисом Пастернаком, его письма мне о переводе моей сестрой Мариной ее русской стихотворной сказки «Молодец» на французском «*Le gars*», и его, Бориса, потрясенного мастерством Марининым слова: — «я никогда бы не смог такого», — при всем высоком знании его (как и нашем, с детства) языков, — как сумела Марина свою-то сказку, и по-русски написанную — по моему определению — «как бы растертой пылью

слов», — перевести такими же полусловами, французскими, смесью старины и новаторства. Она присылала ему отрывки, а книгу эту должна была проиллюстрировать художница Наталья Гончарова... Увы, эти планы не удались! С наступлением очередного капиталистического кризиса отпал этот фантастический план, «*Le gars*» не увидел света, и во тьму кануло это высочайшее чудо переводческого искусства; осталась только русская сказка «Молодец»... Tont — pour la poésie... «So much for the poetry». И я погружалась в прозу Романова, в очередную повесть о краевом музее, где пылает сама жизнь! Но вечерами, после работы во встречах героев — сотрудников музея он описывает скорее каких-нибудь акцизных чиновников за бутылкой водки, с закуской, чем полубезумцев — каждый увлечен своим! — музейных работников. Среди них проработав 8 лет в Музее изобразительных искусств, я видела столько фанатиков каждого отдела (что отличает их от всех других типов служащих). И я ласково втолковываю это Романову, и мы правим, урезаем, переделываем...

Однажды, когда я пришла к Романову, при свете уютной керосиновой лампы Антонина Михайловна продолжала начатый без меня рассказ:

— Девочке этой шел шестой год. Она была на год моложе своего брата, но куда ему было тягаться с ней! Он был добрый увалень, ленивый малый. Читал еще по складам и к книгам относился с вполне понятным изумлением — чего в них хорошего, когда там все непонятно! — растяни-ка слово по складам, где там смысл! Он, по моему, даже жалел тех, кто читает книги... Звали моего воспитанника Вовкой. Но сестра его, Зиночка, читавшая бегло, понимавшая все с полуслова, доставляла много мне хлопот. Видимо, для того я и была приглашена в дом, чтобы мать могла возложить на меня все заботы о воспитании детей и заняться гораздо более ее интересующей прелестью светской жизни!

Я прислушалась. Мне нравился ее тон.

...В первый же день мой в доме — я была молода и неопытна — я натолкнулась на такую сцену: устав, видимо, от своей дочери, мать за какую-то провинность поставила ее в угол.

Все было в этом углу испробовано: продырявливание обоев, скаканье

на одной ножке, тоненькое пенье (когда мамы не было), жалобный плач (когда появлялась мать), но мама, должно быть, решила быть твердой и делала вид, что не замечает ее уловок. И на мой просительный жест — не хватит ли? может быть, девочку выпустить? — мать не смягчалась. И, проходя мимо меня, тихо:

— Вы еще не знаете ее характер... Узнаете! Вовка от нее столько терпит!.. Сегодня вы отдыхаете, осваиваетесь, а уж завтра... Я, кстати, завтра уеду на целый день!

Из угла шли планомерные рыдания. Притворные? Но, может быть, мать забывала возраст своей дочки...

Ко мне обернулось обреченное личико, маленькая рука отводила мокрые от слез волосы... И уж не видя, должно быть, ни матери, ни меня, а только одно жестокосердие взрослых, протянув ручки движением осуждения и мольбы, Зиночка изрекла — неужели под маленького ребенка картавя — «Плостите зе!». И, вывернув ручки, уже с несомненной издевкой она повторила «зе!».

Матери не было. Я больше не могла. Я выпустила девочку из угла и, чтобы не повернуть на себя ее ненависть, ушла в свою комнату устраиваться, дать ребенку отдохнуть, освоиться с новостью в доме — с гувернанткой.

На другой день, получив от матери нетрудное, но странное задание — пойти с Зиночкой в магазин купить ленты для губок, без которых губки падают на пол; проводив маму, я с Зиночкой, усадив Вовку за списанье с книги, пошла в магазин. И так как у меня была губка, я сказала Зиночке, что выбрать ленты для наших трех губок я предоставляю ей: мне хотелось расположить к себе девочку. Зиночка принялась с жаром за выбор: я думала этим занять ее на подольше — Зиночка скомандовала почти мгновенно:

— Вот эту, золотую, широкую, — мне. Синюю, поуже, — Вовке. А вот эту... — она никак не назвала — третью, ту, которую она выбрала для меня: ленточка, скорее тесемка, тускло-коричневая, она молча показала пальчиком. — Эта — вам!

— Пожалуйста ужинать! — позвала нас, писателей, Дуняша, на которую с сестрой ее, уезжая к сестре в Англию, возложила все хозяйство Елена Александровна Эртель.

И канул во тьму дом, где — когда? — начала службу гувернанткой Ан-

тонина Михайловна. Все непонятно в жизни! Антонина Михайловна поступила гувернанткой. Почему? Она же была балериной. Выходили из своих комнат писатели, уставшие от своих жен, предвкушая обилие и разнообразие яств... Но для меня над ними витало это незабвенное «зе!».

Чтобы поставить мой рассказ на ноги, я могу добавить, что в те годы брали за месяц в домах отдыха 150 рублей. Елена Александровна, получив в дар от ЦИКа имение отца, за революционные заслуги его — он даже сидел при царе в заключении, — ответила ВЦИКу приглашением более нуждающихся семей писателей за 30 рублей в месяц! И кормила она их с Дуняшей и ее сестрой Марией Фирсовной — наотвал, приехавшие из Москвы писатели даже заболели от обилия пищи... И было много книжных шкафов в доме, из них один с английскими книгами, и было в доме старинное пианино, и было в саду народу немного, была в саду тишина...

С осени 1936 года в Москве мы с Пантелеймоном Сергеевичем стали — одну за другой — просматривать подробно его книги, и все, где не хватало вкуса (как с той баронессой Ниной) или знания той среды, о которой он наивно писал, — изымать, менять, сокращать... А та первая повесть, которую я в Эртелевке прочла, звалась — мне это сообщили — «Собственность».

По очень большой занятости моей — я преподавала английский в нескольких учреждениях, сравнивая старый, переводческий, метод преподавания и выдающийся — я называла его Колумбовым яйцом — метод Натана Кобленца, меня всю неделю не было дома, — мы не могли, как в более спокойные времена, общаться домами, я не видала с лета жену его, которую полюбила, только слала ей приветы. И, наконец, подошло время подойти нам к «Руси», его главному труду, над которым он столько лет работал. Странно сказать, но именно в этой его, любимой книге, в которую он вложил всего себя, где были превосходные части, было очень много совсем ненужного — он теперь понимал это сам, и смело выбрасывал страницу за страницей. Зима кончалась, мы проводили за «Русью» все выходные дни, до ночи при начале весны, выправляя все, строго и беспощадно, радуясь этой новой «Руси», мы подсчитали, что из всех книг, ее составлявших, мы выбросили 200 стра-

ниц. Вещь засверкала. (Кто бы мог подумать, что я никогда не прочту ее в новом издании?)

...И был торжественный день, когда Пантелеймон Сергеевич сообщил мне, что с результатом нашей правки совершенно согласен его молодой редактор!

А затем подошло лето, и я уехала, впервые после многих лет, в Тарусу. Лето 1937 года. В эту весну я закончила третье учебное английское заведение — Институт повышения квалификации преподавателей при МИНЯ (Московском институте новых языков). Три года мы работали там вечерами, прошли и экзамены. Диплом мы должны были получить осенью.

В Тарусу меня настойчиво приглашала на отдых мой друг Зоя Михайловна Цветкова, профессор английского языка. Видя мое переутомление, она взялась кормить меня, сняла мне комнату... Но я еще кончала перевод с английского об американской музыке. Ночами, чтобы скорей его сдать, — и в Тарусу!

Кто мог предвидеть, что жизнь осложнится так, что я так никогда и не получу за него гонорара, что я уеду из Тарусы неожиданно, так надолго, что об этом не стоит писать.

На Дальнем Востоке, где я прожила много лет, я не имела возможности прочесть последнее издание «Руси». Донеслась весть о смерти Романова. Но все проходит, говорило кольцо Соломона, — и я оказалась у сына моего в Павлодаре, где он был финансистом строительного предприятия. Марины, сестры моей, давно не было на свете. Но еще жива была Антонина Михайловна Романова. Узнав, что я собираюсь в Москву — реабилитироваться, и все не еду, медлю, она пустила среди друзей подписной лист — собрать денег мне, не зная, что я живу у сына, что я медлю не из-за денег.

В 1959 году я оказалась в Москве, но уже не застала Антонину Михайловну Романову. И жизнь моя пошла дальше, и дошла до почти 93 лет.

Вечер 28 июля 1987,
Кясму

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы сердечно благодарим Анастасию Ивановну за предоставленную рукопись и от имени многочисленных читателей ее таланта желаем ей доброго здоровья. В ближайшее время мы постараемся познакомить читателей с творчеством П. С. Романова.

Всеволод КУЗНЕЦОВ

ДА ПОМОЖЕТ ГОСПОДЬ БОГ РОССИИ!

Да, Он отрекся от престола.—
Его заставили это сделать.
Но Он не отрекся от Отечества.
Он не отрекся от Веры.
Мы отреклись от Него и от Бога.—
Нас заставили это сделать.
Но мы не отреклись от Отечества.
Значит, Он — с нами.
А с Ним — Бог.
Так повторим же и мы вслед за Ним:
«ДА ПОМОЖЕТ ГОСПОДЬ БОГ
РОССИИ!»

Святой Образ Новомучеников Российских, за Христа смерть принявших.
Икона Русской зарубежной Церкви XX века.

УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

ГАЛЕРЕЯ УБИЙЦ

Хотя Юровский соединял в себе ненависть к России с призыванием палача, он был только первым (но далеко не самым главным) в галерее убийц царской семьи. А она в 1918 году протянулась от Екатеринбурга до Москвы. В нее входят:

Юровский Янкель Хаимович, 40 лет, мещанин г. Каинска Томской губернии, из семьи сосланного за кражу в Сибирь, дед — раввин. Образование — полтора года школы. В юности искал богатства и, по словам брата Лейбы, был богат. По характеру вкрадчивый, жестокий человек¹. В 1905 году участвовал в боевых отрядах, познакомился со Свердловым. После разгрома восстания бежал в Берлин и там, изменив вере отцов, перешел в лютеранство, вероятно, из-за каких-то выгод. Родственники его не любили. Родной брат Лейба говорил: «Он любит угнетать людей», а жена Лейбы — Это Лея добавляла: «Яков — деспот и эксплуататор». Историк Мельгунов характеризует его «самым отпетым преступником», а Сидней Гиббс — «хладнокровным палачом»².

В 1912 году Юровский открывает собственную фотографию в Екатеринбурге. Делает фотоснимки многих богатых жителей города, представителей администрации, духовенства. Позднее эти фотографии, как и адреса клиентов, становятся основой картотеки ЧК. По ней ЧК совершает свои налеты на квартиры граждан города. Свердлов доверяет Юровскому, останавливается у него на квартире. Листаем личное дело Юровского в свердловском архиве³. После убийства царя Юровский назначается заведующим московской районной ЧК и членом коллегии МЧК, а с 1919 года

работает председателем Екатеринбургской губернской ЧК, знаменуя свое назначение десятками новых расстрелов. Ленин считает Юровского «надежнейшим коммунистом»⁴. В Екатеринбурге ему с семьей выделяется шикарный особняк в трехстах метрах от Ипатьевского дома (сейчас Музей комсомола). С ним живет жена — руководитель партийной организации города, и дочь — руководитель комсомольской организации, особенно прославившаяся акциями по разрушению православных храмов, ее именем позднее назовут улицу. В дальнейшем партия «кидает» его на разные не очень высокие, но «хлебные» посты в Москве: в Гохран — зав. управлением, в Резинотрест — нач. отдела, на завод «Красный Богатырь» — зам. директора, секретарем партячейки Русаковского трамвайного парка и, наконец, директором Политехнического музея (это с образованием-то в полтора года школы!)⁵. В 1938 году Юровский умирает от рака, не попав таким образом в костедробильный механизм своих соратников. В 40-м году его бумаги и исторические пистолеты изымаются из Музея Революции, куда он их ранее передал на хранение.

Шая Исаакович Голощекин, 42 лет, мещанин из Невеля Витебской губернии, закончил зубоврачебную школу, никогда не работал, в партии с 1903 года, личный друг Свердлова, шесть лет провел в ссылке. Историк революционного движения В. Бурцев, знавший Голощекина лично, характеризовал его так: «Палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации»⁶. С 1918 года секретарь ЦК партии (т. е. первое партийное лицо) по Уралу и Сибири. Многие годы член коллегии ЧК — ГПУ, член ЦК партии. С 1924 года Голощекин работает первым

¹ «Свердловский кооператор», 1990, январь, с. 4.

² Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. Джорданвиль, 1981, с. 62.

³ Свердловский партийный архив, ф. 221, о. 2, д. 497.

⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 52, письмо 377.

⁵ Свердловский партийный архив, ф. 221, о. 2, д. 497.

⁶ Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. Джорданвиль, 1981, с. 62.

секретарем Компартии Казахстана. Приехав в Казахстан, он провозгласил там «гражданскую войну» и «маленький Октябрь», в результате чего люди умирали целыми семьями, «а трупы штабелями складывали и снегом до весны присыпали, потому как не было у людей сил долбить мерзлую землю».

«Степняки называли его: Ку Жак. В переводе это: Голые Щеки. Голое рыло...»⁷.

С 1933 года Голые Щеки — главный арбитр СНК СССР, «творит большевистскую справедливость» во всесоюзном масштабе до тех пор, пока не был убит без суда во дворе Орловской тюрьмы 11 сентября 1941 года⁸.

Войков (Вайнер) Пинхус Лазаревич, 30 лет, мещанин города Керчи*, член партии с 1903 года, участник боевой организации, в 1907 году бежал из России, учился в Женевском университете, по профессии химик. Впервые применил свои знания при уничтожении трупов царской семьи. В 1917 году прибывает в Россию вместе с Лениным в «пломбированном вагоне», в июле 1918 года — комиссар продовольствия Уралсовета. При подготовке убийства отвечал за «хозяйственные вопросы». После убийства снял с одного трупа перстень с большим рубином и носил его (похваляясь). Убит в 1927 году в Варшаве.

Другой пассажир «пломбированного вагона», Сафаров Георгий Иванович, наряду с Голощекиным был партийным куратором убийства царской семьи. Последние две недели только им разрешалось посещать этот дом. Двадцатисемилетний Сафаров (Вольдин) был близок к Троцкому и во многом подражал ему. Поддержка Троцкого позволила ему стать одним из руководителей Коминтерна и позднее вожаком советского комсомола. Но как член «объединенной троцкистской оппозиции» в 1927 году Сафаров был смещен со всех постов, посажен и, хлебнув всех прелестей нового правопорядка, уничтожен в 1941 году⁹.

Его друг и соратник по екатеринбургскому злодеянию Сосновский Лев Семе-

нович, 32-летний партийный публицист, сторонник Троцкого, прославился сборниками своих статей, наполненных ненавистью к России, глумлением над русской историей (например, книга «Рассея»). В 1927 году разделил участь Сафарова (хотя и называл его мелким жуликом). В 1937 году уничтожен. («Минувшее», № 7, с. 285).

Белобородов Александр Григорьевич*, 27 лет, образование начальное, в 1905—1907 годах мальчик на посылках у боевиков и «лесных братьев». В 1908 году арестован и судим за помощь боевикам. После разгона Учредительного собрания становится председателем Уралсовета. Пойман за руку на краже крупной суммы денег. Однако дело оставлено без последствий, и он даже сохраняет свой пост¹⁰. Позднее становится членом ЦК партии. Организует трудовые армии. С 1923 года — народный комиссар НКВД, активный строитель «нового правопорядка». В 1927 году вместе с коллегами по Екатеринбургскому Сафаровым и Сосновским «слетает» со всех постов. В 1938 году уничтожен соратниками по духу.

Весьма характерно, что, когда организаторы убийства царской семьи в звериной борьбе за власть сами попали в созданный ими зловещий механизм убийств и насилия, как подло и низко они себя вели!

Все эти сафаровы, сосновские, зиновьевы, белобородовы, голощекины, как и их соратники бухарины, каменевы, розенгольцы и прочие представители ленинской гвардии, залившие Россию морем крови, — как охотно они давали показания, чтобы спасти свою жизнь, соглашались подписать любую нелепость, любой вздор, лишь бы только выжить.

Партийный куратор убийства царской семьи Сафаров, чтобы спасти себя, заложил всех, кого ему подсказали заложить, и причастных, и не причастных к событиям.

Он сообщил суду, далее цитируем, «многочисленные факты о подпольной контрреволюционной деятельности «московского центра» (сфабрикованная чекистами подпольная организация. —

⁷ Михайлов В. Хроника Великого Джута. Алма-Ата, 1990.

⁸ «Вопросы истории», 1990, № 9, с. 81.

* Отец Войкова был фельдшером на Надеждинском заводе, где начинал свою карьеру боевика Белобородов.

⁹ «Минувшее». Исторический альманах. Париж, 1989, № 7.

¹⁰ Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. Джорданвиль, 1981, с. 61—62.

* Существует версия, что настоящая фамилия Белобородова — Вайсброт. Однако исследования в архивах ее не подтверждают. Белобородов — обыкновенный деклассированный элемент с уголовным прошлым.

О. П.) и, в частности, Зиновьева...». Он же подтвердил «многочисленные попытки «московского центра» организовать в разное время контрреволюционный блок с различными антисоветскими группами, в целях развернутой борьбы против Советской власти».

Хоть бы один из них показал стойкость, хоть бы один покончил жизнь самоубийством! Всеми ими владело лишь желание — выжить любой ценой. Тот же Сафаров пишет под диктовку, например, такие слова: «Все (наши) мысли и идеи сводились к идеологическому оформлению буржуазно-реставраторской реакции против социализма... Политически антипартийное подполье слило в одну сплошную реакционную массу все контрреволюционные, антипартийные группировки. Мы стали конденсаторами контрреволюционной злобы и ненависти остатков эксплуататорских классов...»¹¹ Как эта демагогическая фразеология похожа на ту, которую он использовал в своей статье «Николай Кровавый» в июле 1918 года.

Теперь о Сыромолотове Федоре Федоровиче. Этот боевик и руководитель боевой организации был одной из ключевых фигур, вершивших темные дела в Екатеринбурге 1918 года. Родился он в 1877 году. Отец сильно пил. Сыромолотову с детства пришлось заниматься мелкой торговлей, непродолжительное время был рабочим, а затем работал на средне-технических должностях (закончил горное училище).

Близкий соратник Свердлова, в 1905—1907 годах — начальник сводной дружины, куда входили большевики, эсеры и анархисты. Активно участвует в грабежах и убийствах. Часто живет на нелегальном положении, прерываемом кратковременными отсидками. Постоянно связан со Свердловым. В 1910 году подготавливает бегство Свердлова из тюрьмы. В 1912 году живет с женой Троцкой Х. А. в Екатеринбурге. Однако вскоре ее (как еврейку) выселяют вместе с ребенком по месту жительства родителей в Петербург. Сыромолотов едет вслед за ней.

В 1917 году Сыромолотов возвращается в Екатеринбург, где становится одним из главных партийных боссов Урала, а позднее уже, в 1918 году, — комиссаром

финансов. В советское время занимал крупные хозяйственные посты.

Наконец, самый молодой организатор убийства — Лукоянов Федор Николаевич, 24-летний председатель Уралчека, из семьи чиновников, с юридическим образованием, любивший выступать в печати под именем Маратов. Фигура очень любопытная. С фотографии 1917 года (из фондов Пермского музея) на нас глядит совсем мальчишечка с круглыми щечками, а через два года у него уже почти непохожее лицо с жесткими чертами. В 1917 году Лукоянов — редактор газеты «Пролетарское знамя», а в 1918-м, как он сам пишет в автобиографии, «создал на Урале ряд чрезвычайных комиссий и работал... сначала председателем Пермской Губчека (до июля 1918 года, а затем председателем Уральской областной чека (Екатеринбург). Был членом комиссии, судившей и руководившей расстрелом семьи Романовых»¹². Какие же «молодецкие» подвиги мог совершить Лукоянов, если в такой среде матерых пермских головорезов, как Иванченко, Жужгов, Марков, Колпашиков, Малков и Дрокин (о которых мы уже рассказывали), он сумел стать главарем?!

Во всяком случае, в бюллетене № 1 Пермского окружного чрезвычайного комитета, который он возглавлял (а бюллетень выпускала его жена К. А. Будрина), говорилось:

«Пермский Окружной Чрезвычайный комитет предупреждает всех, кто будет вести агитацию против советской власти и распространять ложные нелепые слухи, что они будут преследоваться Чрезвычайным комитетом путем самых суровых мер и, в случае поимки на месте преступления, будут беспощадно расстреливаться»¹³.

В 20-е годы Лукоянов занимает множество разных постов в печати, подобно Юровскому, постоянно «перекидывается» с одного места на другое. Сын своего времени, по зову сердца пишет доносы на своих партийных товарищей, о чем особо указывает в автобиографии. «...Имел ряд конфликтов с Бухариным и его ставленниками Цыпиным и Лямом. Подал 2 заявления на Бухарина в ЦК ВКП(б)...»¹⁴

¹² Пермский партийный архив, ф. 90, о. 2, д., л. 23.

¹³ Государственный архив Пермской области, ф. 301, о. 1, д. 11, л. 84.

¹¹ Обвинительные материалы по делу подпольной контрреволюционной группы зиновьевцев. М., 1935, с. 35, 42.

В галерее убийц царской семьи видное место занимают члены оперативного руководства акцией Чуцкаев Сергей Егорович (1876—1946) — боевик и соратник Свердлова, попавший в ГУЛАГ с должности председателя Комитета по устройству трудящихся евреев, Дидковский Борис Владимирович (1883—1938) — соратник Войкова, вместе учились в Женеве, уничтожен единомышленниками, Ефремов Михаил Иванович — старый боевик, один из первых руководителей УралЧК, Быков Павел Михайлович (1888—1953) — «летописец» злодеяния, председатель Екатеринбургской ЧК, Герцман Михаил Аронович (1888—1938) — хранитель оружия боевой дружины в 1905-м, один из партбоссов Екатеринбурга, уничтожен соратниками, и, наконец, Мячин (он же Яковлев, он же Стоянович) Константин Алексеевич (1886—1938) — уполномоченный ВЦИК по перевозке царской семьи из Тобольска, готов был лично уничтожить царя.

В галерее убийц Константин Алексеевич Яковлев занимает особое место. О нем можно было бы написать не одну книгу — авантюрист и искатель приключений по призванию, он бурно прожил жизнь, закономерно закончив ее от пули. Мы уже рассказывали, какие кровавые «подвиги» он совершал, будучи одним из руководителей уральских банд — групп боевиков. В 1908 году ездил в Швейцарию на совещание боевиков. В 1909 году, после очередного грабежа, скрывался на Капри (в Италии) у Горького. В 1917 году он один из организаторов Всероссийской ЧК, член ее коллегии и даже был избран первым заместителем председателя ЧК. В начале 1918 года — один из руководителей акции по разгону Учредительного собрания, а также ответственный (по поручению Ленина) за выключение всей телефонной сети Москвы в день разгона Учредительного собрания (обо всем этом он геройски сообщает в своих автобиографических записках)¹⁴. Вот такому-то надежному человеку в определенный момент хотели поручить ликвидацию царя, и он был готов это выполнить.

В своих воспоминаниях Яковлев рассказывает, как однажды его вызвал Свердлов и как старому боевику задал

шутливый вопрос: «Много, мол, народу перестрелял?» Таковы были у них шутки, и, когда они вволю посмеялись, Свердлов сказал, что хочет поручить ему задание государственной важности. И, уловив в глазах Яковлева нетерпеливый блеск авантюриста, почувствовав его азарт, сказал: «Ты заветы уральских боевиков не забыл еще? Говорить должно не то, что можно, а то, что нужно...»

В общем, Свердлов поручает Яковлеву перевезти царя из Тобольска по маршруту, который будет сообщен дополнительно.

«Чтобы окончательно убедиться в правильности понятых мной инструкций, — пишет Яковлев, — я переспросил (Свердлова): «Груз» должен быть доставлен живым?» (т. е. Яковлев спрашивал: не следует ли царя убить по дороге? — О. П.). Тов. Свердлов взял мою руку, крепко пожал ее и резко отчеканил: «Живым. Надеюсь, выполнишь инструкции в точности. Все нужные телеграммы отправлены. Действуй конспиративно» («Урал», 1988, № 7, с. 151).

И вот начинается какая-то странная игра, разработанная, по-видимому, Свердловым. Поезд, в котором едут царь с царицей и с одной из дочерей, по распоряжению Свердлова следует сначала в Тюмень, затем в Омск, а потом направляется в Екатеринбург. Тайный маршрут царского поезда почему-то становится известен уральским большевикам. Проносится слух, что царь бежал. Объявляется всеобщая тревога. До сих пор в этой истории много неясного, но скорее всего в этой суматохе царя и царицу собирались просто убить как бы при попытке к бегству или устроить исчезновение, подобное «побегу» Михаила Романова. Какие-то вооруженные люди несколько раз намеревались напасть на поезд. Видимо, что-то им помешало?

Можно только догадываться, что собирався сделать с царской семьей Свердлов, о чем он не мог сообщить в телеграмме, которую направил к Бедобородову и Голощекину (хранится в ЦГАОР). В ней говорилось: «Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мной приказа. Сообщу подробности специальным курьером (выделено мною. — О. П.). Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным от меня сегодня в 4 утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Урал», 1988, № 7, с. 151.

доверие. Еще раз никакого вмешательства. Свердлов»¹⁶.

В середине мая 1918 года Яковлев едет в Москву с отчетом, где его назначают командармом Урало-Оренбургского фронта (без протекции Свердлова и Троцкого получить такой пост было нельзя), а затем командирится в Уфу на формирование второй армии.

Арестовывается белыми и таинственным образом спасается от смерти, недоброжелательные соратники утверждают, что ценой предательства. Бежит в Китай, где выполняет поручение НКВД. По возвращении в Москву в 1928 году был арестован. Тут-то и начинается его тяжба с соратниками за лавры в «мокром» деле убийства царской семьи.

В письме «Моим старым товарищам боевикам» Яковлев жалуется на «циническую обстановку», которая создана вокруг его имени некоторыми организаторами убийства Романовых, в частности, Авдеевым и Быковым. «Мое неожиданное возвращение, — пишет он, — для этих игравших в моем деле «героев общественного мнения», не в меру расхваставшихся, как спасали они революцию во время перевозки Романовых. Ошеломленные «герои» забегали, заматались... (ведь)... придется расстаться с наградой и доходами и сесть за клевету на скамью подсудимых»*. А суть дела была в том, что Быков и Авдеев, чтобы поднять себе цену в деле убийства царя, объявили, что Яковлев пытался его спасти и только их вмешательство помешало ему осуществить это намерение. Но наверху, видимо, знали характер игры, которую вели Свердлов и Яковлев, и оставили навет без последствий. Правда, Яковлева все-таки посадили, но уже по другой статье. С 1929 по 1933 год он провел на Соловках, был строителем Беломорканала. В 1933 году досрочно освобожден со снятием судимости и снова зачислен в родные органы НКВД, где занимал руководящие должности по линии тюрем и лагерей. Сначала он становится начальником Осиновской группы 2-го отделения Сиблага ОГПУ, с 1936 года получает назначение в г. Томск на должность начальника Томского распределительного пункта НКВД, а затем начальника Анжерской КМР¹⁷. В 1938 году уничтожен соратниками по духу.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 130, о. 29, д. 1109, л. 22—25.

* Свердловский партийный архив, ф. 221, о. 2, д. 964, л. 1—24.

Теперь непосредственные исполнители. Самой злобейшей, конечно, после Юровского, фигурой является тридцатичетырехлетний Ермаков Петр Захарович, своего рода прототип Федьки-каторжника из «Бесов» Достоевского. Уже когда смотришь на его фотографию в детском возрасте, возникает мысль о волчонке, готовом укунить руки родителей, стоящих вокруг своего «меньшенького». Второе фото — он в темной косоворотке, наглухо застегнутой, лежит где-то на траве, длинные волосы, как у Махно, взгляд дикий и неприятный. В 23 года (в 1907 году) у него в наличии три пистолета, он уже убил, по крайней мере, одного человека — отрезал ему голову. Его арестовывают по подозрению в убийстве, но вину берет на себя другой боевик, которого по суду присуждают к виселице. А Ермаков снова на свободе, участвует в нападениях на транспорт с деньгами, занимается рэкетом. Всюду за ним тянется кровавый след. В 1910 году его ссылают в Вельск. В 1917 году он сколачивает отряд-шайку для изъятия земель и имущества крупных землевладельцев, проводит первые безнаказанные расстрелы «контры». Ермакова с его отрядом направляют на подавление крестьянских восстаний, где снова расстрелы, расстрелы... Главарей он убивает лично, о чем говорит в воспоминаниях. В июне 1918 года он со своим отрядом подавляет восстание на Верх-Исетском и Невьянском заводах. «Были пойманы главари Аранс и учитель Пелеков и ряд других главарей. Последние мной были уничтожены»¹⁸. К моменту убийства царской семьи руки Ермакова были обгажены кровью многочисленных жертв. Неудивительно, что именно ему поручили уничтожение тел.

На фотографии 1918 года у Ермакова бравый вид: гимнастерка с ремнями крест-накрест, галифе, офицерские сапоги, на боку маузер в деревянной кобуре. Снимок сделан в солидной фотомастерской (может быть, делал сам Юровский), на фоне декорации экзотических растений и камней. Взгляд дикий, разбойничий и по-прежнему вызывающий.

В 20-е годы Ермаков служит милицейским начальником в разных городах, а с 1927 года становится одним из руко-

¹⁷ Свердловский партийный архив, ф. 221, о. 2, д. 964, л. 1—24.

¹⁸ Свердловский партийный архив, ф. 221, о. 2, д. 774, л. 12.

водителей мест заключения Уральской области — закономерная карьера легендарного боевика-террориста. Рассказывают, что в начале тридцатых годов он лично казнил наиболее важных лиц, приговоренных к расстрелу. Тогда было арестовано более двух тысяч руководителей области, из них примерно треть — расстреляна. Как не помочь соратникам в любимом деле!

В 20—30-е годы Ермаков охотно встречается с коллективами трудящихся, рассказывает о подробностях расстрела царской семьи и о своей особенной роли в нем. Те, кто знал его, отмечают у Ермакова страсть к алкоголю. Выпив, он становился особенно болтлив. «Я лично расстрелял царя, царицу и наследника, — кричал он. — Я впервые на Урале устроил крематорий», — часто повторял Ермаков¹⁹. Говоря о крематории, он имел в виду сжигание тел представителей царской семьи. На его фотографии конца 30-х годов мы видим типичного чекист-начальника тех лет, располневшего, в гимнастерке с ремнем, в сапогах, из гимнастерки торчит приличное брюшко. Вид самоуверенный, взгляд, как и в юности, неприятный и даже отталкивающий.

Был он, если судить по воспоминаниям, очень тщеславный, падкий на славу и похвалу. Любил, чтобы его отличали и награждали. Но вот что меня удивило: за такие «большие заслуги» он не был награжден орденами и медалями. Я просмотрел его личное дело — правительственных наград у него нет. Вот только в воспоминаниях Ермаков пишет, что в 1930 году рабочие верхнеисетского завода, профбюро и партбюро милиции преподнесли ему, как стойкому ленинцу, браунинг, а в 1931 году присвоили звание почетного ударника и наградили грамотой пятилетки в три года²⁰.

К концу 30-х годов распоряжением «свыше» ему запретили выступать с рассказами о своих «подвигах». Родственники вспоминают, что где-то перед самой войной постучались люди Берии, взяли Ермакова под руки, посадили на самолет, привезли в столицу, разместили в гостинице «Москва». Не разрешали выходить, и три дня он писал воспоминания о расстреле царской семьи. Вернулся из

Москвы радостным, так как не чаял остаться живым. Нравы своих соратников знал. Но язык с тех пор прикусил. Хотя, по свидетельству очевидцев, во время войны, бывало, выступал с рассказами в некоторых военных частях²¹. Умер Ермаков в 1951 году, похоронен с почестями возле памятника героям гражданской войны, именем его названа одна из улиц Свердловска.

Ермаков имел большой отряд, состоявший преимущественно из деклассированных уголовных элементов. Ближайшими сподвижниками Ермакова были: беглый кронштадтский матрос Степан Ваганов, Александр Болотов, Василий Леватных, Александр Костоусов, Алексей Грудин, Александр Рыбников.

Ваганова впоследствии растерзали родственники и близкие тех людей, которых он зверски убивал и грабил. Такая же участь, конечно, ждала и главаря шайки Ермакова, но он вовремя исчез из тех краев.

Зашел я в дом старых большевиков, где с 30-х годов жил этот пламенный революционер. Когда-то здесь было спецраспределение и спецобслуживание. Но всему приходит конец. Дом, построенный в духе конструктивизма, сильно обветшал, квартиры требуют ремонта. В его квартире живут другие люди, его не знают. Не помнят его и в квартирах рядом. С час хожу по двору, спрашиваю стариков. Нет, никто не помнит...

О Никулине * (р. 1894 г.) — подручном Юровского — узнать удалось мало. Известно, что посылала его ЧК на заседание (в качестве сексота) в Академию генерального штаба, которая в 1918 году находилась в эвакуации в Екатеринбурге. Никулин исправно сообщал в ЧК обо всех делах. Добросовестно участвовал в акциях по расстрелам. Этим, видимо, и заслужил благоволение Юровского. «Подружились» они крепко; умирая, Юровский сделал Никулина своим доверенным лицом²². В архиве я видел

¹⁹ Сообщение Антропова А. И.

²⁰ Свердловский партийный архив, ф. 221, о. 2, д. 774, л. 1—12.

²¹ В 1941 году в Свердловск приезжает жена пламенного революционера Свердлова — Новгородцева и встречается с Ермаковым. На фото этого времени изображены два старых большевика после вечера воспоминаний своих исторических заслуг (Свердловский партийный архив, ф. 221, о. 3, д. 445).

* Никулин даже имел кличку «Пулеметчик» за участие в массовых расстрелах.

²² Резник Я. Чекист. Свердловск, 1972.

фотографию — оба с женами на берегу моря на курорте, — дружили семьями. В 20-е годы Никулин работал начальником Московского уголовного розыска, а позднее — в коммунальном хозяйстве столицы. После войны избирался депутатом местного Совета. В 60-е годы записал на магнитофонную пленку воспоминания. Умер как почтенный человек.

Активными организаторами и участниками убийства были чекисты Сахаров, Горин, Радзинский, Павлушин, начальник милиции Екатеринбурга Петров Алексей Николаевич (1886—1962). О последнем родственники говорили, что он сам рассказывал о своем участии в убийстве царской семьи. Со слов родственников, «жестокий был. В Вятке попов в проруби топил ночью». В архивном деле фотография «коллектива» екатеринбургской милиции того времени. Подвыпившие, с бандитско-дегенеративными выражениями лиц милиционеры наслаждаются своей властью над городом. Один из них вытащил пистолет и наставляет его на фотографа. Рядом с начальником Петровым в обнимку женщина в шикар-ной шубе с чужого плеча (может быть, даже получила при дележке царского имущества). Петров состоял в ВКП(б) с 1905 по 1924 год. Выбыл по собственному желанию²³.

Теперь иностранные наемные убийцы. Их в галерее семеро:

Андреас Вергази
Ласло Горват
Виктор Гринфельд
Имре Надь
Эмил Фекете
Анзелм Фишер
Изидор Эдельштейн.

Иностранные наемники старательно отработывали свой паек. А после убийства первыми принялись грабить трупы.

В чекистских делах 1918 года немало документов, посвященных военнопленным, протоколы допросов, доносы. Военнопленные стараются вырваться на родину, а большевики им всячески препятствуют. Боятся пропустить их как через Сибирь, так и через Центральную Россию, вдруг они выступят на стороне белых. Среди военнопленных немало доносчиков, которые за плату регулярно сообщают в ЧК о том, что думают и делают их товарищи по плену. Особенно усердствует некто Иоганн Тийк. По его

доносу ЧК арестовывает целый ряд военнопленных²⁴.

По-видимому, из таких же типов была сколочена и эта семерка*.

Кроме основных участников убийства, существовало еще несколько десятков подручных из караульной команды, возглавляемой Павлом Спиридоновичем Медведевым²⁵.

Стрекотин Андрей Андреевич (1891—1918)
Летемин Михаил Иванович (ум. 1918)
Попов Николай Иванович (р. 1894?)
Талапов Иван Семенович (1900—1920)
Старков Иван Андреевич (ум. 1918)
Зайцев (ум. 1918—1919)
Чуркин Алексей Иванович (1897—1919?)
Садчиков Николай Степанович (р. 1897)
Добрынин Константин Степанович (1896—1920)
Орлов Александр (1899—1932)
Проскуряков Филипп (р. 1900)
Подкорытов Николай (р. 1899)
Черепанов
Старков Андрей Семенович (инвалид)
Сабуров Александр Федорович (р. 1901)
Турыгин Семен Михайлович (р. 1899)
Сафронов Вениамин Яковлевич
Котегов Иван Павлович
Емельянов Федор (р. 1898)
Стрекотин Александр Андреевич (р. 1897)
Якимов Анатолий
Нетребин Виктор Никифорович (р. 1900)
Клещеев Иван Николаевич (р. 1897).

Расскажем немного о последнем. Иван Николаевич Клещеев (из охраны Дома особого назначения) родился в 1897 году, учился плохо, был исключен из училища, с детства воровал, перед февральской революцией ушел из дома под предлогом поиска работы, жил среди босяков, приворовывал. В конце 1917 года он уже числился в красногвардейцах по отобра-нию и реквизиции имущества у частных владельцев. В феврале 1918 года со

²⁴ Государственный архив Пермской области, ф. Р-301, о. 1, д. 11, л. 50—59.

* Большой вопрос о дальнейшей судьбе этих наемных убийц. Куда они делись, почему никто из них не оставил воспоминаний? Не исключено, что их тов. чекисты тогда сами «шлепнули», по крайней мере пятерых. В окрестностях Ганиной Ямы были обнаружены трупы пяти мужчин, носивших австрийскую военную форму.

²⁵ Свердловский партийный архив, ф. 221, о. 2, д. 849, л. 18. Соколов Н. Убийство царской семьи. Берлин, 1925.

²³ Пермский партийный архив, ф. 90, о. 2, д. П-2.

своими товарищами ночью врывается в дом к своему бывшему хозяину фабрики и, размахивая револьвером, требует денег и имущества. С апреля 1918 года Клещев служит охранником Дома особого назначения, приезжая на побывку домой, привозит разные ценные мелкие вещи, украденные у царской семьи. Напившись, ходил по заводу и бахвалился среди рабочих фабрики, что женится на одной из дочерей Николая II и что, если она не пойдет за него добровольно, то он силой возьмет ее. После убийства царской семьи Клещев служил в охране интендантских складов, украл сукно и при попытке его продать попался. Его судили и послали на 6 месяцев на принудительные работы²⁶.

Большая часть охранников были выходцы из города Сысерти. Я долго задавал себе вопрос: почему именно из Сысерти вышло столько подручных для этого «мокрого дела»?

Какое-то значение, наверное, имел тот факт, что будущая жена Свердлова Новгородцева (р. 1876 г.) работала учительницей в народном училище. Она имела здесь учеников, которые потом были на партийной и государственной работе (правда, они плохо кончили; так, Гребнев Л. А. выбросился в 1936 году из окна 4-го этажа, а Старков А. Ч. в этом же году был посажен). По некоторым данным, бывал здесь и сам Я. Свердлов, для его боевиков в Сысерти делали оболочки для бомб²⁷.

В ноябре 1917 года отряд из сысертцев, не желавших работать, участвовал в подавлении крестьянского восстания в с. Багаряк, сопровождавшемся массовыми убийствами и грабежами. Добровольные каратели привезли из этого похода немало сельхозпродуктов, чем похвалялись.

Я приехал в этот город, бродил по нему, разговаривал с жителями, работал в фондах музея. Рабочие до 1917 года жили здесь зажиточно, лучше, чем сейчас. Зарабатывали хорошо, имели справные хозяйства. Каждый рабочий двор все равно что крепость. Высокие ворота, открываешь — замкнутое пространство, двор, замощенный большими гранитными плитами. Все в одном дворе — и дом, и склад, и погреб, и баня, и конюшня,

и хлев. Задняя калитка ведет на огород. В общем, мой дом — моя крепость. В Центральной России такого не было. Задаю вопрос: почему все-таки сысертцы были в подручных у царских убийц? Мнутсы старики, молчат. Некоторым вопрос не по душе, отвечать не хотят, некоторым, вижу, совестно. «Деньги у нас здесь здорово рабочие любили, да и в церковь редко ходили. Когда революция началась, управляющего заводом Макроносова в Екатеринбург увезли и там расстреляли. А главное даже не в этом, — сказал мне один старичок, — я так понимаю, что их кровью повязали. Я-то запомнил то время, когда добровольцев скликали казнить царя, всякие блага обещали, 400 рублей в месяц, паек хороший. Но вначале никто не шел. И тогда партийные другой разговор повели. Вспомнили нашим мужикам из отряда, особенно кто поактивнее был, как они ходили крестьян подавлять, которые были с Советской властью не согласны, много человек поубивали. Вот, говорили они, если вернется старая власть, придется и нам и вам всем отвечать за эти дела, спросят, кто убивал?»

Кровью повязали — не здесь ли ответ на многие вопросы?! И чтобы понять трагедию царской семьи, надо еще раз перечитать «Бесов» Достоевского. Горстка нигилистов без корней и без морали сеет смуту в глухом провинциальном городе России. Верховенские и Шигалевы (Свердловы и Голощекины) с помощью деклассированных, уголовных элементов типа Федьки Каторжника (Петра Ермакова или Маркова) создают систему террора и насилия. Придуманная Шигалевым новая система организации мира и есть практика большевизма. Политическим «новаторством» большевизма (то, что отличало его от других политических движений) было смелое вовлечение в сферу политики деклассированных и бандитских элементов, активное использование уголовных и аморальных методов борьбы. Кровью Шатова нигилисты хотели скрепить круговой порукой кучку своих сообщников. А ведь и скрепили ряды своих боевиков, еще в 1905—1907 годы, скрепили и кровью убитых повязали, попробуй выйти из организации, ведь ты тоже участвовал в убийствах! Убив царя и царскую семью, большевики теперь уже намертво скрепили кровью свою организацию.

Отражая мнение верхушки большевиков, Лев Троцкий писал в своем «Днев-

²⁶ Д и т е р и х с М. К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922.

²⁷ Данные краеведческого музея в Сысерти.

нике»: «...Казнь царской семьи была нужна не просто для того, чтобы напугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель»²⁸ (выделено мною.— О. П.).

Решение об убийстве царской семьи было принято наверху, и Троцкий откровенно признается в этом. «Белая печать,— пишет он,— когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья... Постановление вынесено было в Москве (здесь и далее выделено мною.— О. П.). В один из коротких наездов в Москву я мимоходом заметил в Политбюро, что ввиду плохого положения на Урале следовало бы ускорить процесс царя. Я предлагал открытый судебный процесс. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если б было осуществимо. Но... времени может не хватить. Прений никаких не вышло. Ленин в тот период был настроен довольно сумрачно, но очень верил тому, что удастся построить армию... Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом: «Да, а где царь?» — «Кончено,— ответил он,— расстрелян». — «А семья где?» — «И семья с ним». — «Все?» — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления. «Все! — ответил Свердлов. — А что?» Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил. «А кто решал?» — спросил я. «Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам их живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях». Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем...»²⁹.

Итак, галерея убийц царской семьи, начавшаяся в Екатеринбурге, неизбежно выводила к Москве. Деятельность этих лиц не может расцениваться в категориях политики, а только по статьям уголовного кодекса. Даже если бы больше они не совершили ни одного преступления (а их была тьма), убийства царской семьи им достаточно для пол-

ного бесчестья, для отторжения их от цивилизованного мира, для предания их уголовному суду.

Убийство царской семьи было закономерным актом существования большевистской антирусской, антинародной системы. Она не могла развиваться, не убивая своих политических оппонентов и соперников, главными из которых были тогда члены царской семьи. Приняв в свои арсеналы уголовные мафиозные методы борьбы (убийства, запугивание, шантаж и т. п.), большевизм еще в 1905—1907 годах кончился как идейное течение и превратился в уголовную мафию под тонкой идейной оболочкой, орудие разрушения Русского государства. Среди большевистских лидеров не найдется ни одного, который бы не был замешан в самых кровавых и злодейских преступлениях. Их роль в убийстве царской семьи — яркий пример этому. ГУЛАГ был закономерным развитием большевизма, так же как и взаимное уничтожение соратников по борьбе. «Мораль есть функция социальных интересов, следовательно, функция политики», — любил повторять Троцкий. А значит — политическая цель оправдывает любые самые кровавые и жестокие средства, что и осуществлялось в жизни, пока режим, слава Богу, не обескровил сам себя.

ОГРАБЛЕНИЕ

Сразу же после убийства царской семьи (трупы еще лежали теплые) начался грабеж. «При выносе трупов,— отмечает Стрекотин,— некоторые из наших товарищей по команде стали снимать находящиеся при трупах разные вещи, как-то: часы, кольца, браслеты, портсигары и другие вещи... Юровский... предложил нам добровольно сдать... вещи. Кто сдал полностью, кто часть, а кто и совсем ничего не отдал»¹. То же самое пишет Юровский: «Тут начались кражи: пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны...»² Ценности Юровский приказал передавать ему.

С рассветом команда начала рыться в вещах убитых. Кто-то глумился, зачиты-

²⁸ «Родина», 1989, № 5, с. 89.

²⁹ «Московские новости», 1990, 22 июля.

¹ Свердловский партийный архив, ф. 41, о. 1, д. 149, л. 164.

² Там же, ф. 221, о. 2, д. 497, л. 9.

вая фразы из царского дневника, кто-то копался в женском белье, давая похабные комментарии, кто-то со смехом демонстрировал интимные принадлежности жертв. Приказ дан искать ценности. «Один из товарищей,— пишет Нетребин В. Н., восемнадцати лет,— просматривал нательное белье, предназначавшееся для стирки и принадлежащее бывшим княжнам, со смехом тряс такое. В белье он нашел пояс из черного бархата. Этот пояс был обшит пуговицами, тоже из черного бархата, но имеющий в середине что-то твердое, наподобие дерева. Пояс очень похожий на кучерский. «Что это, Николай в кучера готовился, что ли, ребята?» — сказал товарищ, нашедший пояс, и решил его подвергнуть той же участи, что и иконы. (Иконы они свалили в одну кучу со всяким хламом, предварительно разбив об пол.— О. П.). «Кидай вон, на Николу Святителя» — предложил кто-то из ребят, указывая на вблизи валявшуюся икону Николая Святителя большого размера. Пусть, мол, он подпоясывается, продолжал смеяться тот же товарищ. Пояс полетел. Через некоторое время товарищ, кинувший пояс, снова поднял его и разорвал на одной из пуговиц бархат. Вместо мнимого дерева оттуда блистал бриллиант. Мы все стояли как вкопанные, пораженные неожиданным раскрытием этих дьявольских хитростей»³.

Перетряхивая все вещи в доме, охрана обнаружила множество золота и драгоценностей. Долго рылись в десятках сундуков царской семьи, лежащих в кладовой. «У каждого члена семьи была отдельная связка ключей и свой порядковый номер на таковых. Полный таз подходящей величины был наложен ключами. В сундуках мы не встретили ценностей. Тут была «всячина», начиная с многочисленных портретов Распутина и кончая полным сундуком разных... (интимных принадлежностей)»⁴.

После такого погрома и перетряски вещей «комната была сплошь покрыта солидным слоем, самый большой процент которого составляли иконы, флаконы, пустые и заполненные многочисленными сортами духов и одеколона, карточками и портретами...»⁵

Из имущества царской семьи команде были выделены различные вещи, папиросы, сигареты и др.⁶.

Но самое главное, что они «нахапали» сами. Это не поддавалось учету. Начальник караула Медведев, из сысертских рабочих, украл, видимо, больше всех, но обнаружить удалось только небольшую часть — деньги, серебряные кольца, разные ценные безделушки. Его «боец» Летемин, тоже сысертец, украл около ста вещей, дневник царевича Алексея и собаку царевича Джой⁷.

Все столы в комнате Юровского были завалены грудями золотых и серебряных вещей. Постоянно в этой комнате вертелся Медведев.

Юровский и Медведев подавали пример во всем. На встрече со старыми большевиками в 1934 году (стенограмма хранится в Свердловском партархиве) Юровский рассказывал, как после убийства царской семьи они, чтобы развлечься, надевали военные мундиры царя и весело маршировали. «Свой» мундир Юровский отдал сторожу. Много вещей и одежды было роздано родственникам подручных убийства, что было обнаружено следственной комиссией Соколова.

По данным, полученным следователем Соколовым, предуралсовета Белобородов тоже получил свою долю. Участвовал он и в дележе вещей убитых близких придворных императора — генерала Татищева, Долгоруковой, фрейлин Гендриковой и Е. А. Шнейдер, хранившихся в помещении Волжско-Камского банка.

Шая Голощекин по дороге в Москву раздавал вещи, принадлежащие царской семье. Так, некой Голубевой, служившей казначейшей при исполнении, Голощекин подарил пуховую подушку царицы и женские ботинки на пуговицах очень хорошей мягкой кожи. Член Уралсовета Дидковский подарил своей любовнице сапожки, принадлежавшие одной из великих княжон. Один из руководителей Уралчека, Валентин Аркадьевич Сахаров, получил золотое кольцо с бирюзой, снятое с руки великой княжны Анастасии Николаевны.

После ухода большевиков в Ипатьевском доме не осталось ничего ценного, ни одной вещи из носимого белья, одежды, платьев, обуви и верхней одеж-

³ Свердловский партийный архив, ф. 41, о. 1, д. 149, л. 178.

⁴ Там же, л. 179.

⁵ Там же.

⁶ Свердловский партийный архив, ф. 41, о. 1, д. 149, л. 179.

⁷ Соколов Н. Убийство царской семьи. Берлин, 1925, с. 161—275.

ды. В Москву было вывезено, кроме золота и бриллиантов, три вагона вещей царской семьи. Эти вещи распределялись между работниками и членами семей большевистского аппарата. Бухарин в одном из недавно опубликованных писем замечает, как жены народных комиссаров жаждали владеть бриллиантами и драгоценностями, принадлежавшими царской семье.

Полное ограбление царской семьи было задумано высшим эшелоном большевистской власти еще за несколько дней до убийства. 13 июля 1918 года Совет Народных Комиссаров принимает декрет «О национализации имущества низложенного российского императора и членов бывшего императорского дома». Этот декрет, который был опубликован уже после убийства царской семьи (19 июля), гласил:

«1. Всякое имущество, принадлежащее низложенному революцией российскому императору Николаю Александровичу Романову, бывшим императрицам Александре и Марии Федоровнам Романовым и всем членам бывшего российского императорского дома, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, не исключая и вкладов в кредитных учреждениях как в России, так и за границей, объявляется достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

2. Под членами бывшего российского императорского дома подразумеваются все лица, внесенные в родовую книгу бывшего российского императорского дома: бывший наследник цесаревич, бывшие великие князья, великие княгини и великие княжны и бывшие князья, княгини и княжны императорской крови.

3. Все лица и учреждения, знающие о месте нахождения имущества, указанного в статье 1-й настоящего декрета, обязаны в двухнедельный срок со дня опубликования настоящего декрета представить соответственные сведения в Народный Комиссариат по Внутренним Делам. За умышленное несообщение указанных в настоящей статье сведений виновные подлежат ответственности, как за присвоение государственного достояния.

4. Уполномоченные Российской Социалистической Федеративной Советской Республики за границей обязаны немедленно по опубликовании настоящего декрета приложить все старания к получению сведений о месте нахождения

имущества лиц, указанных в 1-й статье декрета. Находящиеся за границей российские граждане обязаны предоставить известные им сведения о местонахождении имущества, указанных в 1-й статье декрета, соответственным уполномоченным Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

5. Указанные в статье 1-й имущества, находящиеся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, кроме денежных ценностей, поступают в ведение Народного Комиссариата по Внутренним Делам. Денежные ценности сдаются в доход казны — в Казначейства или в учреждения Народного Банка; находящиеся же за пределами Республики, в том числе и в заграничных банках, поступают в ведение соответствующих уполномоченных Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич.

13 июля 1918 г.» («Известия ВЦИК», 1918, 19 июля).

Сам факт принятия этого декрета 13 июля, а опубликование 19 июля лишний раз свидетельствует о том, как тщательно готовились к убийству большевистские руководители. Пройдет совсем немного времени, и жены руководителей большевистского режима и советских послов будут щеголять украденными драгоценностями царской семьи. Кстати, еще сам убийца Юровский, став одним из руководителей Гохрана, будет крайне удивлен исчезновением неизвестно куда значительной части царских драгоценностей (о чем у него завяжется достопамятная переписка с Ильичем). Но это потом, а сейчас Юровский складывает в свой баул залитые кровью драгоценности царской семьи стоимостью в десятки миллионов рублей.

Вошедший в дом 25 июля представитель белой армии увидел невероятный хаос. Во всех комнатах были разбросаны по полу, на столах, диванах, за шкафами и ящиками различные цельные, помятые, разломанные и скомканные вещи и вещицы, принадлежавшие царской семье. Больше всего их было в комнате первой слева от вестибюля, где размещался Юровский. Валялись порванные, смятые и обгорелые записки, обрывки писем, фотографий, картинок,

разбросаны книжки, молитвенники, Евангелия; были кинуты на пол иконы, образки, крестики, четки, обрывки цепочек и ленточек, на которых они подвешивались, а икона Федоровской Божьей Матери, с которой Царица никогда, ни при каких обстоятельствах путешествия не расставалась, была брошена в помойку, во дворе со срезанным с нее очень ценным венчиком из крупных бриллиантов.

Брошенными валялись пузырьки и флакончики со святой водой и миром, вывезенные, как значилось по надписям на них, еще из Ливадии, Царского Села и костромских монастырей; разбросанными, изломанными валялись всюду шкатулки, узорные коробки, рабочие ящики для рукоделий, дорожные сумки, саквояжи, сундучки, чемоданы, корзины и ящики и вокруг них вывороченные оттуда вещи, предметы домашнего обихода и туалета. Как выразился профессиональный юрист, увидевший эту картину: «Здесь произошло убийство и ограбление».

«ЗАМЫВАЮТ СЛЕДЫ»

Зверское убийство одиннадцати человек в небольшой комнате превратило ее в страшное место — лужи крови на полу, стены обрызганы кровью. Анфилада комнат, ведущих к выходу, вся в крови. Пьяные мечущиеся убийцы с окровавленными руками и в одежде, запачканной кровью. Руки вытирают от крови прямо об обои. Кто-то, проходя, сорвал покрывало с одной из кроватей, вытер окровавленные руки и бросил его. Надо замывать следы. На это дело бросают всех, кроме уехавших хоронить трупы и постовых. Об этом рассказывает участник событий Филипп Проскуряков. «На другой день после получения жалованья, — сообщает он следовательно, — значит, во вторник 16 июля до 10 часов утра, я стоял на посту у будки около Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Егор Столов, с которым я вместе жил в одной комнате, стоял тогда в эти же часы на посту в нижних комнатах дома. Кончив дежурство, мы со Столовым пошли по пьянствовать на Водочную улицу к милиционеру 2-й части по имени Адольф, потому что, как мы знали от него самого, у него был денатурат. Напились мы со Столовым денатурату и под вечер пришли домой, так как нам предстояло дежурить с 5 ча-

сов. Медведев увидел, что мы пьяны, и посадил нас под арест в баню... Мы там и уснули.

...Спали мы до 3-х часов ночи. В 3 часа ночи к нам пришел Медведев, разбудил нас и сказал нам: «Вставайте, пойдемте». Мы спросили его: куда? Он нам ответил: «Зовут, идите». Я потому говорю, что было это в 3 часа, что у Столова были при себе часы, и он тогда смотрел на них. Было именно 3 часа.

Мы встали и пошли за Медведевым. Привел он нас в нижние комнаты дома Ипатьева. Там были все рабочие — охранники, кроме стоявших тогда на постах. В комнатах стоял как бы туман от порохового дыма и пахло порохом. В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовой, в стенах и в полу были удары пуль. Пуль особенно было много в той стене, что напротив входной двери, но были следы пуль и в других стенах. Там, где в стенах и полу были пулевые отверстия, вокруг них была кровь; на стенах она была брызгами и пятнами; на полу — маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови и во всех других комнатах, через которые нужно было проходить во двор дома Ипатьева, где были следы от пуль. Были такие же следы крови и во дворе к воротам на камнях. Ясное дело, в этой именно комнате с решеткой незадолго до нашего со Столовым прихода расстреляли много людей. Увидев все это, я стал спрашивать Медведева и Александра Стрекотина, что произошло? Они мне сказали, что только что расстреляли всю царскую семью и всех бывших с нею лиц, кроме мальчика.

Медведев приказал нам со Столовым убирать комнаты. Стали мы все мыть полы, чтобы уничтожить следы крови. В одной из комнат было уже штук 4—5 метел... По приказанию Медведева Кронидов принес из-под сарая со двора опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стенах, где был расстрел, мы смывали мокрыми тряпками. В этой уборке принимали участие все рабочие, кроме постовых. И в той именно комнате, где была побита царская семья, уборку производили многие. Помню я, что работали тут человека два «латышей», сам Медведев, отец и сын Смordiaковы, Столов. Убирал в этой комнате и я. Но были еще и другие, которых я забыл. Таким же образом, то есть водой, мы смывали кровь во дворе и с камней...»

НАДПИСИ НА МЕСТЕ УБИЙСТВА

Комната, где было совершено злодеяние, была тщательно вымыта. Но следы крови все равно оставались. На всех стенах отверстия от пуль, на полу следы пуль и штыка. А на стене были начертаны две зловещие надписи, которые выражали духовное и эмоциональное состояние организаторов или участников убийства.

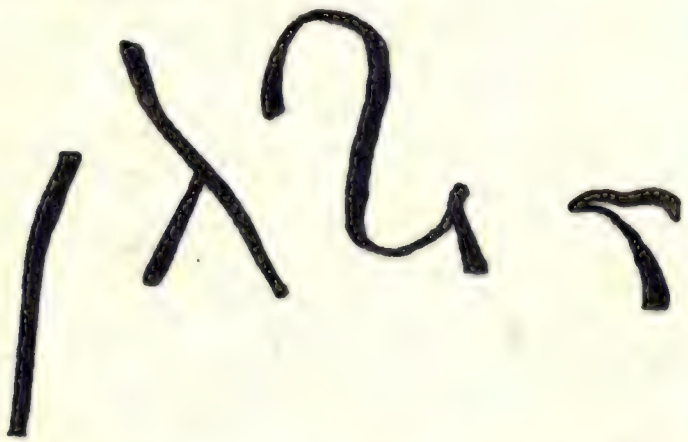
Кто написал эти слова, мы можем только догадываться. Но ясно одно, что он понимал роль царя и царской власти в России, осознавал последствия убийства — крушение тысячелетних духовных структур российской государственности. И с радостью констатировал, что он приветствует крушение исторической России. В одной надписи проводится историческая параллель России и Вавилона, Николая Второго и вавилонского царя Валтасара. Валтасар обижал израильского Иегову и его последователей и за это поплатился жизнью. После убийства Валтасара пало и Вавилонское царство, после убийства Николая Второго падет Русская держава.

Надпись была по-немецки:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
vor seinen Knechten umgebracht.

Эти строчки из стихотворения Г. Гейне «Валтасар». По-русски они переводятся так: «В эту самую ночь Валтасар был убит своими слугами (холопами)».

Другая надпись, состоящая из четырех каббалических знаков, дает основание считать, что, по крайней мере, кто-то из убийц придавал убийству ритуальный, религиозный характер.

В Британском музее находится книга Энея «Жертва», в которой он дает расшифровку этой каббалической надписи. «Полное раскрытие тайного значения надписи, — пишет он, — выражается так: «Здесь, по приказа-

нию тайных сил, царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы»⁸ (выделено мною. — О. П.).

Конечно, это были надписи идеологов убийства, которые знали, что делают и на что идут. Но в доме было оставлено и множество других надписей, которые отражали «духовное» состояние босяцких, уголовных элементов, охранявших царскую семью. «Дух» Верховенского и Федьки Каторжника пронизывал всю атмосферу дома Ипатьева. Верховенский-Юровский мог изъясняться на плохом немецком. Социально близкие ему элементы федьки-каторжники (Ермаков, Летемин, Клещев) говорили на привычном им языке Хитрова рынка и уголовных притонов. Стены всех комнат нижнего этажа, где квартировали охранники-палачи, наружная стена дома на террасе, где дежурили часовые, будка дежурного часового на углу были исписаны «многочисленными, разнообразными, циничными и похабными надписями, порнографическими рисунками, безграмотными хулиганскими стихами и хитровскими изречениями».⁹ Тесный союз Верховенского и Федьки Каторжника проявился в доме Ипатьева прочно и взаимовыгодно.

ЦАРСКИЕ ЯМЫ

Помните, как говорили большевистские боевики: «Акт совершить нетрудно, главное — замести следы».

В 1918 году место, куда убийцы везли тела царской семьи, представляло страшную глухомань. От переезда железной дороги по густому, сильно заросшему лесу шла узкая конная дорога. На расстоянии 3 верст от переезда дорога раздваивалась на две ветки возле урочища «Четыре брата». Название это оно получило от когда-то росших здесь из одного корня четырех могучих сосен. В 1918 году от этих сосен оставалось только два развалившихся пня. Как раз за этими пнями главная ветка дороги шла к северу, проходя ряд луговин, носящих общее название «Большой покос», именно она вела на Коптяки.

Другая ветка дороги от урочища «Четырех братьев» шла к югу через заболоченные места и использовалась преимущественно зимой. Местное название

⁸ П а г а н у ц ц и П. Правда об убийстве царской семьи. Джорданвиль, 1981, с. 68—69.

⁹ Там же.

ее было «дорога на плотинку», так как на высоте «большого покоса» пересекала на плотинке очень топкое болото. Гать по этой плотинке уже в то время была совершенно развалившаяся и не проезжая, а проходима только зимой, когда болото замерзало.

Верстах в двух севернее «большого покоса» и плотинки обе ветки соединялись и таким образом ограничивали обширный район, который в 1918 году назывался Ганиной Ямой. Общая его протяженность составляла приблизительно 5 верст. Примерно в середине этого района, недалеко от главной ветки и в полутора верстах от «Четырех братьев», имелся маленький прудок, собственнно и называвшийся Ганиной Ямой.

От этого прудка к «Четырем братьям» тянулись старые заброшенные рудничные разработки, представлявшие собой сеть завалившихся шахт, шурфов, обвалившихся больших и малых котлованов. Следователь Соколов, изучивший это место со своими многочисленными помощниками, нашел здесь больше 30 шахт, большое количество шурфов и котлованов. Обследование затруднялось тем, что это место сильно заросло травой, кустарником и деревьями.

...Наша машина еле идет по сырому, захламленному лесу, в двух километрах от деревни Коптяки. Недавно прошли дожди, лесная дорога, и так разбитая тракторами и тяжелыми машинами, превратилась в непроходимое болото. Даже наш «вездеход» на двух ведущих мостах с пониженной передачей не справляется с ней. Часть приходится объезжать стороной, по разбитым отвороткам, цепляясь за деревья и кусты. Преобладают два вида деревьев — береза и сосна, причем берез больше. Мы ищем место, куда привезли для захоронения тела царской семьи. Долго блуждали. Обращаемся к старожилам. И наконец нас привозят на это место, которое у старожил сейчас называется Царской ямой (или Царскими ямами). От основной лесной дороги, если двигаться в сторону Коптяков, влево ведет незаметная отворотка, которая спускается как бы в лог. От основной дороги метров 150—200. Отворотка упирается в небольшую поляну площадью примерно 80 на 50 метров. По краям березы и сосны. В левом углу среди кустов шахта в виде двух смежных колодцев. Шахта давно уже осыпалась, только крепежные деревянные конструкции, довольно хорошо сох-

ранившиеся, точно указывают ее месторасположение.

Сюда утром 17 июля привезли трупы царской семьи. «Удаление трупов и перевозка,— пишет Юровский,— лежали на обязанности т. Ермакова... Около трех часов выехали на место, которое должен был приготовить Ермаков за Верхне-Исетским заводом. Сначала предполагалось вести на автомобиле, а после известного места — на лошадях (т. к. автомобиль дальше проехать не мог, местом выбранным была брошенная шахта). Проехав Верхне-Исетский завод, в верстах 5 наткнулись на целый табор — человек 25 верховых, в пролетках и т. д. Это были рабочие (члены Совета, исполкома и т. д.), которых приготовил Ермаков. Первое, что они закричали: «Что ж вы нам их неживыми привезли?!» Они думали, казнь Романовых будет поручена им. Начали перегружать трупы на пролетки, тогда как нужны были телеги. Это было очень неудобно. Сейчас же начали очищать карманы — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых. Тут и обнаружилось, что на Татьяне, Ольге, Анастасии были надеты какие-то особые корсеты. Решено было раздеть трупы догола, но не здесь, а на месте погребения. Но выяснилось, что никто не знает, где намеченная для этого шахта. Светало. Комендант послал верховых разыскивать место, но никто ничего не нашел. Выяснилось, что вообще ничего приготовлено не было: не было лопат и т. д. Так как машина застряла между двух деревьев, то ее бросили и двинулись поездом на пролетках, закрыв трупы сукном. Отвезли от Екатеринбурга на одиннадцать с половиной верст¹⁰ и остановились в полутора верстах от деревни Коптяки. Это было в 6—7 утра; в лесу отыскивали заброшенную старательскую шахту (добывали когда-то золото) глубиной три с половиною аршина. В шахте было на аршин воды. Комендант (так называет себя Юровский.— О. П.) распорядился раздеть трупы и разложить костер, чтоб все сжечь. Кругом были расставлены верховые, чтобы отгонять всех проезжающих. Когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный

¹⁰ В варианте записок Юровского, хранящихся в ЦГАОР (опубликованы в «Огоньке» № 21, 1989), указано шестнадцать с половиной верст).

Орфография и пунктуация авторов записок сохраняется.

пулями, — в отверстии видны были бриллианты. У публики явно разгорались глаза. Комендант решил сейчас же распустить всю артель, оставив на охране несколько человек часовых и 5 человек команды. Остальные разъехались. Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На... (царице) ...оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно. ...Сложив все ценное в сумки, остальное найденное на трупах сожгли, а сами трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставная челюсть Боткина) было оброне-но, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части... Но Романовых не предполагалось оставлять здесь — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения. Кончив операцию и оставив охрану, комендант часов в 10—11 утра (17 уже июля) поехал с докладом в Уралисполком, где нашел Сафарова и Белобородова»¹¹.

Итак, на поляне горит большой костер, пламенные революционеры раздевают догола женщин, копаются в их белье, кидая все ненужное в огонь. Я думаю, слухавил Юровский, заявив, что это место было выбрано как временное. Он его сам нашел вместе с Ермаковым (есть показания свидетелей). Скорее всего от этого места пришлось отказаться, потому что оно стало известно слишком многим. Если место временное, зачем пытались засыпать шахту ручными гранатами? После доклада Сафарову и Белобородову, они, видимо, получили нагоняй за недобросовестное выполнение задания. А почему так получилось? Потому что большая часть подручных, не исключая Ермакова, были сильно пьяны, да к тому же увлеклись мародерством. Зря, что ли, Войков выписал в аптеке большое количество спирта? Лопаты забыли, место, куда должны ехать, потеряли (а ведь заранее готовили), прямо на глазах Юровского стали воровать.

О том, что преступники были сильно пьяны, говорит также и множество пулевых промахов на месте убийства. Преступники убивали свои жертвы «впритирку», на близком расстоянии, но не могли попасть. Большая часть пулевых следов в комнате была от пуль, не

проходивших сквозь тело.

А почему опоздал Ермаков, ведь из-за него все «дело» было отложено на полтора часа. Да потому, что гулял со своими «корешами» и, судя по всему, пообещал им привезти царскую семью для расправы живой. Иначе почему эти люди, которых он приготовил, у Верхне-Исетского завода начали возмущенно кричать: «Что же вы нам их неживыми привезли?!» Некоторые старики, с которыми нам приходилось беседовать в Свердловске, рассказывали, что в первые годы революции ходили слухи об убийстве царской семьи пьяными до скотского состояния бандитами. Но слухи эти пресекались как белогвардейская клевета.

О месте захоронения царской семьи оставили воспоминания несколько свидетелей, которые считали, что оно произошло именно в Ганиной Яме. Прежде всего это один из большевистских руководителей П. Быков. «Трупы расстрелянных, — пишет он, — были положены на грузовой автомобиль и той же ночью отвезены в лес, за В.-Исетским заводом, по большой Коптяковской дороге в район старых рудников. Здесь вблизи заброшенных шахт Ганиной Ямы трупы были частично (в подлинной рукописи Быкова зачеркнуто) сожжены... остатки трупов были отвезены в сторону и закопаны в болоте»¹². То же пишет Стрекотин: «...Трупы были сожжены в Ямах около деревни Коптяки»¹³. Аналогичную версию приводит в своей официозной книге «Двадцать три ступени вниз» Касвинов (1979 г.).

Целую «повесть» о первом захоронении оставил Ермаков. «Около часу ночи, — пишет он, — автомобиль с трупами направился через В.-Исетск по направлению дороги Коптяки, где мною было выбрано место для зарытия трупов, но я заранее учел момент, что зарывать не следует, ибо я не один, а со мной есть еще товарищи. Я вообще мало мог кому доверить это дело и тем паче, что я отвечал за все, что я заранее решил их сжечь, для этого приготовил серную кислоту и керосин, все было устроено, но не давая никому намека сразу, то я сказал, мы их спустим в шахту... Я велел всех раздеть, чтобы одежду сжечь, и так было сделано, когда стали снимать с них платье, то у самой и дочерей были найдены медальоны, в которые вставлена голова Распу-

¹¹ Свердловский партийный архив, ф. 221, о. 2, д. 497, л. 7—14.

¹² Свердловский партийный архив, ф. 41, о. 1, д. 149, л. 159.

¹³ Там же, ф. 331, о. 2, д. 849, л. 18.

тина, дальше под платьем на теле были особо приспособленные лифики двойные, подложена внутри материала вата и где были уложены драгоценные камни и простежено. Это было у самой и четырех дочерей. Все это было передано члену Уралсовета Юровскому. Что там было, я вообще не поинтересовался на месте, ибо было некогда, одежду тут же сжег, а трупы отнесли около 50 метров и спустили в шахту, она была неглубокая, около 6 сажень (больше 12 метров.— *О.П.*), ибо все эти шахты я хорошо знаю, для того чтобы можно было вытащить для дальнейшей операции с ними, все это я проделал, чтобы скрыть следы от своих лишних присутствующих товарищей.

Когда все это было закончено, то уже был полный рассвет, около 4-х часов утра. Это место находилось совсем в стороне от дороги около 3-х верст. Когда все уезжали, то я остался в лесу, об этом никто не знал. С 17 на 18 июля я снова прибыл в лес, привез веревку, меня спустили в шахту, я стал каждого по отдельности привязывать, по двое ребята вытаскивали. Когда все вытащили, тогда я велел класть на двуколку, отвезли от шахты в сторону, разложили на три группы дрова, облили керосином, а самих серной кислотой, трупы горели до пепла, и пепел был зарыт. Все это происходило в 12 часов ночи с 17 на 18 июля 1918 года. После всего 18-го я доложил¹⁴. Как относиться к этой части воспоминаний Ермакова, как к пьяному бреду или как кем-то специально продуманной легенде с целью замести настоящие следы? Ведь «говорить следует то, что нужно, а не то, что можно»?

После отступления красных 25 июля 1918 года по делу об убийстве царской семьи проводится расследование. Уже 27 июля к следователям является поручик Шереметевский и докладывает, что 17 июля в районе Коптяков наблюдалась подозрительная активность большевиков. Лес был оцеплен, раздавались взрывы ручных гранат. След сразу же привел к Ганиной Яме. Еще хорошо сохранялись следы двух кострищ — одно у шахты, другое — на лесной дороге под березой. В пепелище были найдены корсетные планшеты, множество пуговиц и крючков, военная пряжка детского размера, обгоревший изумрудный крест и бриллиант. Кроме того, в кустах и в траве

нашли и другие мелкие вещи, принадлежащие царской семье. Откачали воду из шахты. Подняли землю со дна, просеяли ее и промыли. Обнаружили отрезанный палец, жемчужную серьгу, застежку для галстука и вставную челюсть доктора Боткина. Кроме того, около шахты были обнаружены порванные страницы анатомического трактата на немецком языке и немецкая газета. Тщательно были обследованы все окрестности, но ни тел, ни их останков обнаружено не было. Следователь Соколов, проводивший огромную работу по розыску жертв убийства, приходит к выводу, что они были уничтожены до пепла при помощи огня, 400 галлонов керосина и 400 фунтов серной кислоты. Предварительно тела были расчленены, а головы отрезаны и увезены в Москву.

«Мы вашего Николку и всех там пожгли», — заявляли крестьянам пьяные красноармейцы из отряда Ермакова, когда отступали на Тагил. Аналогичную версию высказал захваченный белыми большевик А. Валек. Сведения о полном уничтожении царской семьи путем сжигания наиболее распространены и среди старожилов деревни Коптяки и прилегающих к ней населенных пунктов.

Прежде чем этот же вывод сделал Соколов, он подробно обследовал Ганину Яму и ее окрестности. Все следы вели к шахте № 7. Чем ближе к ней, тем больше находок различных предметов и кусочков вещей, принадлежащих царской семье. Возле шахты сохранились остатки большого кострища с непрогоревшими дровами крупного диаметра (бревнами). Большая часть его была разбросана по окрестности. Уже при приближении красных летом 1919 года Соколову удалось обследовать шахту, которая состояла из малого и большого колодцев. М. К. Дитерихс дает полный перечень предметов, найденных при обследовании шахты. Прежде всего малый колодец.

При выборке засыпки, оказавшейся в малом колодце шахты, на глубине трех вершков от поверхности лежал труп маленькой собачки, принадлежавшей великой княжне Анастасии Николаевне.

Затем вся засыпка из малого колодца была осмотрена и промыта на решетках, причем в ней оказались следующие предметы:

1) 12 кусков какого-то беловатого вещества, смешанного с глиной. Вещество издает сильный запах сала и легко крошится в руках. По внешнему виду

¹⁴ Свердловский партийный архив, ф. 221, о. 2, д. 774, л. 9—12.

очень похоже, что это растопленное, со сжигавшихся тел, сало, смешавшееся с глиной из-под костра.

2) 5 кусочков расплавленного свинца, вылившегося под действием огня из пулевых оболочек.

3) Серебряный, вызолоченный значок уланского государыни императрицы полка, с датой 1803 17/V 1903, поднесенный царице полком в день столетнего юбилея полка. Государыня носила этот значок на шейной цепочке.

4) Серебряная рамочка от маленького шейного образка одной из великих княжон и кусочки цинковой пластинки со следами краски, являющиеся остатками от самой иконки.

5) Осколок жемчужины прекрасного качества.

6) Кусочек какого-то золотого украшения, отрубленный рубящим оружием.

7) Топазовая бусина от ожерелья великих княжон.

8) Пистон от корсета, английская кнопка, два медных винтика от дорогой обуви, три тонких гвоздика от обуви, пять кусочков белого тонкого стеклышка от медальона, хорошая английская булавка. Все эти предметы подвергались действию огня.

9) Пять кусочков синей материи, цвета и свойства материи дорожных костюмов великих княжон.

Один кусочек черной материи с белыми полосками, характера материи от пальто доктора Боткина.

Два куса черной материи, один — светло-желтый и один — белый с розовыми полосками.

Все куски материи также носили следы горения.

10) Кусочек хорошей кожи от обуви со следами ожога.

11) Осколок ручной гранаты.

12) 7 обуглившихся кусков дерева, из коих три представляют собой большие головешки, позволяющие заключить, что огонь на костре разводился большой.

Таким же порядком был исследован ил, взятый со дна большого колодца шахты, где в августе 1918 года офицерами был найден отрезанный палец, по-видимому, женский, и вставная челюсть доктора Боткина. Ныне при промывке ила найдено еще:

1) Девять обгорелых кусочков такой же синей материи, какая была найдена в засыпке малого колодца.

2) Два осколка стекла от пузырька нюхательных солей; три — зеленых, от

флакона императрицы, и четыре белых осколка стекла или от рамочки, или от медальона.

3) Три осколка ручной гранаты.

4) 20 кусков углей различной величины.

Все перечисленные предметы попали в шахту № 7 при разброске убийцами кострища, бывшего на глиняной площадке. Это подтверждалось как свойством грунта, из которого состояла засыпка малого колодца шахты, так и следами глины, сохранившейся на большинстве предметов; экспертиза установила их полную тождественность с грунтом глиняной площадки. Кроме того, характер, свойства и качества предметов, найденных в шахте, вполне соответствовали предметам, найденным при детальном исследовании поверхности земли в районе старой березы, шахты № 7 и глиняной площадки.

Это последнее было произведено с большой осторожностью и детальностью. Прежде всего, работая ножами, была пересмотрена почва всей площади на глубину притоптанности верхнего ее слоя. Затем были сняты верхние слои земли из-под кострищ и глиняной площадки и просеяны через решета и, наконец, как эта просеянная земля, так и земля, снятая вокруг шахты № 7, промывалась на системе решет. Первые работы были выполнены полностью; последняя же, т. е. промывка, к 10 июля, дню перерыва работ, закончена не была; удалось успеть промыть землю из-под кострищ и примерно четверть земли с глиняной площадки.

В результате произведенного исследования были найдены следующие предметы:

А) В земле из-под кострищ у старой березы:

1) Свинец, выплавившийся из пулевых оболочек.

2) Женские: простая пряжка от подвязок, 3 простых кнопки и 1 петля.

3) Мужские: большая пуговица, большие крючок и петля, по-видимому от пальто, 2 пуговицы фирмы Лидваля от брюк и 1 большая кнопка.

4) Кусочки материи разного цвета и сорта, сильно прогоревшие.

5) Этикетка с надписью «Хим. Лаб. Стела».

Б) В земле из-под костра у шахты № 7, с глиняной площадки и в слое, окружавшем шахту № 7:

1) 30 обгорелых осколков от крупных

костей. Некоторые куски имеют совершенно ясные следы отделения рубящим оружием. Другие образовались под действием горения в огне.

2) 18 кусочков свинца, вытекшего из пулевых оболочек.

3) Одна пустая, обожженная никелевая оболочка от пули нагана.

4) Две пули нагана, сильно деформированные в головных концах, как бывает при ударе пули о кость.

5) Три частицы золотых шейных цепочек от образков.

6) Обгорелые металлические кусочки пластинок от маленьких шейных образков.

7) 13 совершенно обуглившихся кусков какого-то вещества, сильно рассыпающегося при малейшем нажиме.

8) Осколок рубина «кабошона», наиболее вероятно, от того кольца, которое было подарено императором государыне, когда ей было еще 15 лет, и которое она всю жизнь носила на шейной цепочке с образками.

9) Два осколка сапфира «кабошона», тоже, вероятно, от кольца императора, подаренного ему государыней в 1891 году и с которым покойный император никогда не расставался.

10) 13 целых жемчужин и 4 осколка жемчуга очень хорошего качества. По свидетельству лиц, близко стоявших к царской семье, лучшие жемчуга были защиты в Тобольске в мешочек, который надела себе на шею великая княжна Ольга Николаевна.

11) 17 топазных бус и 2 осколка от таких же бусин. Топазовые ожерелья имели все великие княжны.

12) Два бриллианта очень хорошей воды, видимо, от какого-то украшения.

13) Рубин граненый, прямоугольной формы, высокого качества.

14) Осколок от крупного, темного аметиста.

15) 14 осколков от изумрудных камней разной величины и хорошего достоинства.

16) Шесть золотых и платиновых кусочков, отрубленных от украшений. В одном платиновом кусочке сохранился бриллиант хорошей воды.

17) Обрывок золотой цепочки от браслета императрицы.

18) Золотая оправа от пенсне доктора Боткина.

19) Маленький флакончик с нюхательной солью, принадлежавший императору или великой княжне Ольге Николаевне.

20) Пять кусочков обгорелой лиловой материи, подобной той, из которой было платье императрицы.

21) Три кусочка обгорелой синей материи от дорожных костюмов великих княжон.

22) Три куса солдатского сукна от шинели. По качеству сукно похоже на то, из которого была сделана шинель наследника, которую ему шил портной Порденштрем. Куски сильно разлезаются, как бы разъеденные кислотой.

23) 8 разных пуговиц хорошего качества; 4 металлические петельки от одежды, из коих три — женские, очень хорошего качества. Все предметы обгорелые.

24) Лента черного бархата, скорее всего от шляпы. Шнурок, сплетенный государыней из ниток «Ириса». Несколько кусочков разной материи, цвет и качество коей почти невозможно определить, так как часть их сильно обгорела, а другая пропитана глиной.

25) 6 металлических корсетных костей, угольник от корсетной планшетки, части металла с обгоревших или обожженных кислотой корсетных планшеток и 14 корсетных пистонов.

26) Железная лента, вкладываемая в тулью военных фуражек хорошей работы. Другая такая лента была найдена еще в августе. Такие ленты были в фуражках императора и наследника.

27) 13 остатков обгорелой обуви. В некоторых сохранились винтики и гвоздики, по качеству и характеру которых эксперты заключают, что обувь была лучшего качества.

28) 57 осколков разных стекол: от портретной рамочки императора, от медальонов или образков, от пенсне доктора Боткина, от разных маленьких пузырьков и флакончиков. На одном из осколков зеленого стекла сохранилось оттиснутое по-французски слово «придворный».

29) 6 осколков и кусков от разных частей ручной гранаты. Использованная гильза от револьвера кольта, такая же от браунинга и такая же от нагана.

30) Куски разорванной на части, писанной карандашом записки. По соединении кусков оказалось, что записка представляла собой телеграмму военного комиссара Анучина комиссару Мрачковскому о спешной высылке в Екатеринбург Костромского пехотного полка.

ТАЙНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ

Следственной комиссии белых удалось также установить, что 19 июля 1918 года Шая Голощекин выехал в Москву в отдельном вагоне-салоне. С ним было три «тяжелых не по объему ящика». Для прислуги вагона было удивительно видеть эти грубо сколоченные из досок ящики, перевязанные веревкой. Любопытным из числа своего окружения Голощекин говорил, что везет в этих ящиках образцы артиллерийских снарядов для Путиловского завода. В Москве Голощекин вместе с ящиками отправился в Кремль на квартиру к Свердлову. Что было в этих ящиках? По одной версии, в таком виде перевозились золото и драгоценности царской семьи. Однако существует и другая страшная, но пока не опровергнутая версия. В конце июля 1918 года эта версия обсуждалась среди мелких служащих Совнаркома: Шая Голощекин привез в спирту головы бывшего царя и членов его семьи. Один шутник из Совнаркома якобы говорил: «Ну теперь, во всяком случае, жизнь обеспечена, поедem в Америку и будем демонстрировать в кинематографах головы Романовых...»

В Коптяковском лесу мы провели много времени, даже ночевали в нем, прямо в машине. Он таит в себе множество чащоб, ям и шахт. При желании в нем можно спрятать что угодно. Лес живет своей жизнью. Бродят грибники. Пастухи пасут стада коров на лесных опушках. Кстати, долгое время пасли скот и на этой поляне, а сама яма использовалась для водопоя скота вплоть до начала 50-х годов, когда вода из ямы ушла. Сейчас большая часть поляны завалена свежесрубленными сосновыми деревьями. Встретившийся нам грибник из местных сказал, что сосны готовят для постройки церкви в память об этой трагедии. На самом деле оказалось не так, а гораздо прозаичнее. Мы в эту ночь уже готовились ко сну, как по лесной дороге в сторону Царских ям проследовал тяжелый грузовик и остановился прямо на поляне. Подошел туда и я. Двое крепких мужиков начали загружать сосновые стволы. Первая мысль была «воруют». Разговорились, и они объяснили, что этот лес срублен ими в порядке самозаготовки. Платят в лесничестве по 12 рублей за куб, сами срубают, сами вывозят для строительства бани. Спрашиваю: «А знаете, что это за место?» Отвечают: «Знаем, Царские ямы, здесь царя сожгли».

Сразу же после убийства царской семьи Войкова спросили: «Почему так усиленно скрываются подробности смерти Николая Второго?» На что он ответил: «Мир об этом никогда не узнает». Да, организаторы убийства сделали все, чтобы замести следы злодеяния.

Слухов о том, как была захоронена царская семья, в Екатеринбурге в восемнадцатом году ходило много: «Сначала похоронили за Екатеринбургом 2-м, а потом перевезли к станции Богдановичи». «Сначала вырыли одну яму, фальшивую, для отвода глаз, а рядом вырыли уже настоящую, в которой и похоронили, залив всех цементом». «Сначала побросали всех в шахту, а потом вынули и потопили в болотах...»

А как же было на самом деле?

Днем 17 июля Юровский советуется с членами Уралсовета и ЧК. Предгорисполкома Чуцкаев предлагает ему похоронить трупы в глубоких шахтах, заполненных водой, на 9-й версте по Московскому тракту. Юровский отправляется к этим шахтам, чтобы убедиться лично. Шахты ему понравились. И он решает везти тела сюда, чтобы, привязав к ним камни, утопить. Шахты охраняются сторожами. Но для Юровского это не помеха. Надо вызвать автомобиль с чекистами, размышляет он, пусть они арестуют сторожей. На случай, если не удастся план с шахтами, Юровский предлагает похоронить трупы в глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой.

Ночью с 17-го на 18-е команда по уничтожению трупов возвращается в Коптяковский лес. Весь район оцепляется войсками. Всех, кто вторгается в район оцепления, приказано расстреливать на месте. Глубокая ночь сменяется рассветом, убийцы теряют терпение. Выдвигается предложение трупы никуда не везти, а закопать прямо здесь, возле шахты. Начали рыть, да тут к Ермакову подошел знакомый крестьянин и увидел яму. Ермаков его от злости чуть не расстрелял. «Пришлось,— вспоминает Юровский,— бросить дело (и) ...везти трупы на глубокие шахты... Смогли отправиться в путь только в 9 вечера, пересекли линию ж. д. в полуверсте, перегрузили

трупы на грузовик. Ехали с трудом, выматывая опасные места шпалами, и все-таки застревали несколько раз. Около четырех с половиной утра 19-го машина застряла окончательно. Оставалось, не доезжая шахт, хоронить или жечь. Хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну, но по ошибке вместо последней с Алексеем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же под костром останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копанья. Тем временем вырыли братскую могилу для остальных. Часам к семи утра яма аршина два с половиной глубины и три с половиной в квадрате была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубока). Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне — этого места погребения белые не нашли»¹.

Сохранились воспоминания и другого участника уничтожения трупов — чекиста Сухорукова Григория Ивановича. «18 или 19 июля, — пишет он, — из (чекистского) отряда нас выбирают человек 12 и говорят: товарищи, вам вверяется тайна государственной важности, с этой тайной вы должны умереть, горе будет тому, кто не оправдает доверия. Мы говорим... готовы на все. Тогда председ. Урал. обл. ЧК, если не путаю Лукьянов* Федор говорит: сегодня мы должны ехать хоронить семью Николая Романова. Она расстреляна... Ночью же выехали в сторону В.-Исетского завода. Ехали на экипажах. Точно не помню сколько нас было человек, но многих помню. 1. Юровский, комиссар города, 2. Наш комиссар Павлушин, из ЧК Горин-Радзинский, потом не знаю фамилии модьяр в сером костюме впоследствии он его сожгет серной кислотой. Ермаков. Из красноармейцев Тягунов Федор, мой земляк, убитый на Деникинском фронте. Лысьвенские рабочие: Боженков Алекс., Поспелов Никол. Влад., его брат Иван (они кажется сейчас в Перми). Самойлов Никол. (в Москве учится на красного професс.). Веселков Михаил (работает в Свердловском ГПУ). Эстонец

Кют впоследствии был в моей команде пул. взв. и попал в плен Колчаку с пулем. заставой. Кильзин тоже эстонец, тоже был в моей команде ком. пул. отд., убит под Новопаинским Оханск. уезд., Поньмарев Дм. лысьвинский рабочий, Гурьев тоже оба попали в плен. Верхне-Туринские рабочие: Петров, Рябков Алекс., брат Рябковой, работающей в данное время кажется в ОБЛ РКИ (по мужу у нее вероятно фамилия другая). Яша фамилию забыл Рябкова его знает и я.

Приехали утром к шахтам где были трупы, около шахты пепел... (от) ...костра братва начала рыться догадавшись, что здесь сжигали царскую одежду кое-кому попало изрядно, например, Поспелов нашел 2 крупных бриллианта оправленные платиной, Сунегин нашел бриллиантовое кольцо и т. д.

Время шло, работа ударная, нужно было приступить к извлечению трупов, кругом расставили конных и пеших патрулей и приступили к работе, первым спустился в шахту с веревкой в руке Сунегин Вл. и начал извлекать сначала дрова, цельными охапками, потом работа показалась нудной и длинной, решили взяться прямо за трупы... На подмогу Сунегину спустился я и первая попавшаяся нога оказалась Николая последнего, который и благополучно был извлечен на свет божий, а за ним и все остальные. Для точности можно отметить, что все были голыми за исключением наследника, который был в одной матроске нательной, но без штанов. По извлечению трупы сложили недалеко от шахты и закрыли палатками, приступили к обсуждению куда девать? Сначала решили вырыть яму прямо на дороге закопать и сильно снова заездить, но грунт оказался каменистым и эту работу бросили, решили дожидаться автомобилей и с соответствующим грузом потом отвести в В.-Исетский пруд.

Вечером пришли грузовые автомобили, трупы были уже погружены на повозки и мы с повозок их снова перегрузили на автомобили и поехали. Недалеко была мочежина насланная шпалами в виде моста и здесь-то задний грузовик почти проехавши застрял, все наши усилия ни к чему не привели и решили шпалы снять, выкопать яму, сложить трупы залить серной кислотой, закопать и снова наложить шпалы. Так было и сделано. Для того, что если бы белые даже нашли эти трупы и не

¹ Свердловский партийный архив, ф. 221, о. 2, д. 497, л. 12—13.

* Правильно: Лукьянов. Пунктуация и орфография авторов записок сохраняются.

догадались по количеству что это царская семья мы решили штуки две сжечь на костре, что мы и сделали на наш жертвенник первым попал наследник, и вторым младшая дочь Анастасия, после того как трупы были сожжены, мы разбросали костер насередине вырыли яму, все оставшееся недогоревшее сгребали туда, и на том же месте снова развели огонь и тем закончили работу. Приехали в Екатеринбург на вторые сутки усталые и злые, ночью того же дня выехал старшим конвоя для сопровождения в Пермскую ЧК дочь короля сербского Елену, жену одного из великих князей с ней сербская миссия, полковник Медичи, его холуй, и человек 20 свердловских буржуев. Всю эту честную компанию я доставил благополучно»².

Итак, и Юровский, и Сухоруков говорят о том, что тела членов царской семьи не были уничтожены у Ганиных Ям, а увезены и захоронены в другом месте, причем прямо на проезжей дороге. Кстати говоря, косвенно версию о захоронении тел на проезжей дороге подтверждает поэт Маяковский, побывавший на месте захоронения тел с председателем Свердловского исполкома Парамоновым, знавшим о нем из первых источников. В стихотворении Маяковского «Император» есть такие строчки (они не вошли в напечатанный текст, а сохранились в записной книжечке):

У корня, под кедром, дорога,

А в ней — император зарыт»³

Где же это место? Конечно, мы не ставили своей целью отыскать точное место захоронения*. Нам было важно проследить всю траекторию пути убийц, мечущихся, чтобы замести следы. Идем в Коптяки и другие окрестные селения, беседуем со стариками, чтобы точно представить себе расположение дорог в то время, записать все, что сохранилось в памяти старожилов об этих событиях. Но в памяти сохранилось не так много. «Долгое время, вплоть до пятидесятих годов, — рассказывают старики, — у нас об этом не принято было говорить». Своего рода заклятие на эту тему. Откуда оно пошло? «Да, запугали нас крепко», —

признается еще не старый мужчина пенсионного возраста. «У нас такой случай был. Подросток из нашей деревни Коптяки под утро пошел разыскивать корову и столкнулся в лесу с вооруженными людьми, которые прогнали его прочь. Тогда он забрался на верхушку высокой сосны и невольно стал свидетелем странных событий у Ганиных Ям. Правда, разглядел он мало, был туман. Громко матерились вооруженные люди. Горели большие костры. Вернувшись, он рассказал об этом в деревне. После прихода белых его вызывали на допрос. А с возвращением красных к ним как-то приехал чекист, отозвал его в укромное место, помахал маузером перед его носом и сказал примерно так: «Если ты, сволочь, скажешь еще кому слово об этом, не пожалеешь». Чекисты ходили и к некоторым другим жителям деревни, рассказывавшим об этих событиях, и предупреждали «не болтать лишнего». Одного мужика вызывали в ЧК и долго держали. В общем, в деревне старались на эту тему помалкивать. И даже детям не рассказывали. Ведь они могли по молодости разболтать и попасть в беду. Правда, дорогу, по которой везли царя из Екатеринбурга, называли Царской, да и Ганины Ямы были «переименованы» в Царские. Говорить на эту тему стали после смерти вождя, да и то всякие выдумки» — «А был ли слух, что царя похоронили в другом месте, а не в Ганиных Ямах?» — «Что-то было, всякое говорили, мол, у Царских ям только шубы да платья зарыты, а тела их в болотах спрятаны». — «Да нет, — вступает в разговор Тамара Станиславовна, — царь был у Гати расстрелян и потоплен в болоте. Дядя Миша Криворотов, когда мы ходили со взрослыми на покос возле поселка Гать (раньше там болото было, а через него шла гать, выложенная шпалами), все пугал нас костями царя и царицы. Все говорил, я знаю, где царь зарыт. Даже показывал колодец, из которого он пил воду, когда его везли на расстрел» (!!!).

Едем к поселку Гать. Вот это поле, бывшее болото, через него была гать, стлань. В войну здесь находился танкодром. На этом болоте по настанным шпалам (отсюда и стлань) испытывали танки.

«Я сейчас вам покажу могилу, где похоронены царь и его семья. Там сейчас есть надгробие», — говорит грибник, приехавший из Свердловска. «Вот цар-

² Свердловский партийный архив, ф. 41, о. 1, д. 149, л. 180—184.

³ Пудваль А. Поиск. Свердловск, 1974, с. 53.

* Тем более нам было известно, что исследователь Г. Рябов, по его словам, нашел это место, хотя пока и держит в тайне.

ский лес, а рядом с железной дорогой рощица, а в ней бетонная пирамидка без указания, кто здесь лежит». Едем, смотрим — действительно, чья-то заброшенная безымянная могила, каких много на Руси. Кто поставил бетонную пирамидку — полная тайна, кто под ней лежит, никто не знает, кого бы ни спрашивали. Только некоторые считают, что именно здесь покоится царская семья.

В общем, после всех поисков и расспросов пока никакой ясности нет. Необходимы точные описания, как проходила дорога в 1918 году. Обращаемся к работам Соколова и Дитерихса. Итак, от Ипатьевского дома дорога на Коптяки шла по Вознесенскому проспекту, поворачивала направо по Главной улице города и возле ипподрома выходила к Верхне-Исетскому заводу. Пройдя завод, дорога пересекала Казанский и Пермский железнодорожные пути и шла по густому, смешанному лесу, тянувшемуся вплоть до Коптяков не менее 12 верст. Примерно в 3 верстах от Пермской железнодорожной линии дорога пересекала еще и разъезд № 120, горнозаводскую железнодорожную линию. Но до этого, примерно на середине расстояния, она раздваивалась и подходила к горнозаводской линии двумя ветками: северной — к переезду у будки № 184, севернее разъезда № 120, и южной — к переезду у будки № 185, южнее этого разъезда.

Кстати говоря, на северной ветке (об этом пишет Дитерихс), не доходя шагов 150 до железнодорожной линии, есть топкое болотистое место, здесь рано утром 19 июля возвращавшийся из Коптяковского леса к городу в сопровождении конных ермаковских головорезов и 4—5 коробков (телег) грузовой автомобиль застрял в трясине, люди с автомобиля и ермаковские «ребята» ходили к будке № 184, взяли из сложенного у будки штабеля шпалы и сложили на трясине помост, по которому и прошел грузовик. Этот помост, указывал Дитерихс, оставался на месте еще в мае — июне 1919 года (судя по описаниям, это место больше всего соответствует воспоминаниям Сухорукова).

Южная ветка Коптяковской дороги, перейдя через переезд у будки № 185, поворачивала налево вдоль полотна железной дороги, и у будки № 184 соединялась с северной веткой. Собственно, здесь и начинался Коптяковский лес.

Итак, если информация Юровского и Сухорукова достоверна, то выезжать из Коптяковского леса преступники могли только здесь. Надо искать старожилы. Опрашиваем многих, никто не помнит, некоторые живут здесь недавно. В поселке Шувакиш знакомимся с толковым, основательным человеком, старожилом этих мест, который соглашается показать, как шли дороги в то время (его отец был здесь лесником). Мы выехали по лесной дороге от Царских ям. Возле Шувакиша дорога прерывается строительной площадкой какого-то предприятия, и здесь ее уже не найдешь. Нас интересует, как и где в 1918 году можно было пересечь железную дорогу в направлении к Московскому тракту, куда чекисты хотели увезти свои жертвы. Таких мест, по мнению старожила Ивана Афанасьевича, два. Дорога была накатанная, хорошая, но конная. Лошадьми по ней возили древесный уголь из Коптяков (отсюда и Коптяки — коптили, жгли угли) в Верхне-Исетский завод. Один переезд был метров на 50 правее нынешнего, а другой на 100—150 метров левее. Но главная дорога, по его мнению, шла левее.

Рассматриваем место правого переезда. Влево от него проходит старая заброшенная дорога, ведущая в лес (ее пересекает полотно недавно построенной железной дороги), правее идет асфальт недавно проложенного шоссе. («В 1918 году здесь был лес и болота, а дороги не было», — утверждает Иван Афанасьевич.) Значит, если они пересекали здесь, то могли ехать только по ныне заброшенной дороге.

Выходим к месту левого переезда. Здесь еще после войны стояла сторожка путевого обходчика. Пересекаем рельсы, на том месте, где был переезд, отчетливо видно продолжение грунтовой дороги. Где они могли застрять? Не так далеко от дороги есть низкое место, оно называется Поросенков лог, проезд через него был устлан шпалами. Место было очень глухое. В году 30-м путевого обходчика вместе с женой убили неизвестные, а в будке поселили военных. Если команда Юровского и застряла, то в Поросенковском логу, не так далеко от места нынешнего кладбища (оно возникло не раньше 80-х годов). Таково мнение Ивана Афанасьевича. Мы с ним соглашаемся, пожалуй, это самый вероятный вариант.

Но ведь Г. Рябов утверждает, что мес-

то захоронения царя сейчас заасфальтировано. Но асфальт прошел по дороге, которая идет от нынешнего переезда, а она, по утверждению старожилов, построена недавно. Кому верить? Ведь нельзя исключить и то, что старая дорога была заброшена и старожилы о ней забыли.

Вопрос о месте захоронения царя остается пока открытым. Требуется создание авторитетной государственной комиссии, включающей топографов, судебных медиков, химиков, историков и других специалистов. Конечно, в Коптяковском лесу и его окрестностях возможны находки еще многих захоронений. По рассказам старожилов, чекисты возили сюда свои жертвы с первых месяцев Советской власти. Расстреливали и поодиночке, и группами, и семьями*. Да и «оригинальная» мысль закапывать убитых людей прямо на проезжей дороге вряд ли возникла только при захоронении царской семьи. Сегодняшние зарубежные мафии приняли этот метод на вооружение. Закапывать свои жертвы под асфальт проезжей дороги прочно вошло в практику мафии. Но «наши» мафиози были первыми.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ЛОЖЬ

Закопать царскую семью на проезжей дороге — этого еще недостаточно, чтобы замести следы убийства женщин и детей. Требуется создать липу, что они живы и здоровы и находятся в надежном месте.

Ленин и Свердлов начинают организованную ложь с обманом своих же соратников по Совету Народных Комиссаров.

Как мы помним, еще вчера они согласовывали убийство, а сегодня делают вид, что первый раз слышат о нем. Их соратник по борьбе В. Милютин передает этот спектакль:

«На заседании Совета Народных Комиссаров 18 июля Свердлов обычным ровным голосом сообщил, что в Екатеринбурге по постановлению областного Совета расстреляли Николая. Николай хотел бежать. Чехословаки наступали. Президиум ВЦИК постановил одобрить.

Молчание всех»⁴. И сразу перешли к обсуждению другого вопроса, как будто эта весть не имела для них никакого значения. Тот факт, что никто из народных комиссаров не задал ни одного вопроса, уже свидетельствовал о том, что все, кто знал эту тайну, молчали, а те, кто не знал, боялись спросить об этом публично.

Телеграмма, переданная от имени Уралсовета, готовилась с целью уйти от ответа, спасти верхушку большевиков от справедливого возмездия в случае сильного резонанса этого преступления. Даже фальсификация даты убийства (с 17 на 16), по-видимому, имела определенный смысл. Итак: Ленин и Свердлов как будто первый раз слышат, читают телеграмму из Екатеринбурга:

«Председателю Совнаркома тов. Ленину, председателю ВЦИК тов. Свердлову.

Из Екатеринбурга, у аппарата президиум обл. Совета рабоче-крестьянского правительства.

Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия ЧК большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи точка документы в наших руках точка постановлению президиума областного совета в ночь на 16 июля расстрелян Николай Романов точка семья его эвакуирована в надежное место По этому поводу нами выпускается следующее извещение ввиду приближения контрреволюционных банд красной столице Урала и возможности того запятая что коронованный палач избежит народного суда скобки раскрыт заговор белогвардейцев пытавшихся похитить его самого и его семью и найдены компрометирующие документы будут опубликованы скобки президиум областного совета выполняя волю революции постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова запятая виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа в ночь на 16 июля 1918 года приговор этот приведен исполнение семья Романова содержащаяся вместе с ним под стражей интересах охраны общественной безопасности эвакуированы из города Екатеринбурга точка Президиум облсовета точка просим ваших санкций редакции данного документа документы заговора высылаются срочно курьером Совнаркому и

* Первое известное нам убийство боевик П. Ермаков совершил в 1907 году в лесу, в окрестностях Верхне-Исетского завода (см. его воспоминания), и не исключено, что именно в Коптяковском лесу.

⁴ Б ы к о в П. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926, с. 117.

ЦИК извещение ожидаем у аппарата просим ответ экстренно ждем у аппарата...»

Документы о большом белогвардейском заговоре, которые упоминаются в телеграмме, и есть уже известные нам фальшивки Войкова. Именно их большевики в случае чего готовы предъявить сомневающимся из своего лагеря, а если понадобится, и всему миру. Но дальше события развиваются очень круто, и в таких фальшивках необходимость отпадает. А затем наступает время, когда большевикам ничего не надо доказывать, достаточно просто декларировать свою правоту.

А тогда, на всякий случай, на основании только телеграммы, без изучения каких-либо документов и создания комиссии по изучению обстоятельств дела об убийстве бывшего главы государства президиум ВЦИК одобряет это преступление:

«Протокол № 1, выписка из заседания ВЦИКа от 18.7.1918. Слушали: сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга).

Постановили: По обсуждении принимается следующая резолюция ВЦИК в лице президиума (сюда входили 10 человек, в том числе Свердлов Я. М., Аванесов В. А., Розинь (Азис) Ф. А., Смидович Г. Г., Сосновский Л. С., Теодорович Г. И., Розенгольц А. П.—О. П.) признает решение облсовета правильным. Поручить тт. Свердлову, Сосновскому, Аванесову составить соответствующее извещение для печати. Опубликовать об имеющихся во ВЦИК документах дневник, письма. Поручить т. Свердлову составить особую комиссию для разбора».

В газете «Уральский рабочий» во вторник, 23 июля 1918 года, в статье г. Сафарова «Казнь Николая Кровавого» повторяется та же версия убийства, обильно разбавляемая большевистской демагогией о царстве справедливости, свободы и правосудия.

Официальное сообщение разносит на весь мир ложь о том, что расстрелян только «Николай Романов, а семья эвакуирована в надежное место». Более того, большевики продолжают вести официальные переговоры об отъезде семьи казненного Николая Второго за границу.

Эта же версия распространялась и в самом Екатеринбурге. Для симуляции увоза царской семьи 20 июля из Екатеринбурга в Пермь в отдельном вагоне

с особыми мерами охраны и специально афишируемой секретностью были вывезены Шнейдер, Гендрикова, камерлакей Волков и некоторые другие приближенные царской семьи. Все они были расстреляны в лесу возле Перми (Волкову, к счастью, удалось бежать⁵). В 20-х числах июля Голощекин в поезде на Петроград вел разговор о царской семье. И явно с намерением, чтобы его «подслушали», произнес такую фразу: «Теперь дело с царицей улажено». В том смысле, что она жива и находится в надежном месте.

В самом Екатеринбурге первое сообщение о казни царя делается 21 июля в городском театре во время «митинга по текущему моменту». Выступают Голощекин, Сафаров, Толмачев. При извещении о казни царя в театре раздаются крики ужаса и некоторые выбегают вон. Кстати говоря, дом Ипатьева охраняется, как будто там кто-то находится вплоть до 21 июля.

Первоначально большевики планировали представить убийство царской семьи как гибель во время эвакуации. Это следовало из телеграммы, отправленной из Екатеринбурга 17 июля около 9 часов вечера, найденной и расшифрованной следователем Н. А. Соколовым (недавно она была выставлена на аукционе Сотби): «Москва. Секретарю Совнаркома Горбунову обратной проверкой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации»⁶. Но, по-видимому, у них что-то сорвалось, и версия о гибели царской семьи во время эвакуации не была использована.

В организованном порядке липа распространяется за границей. Сосновский, Войков и им подобные подготавливают целый пакет дезинформации о судьбе царской семьи.

В газете «Нью-Йорк таймс» появляется статья некоего К. Аккермана, который со слов якобы спасшегося слуги Николая Второго рассказывает о последних днях царя. За день до казни царя, пишет Аккерман, над городом летало множество аэропланов и кидали бомбы. 15 июля Николая Второго пригласили на заседание Уралсовета, где вынесли

⁵ Свердловский партийный архив, ф. 41, о. 1, д. 149, л. 269.

⁶ Соколов Н. Убийство царской семьи. Берлин, 1925 г., с. 248—249.

ему смертный приговор и дали три часа на прощание с семьей.

Дальше хочется процитировать целый отрывок из этой статьи: «Николай Александрович не возвращался долго, почти два с половиной часа. А когда вернулся, был очень бледен, подбородок его нервно дрожал.

— Дай мне, старина, воды,— сказал он мне. Я принес, и он залпом выпил большой стакан.— Что случилось? — спросил я.— Они мне объявили, что через три часа я буду расстрелян,— ответил мне царь.

Вскоре после возвращения Николая Второго с заседания к нему пришла Александра Федоровна с цесаревичем, оба плакали, царица упала в обморок, и был призван доктор. Когда она оправилась, она упала на колени перед солдатами и молила о пощаде. Но солдаты ответили, что это не в их власти».

Дальше Аккерман пишет, что, попросившись с близкими, царь сказал: «Теперь я в вашем распоряжении...» Царя взяли и увели, никому не известно куда, и только ночью он был расстрелян двадцатью красноармейцами».

На следующий день пришел председатель Уралсовета и сказал: «Граждане Александра Федоровна и Алексей Романов, вы будете увезены отсюда, вам разрешается взять самое необходимое не свыше 30—40 фунтов»⁷. Судя по некоторым подробностям жизни царской семьи в последние дни, письмо было составлено теми, кто участвовал в убийстве, вероятно, Пинхусом Войковым. Чуть позже похожая липа была помещена в «Нью-Йорк трибюн» за подписью Г. Бернштейна, где он, ссылаясь якобы на судью Сергеева (он первым вел расследование этого убийства), заявил, что погиб только царь, а семья осталась жива⁸. Эта липа еще долго поддерживалась в западной печати.

Внутри страны слухи об убийстве всей царской семьи расценивались как анти-советская пропаганда и преследовались вплоть до расстрела. В 1920 году по обвинению в клевете были расстреляны несколько эсеров за распространение слухов об убийстве большевиками царской семьи. Впрочем, из эсеров готовили «козлов отпущения» в том случае, если

злодейство будет открыто. Предполагалось состряпать процесс и обвинить в убийстве царской семьи левых эсеров. Неофициально слухи об этом распространялись специальными органами.

Факт убийства всей царской семьи был признан большевиками только в середине 20-х годов.

АЛАПАЕВСКОЕ ЗЛОДЕЙСТВО

Передо мной лежит большой лист пожелтевшей бумаги — постановление о переводе великих князей в г. Алапаевск: «...Нам объявлено и мы нижеподписавшиеся обязуемся быть готовыми к 9^{1/2} часа утра для отправки на вокзал в сопровождении члена Уральской областной чрезвычайной комиссии 19 мая 1919 года»¹.

И подписи (крупные, аккуратные):
Елизавета Федоровна, настоятельница
Марфо-Мариинской обители милосердия
Князь Иоанн Константинович
Княгиня Елена Петровна
Князь Константин Константинович
Князь Игорь Константинович
Князь Владимир Палей
Сергей Михайлович Романов.

Всем подписавшимся (кроме Елены Петровны) предстоит крестный путь и мученическая смерть в шахте под Алапаевском.

Единственная «вина» этих людей состояла в том, что они принадлежали к фамилии Романовых. Никто из них не принимал участия в управлении страной.

Елизавета Федоровна (род. 1864 г.), родная сестра царицы, жена великого князя Сергея Александровича. После убийства ее мужа боевиком-террористом Каляевым приняла монашеский постриг, стала настоятельницей Марфо-Мариинской обители милосердия, одним из духовных руководителей движения благотворительности в России. Добрые дела настоятельницы обители стали известны не только в стране, но далеко за ее пределами. Ей предлагали уехать из России, но она отказалась, чтобы продолжать свое дело в любых условиях.

⁷ Свердловский партийный архив, ф. 41, о. 1, д. 149, л. 261—264.

⁸ Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. Джорданвилль, 1981.

¹ Свердловский партийный архив, ф. 41, о. 1, д. 149, л. 30.

Пунктуация и орфография в материалах, предоставленных из архивов, не меняются.

Князь Иоанн (р. 1886 г.), Константин (р. 1890 г.) и Игорь (р. 1894 г.) Константиновичи были сыновьями великого князя Константина Константиновича, известного русского поэта, писавшего под псевдонимом «К. Р.», дружившего с Достоевским, Чайковским, Фетом, Гончаровым и многими другими выдающимися деятелями русской культуры.

Восемнадцатилетний князь Владимир Павлович Палей, поэт, был сыном великого князя Павла Александровича от морганатического брака.

Великий князь Сергей Михайлович (р. 1869 г.) ничем особенно не знаменитый, известный своими либеральными взглядами.

...Сегодня Алапаевск — город, удивительно запущенный (впрочем, как и многие уральские города). Пыльные, даже грязные улицы, обветшавшие дома, изуродованный почерневший собор в центре города (десятки лет при Советской власти здесь была пекарня). В магазинах — хоть шаром покати. Самое крупное предприятие в городе — станкозавод — славно тем, что продает свои станки в Японию... на металлолом. А ведь в начале века это был город с перспективами. Алапаевское кровельное железо с клеймом «старый сибирский соболь» имело мировую славу. Считалось, что оно могло «простоять» на крыше более 100 лет, не ржавея. За свои изделия алапаевский завод неоднократно получал награды на всероссийских и всемирных выставках. В 1912 году Алапаевск был соединен железной дорогой с Нижним Тагилом и Екатеринбургом².

В 1905 году в Алапаевске создается Совет, председателем которого становится Ефим Соловьев. Осенью этого же года сюда приезжает Свердлов для налаживания боевой организации. Свердлов и Соловьев создают боевую дружину, куда, кроме Соловьева, входят Бессонов Г. Д., Ладейщиков Д. Н., Глухих И. Г., Павлов С. А. и др. Как и другие дружины, алапаевцы были хорошо вооружены, делали бомбы и были готовы выполнить любое задание партии. Летом 1906 года Свердлов снова прибывает в Алапаевск и проводит ряд встреч с боевиками.

Побывал Свердлов и на Верхне-Синячихинском заводе рядом с Алапаевском. Здесь была тоже создана тайная боевая

организация, возглавляемая Перовским В. Д.

В Алапаевске, как и в Екатеринбурге и Перми, боевики в 1905—1907 годах становятся костяком партийной организации. К моменту прибытия в Алапаевск великих князей в городе устанавливается диктатура ЧК. Из Екатеринбурга постоянно поступает оружие: винтовки и револьверы, только на Верхне-Синячихинский завод поступило 250 винтовок.

На фотографии, сделанной в мае 1918 года, позируют все комиссары. Посередине начальственно развалился Г. П. Абрамов (из боевиков, но не местных) в фуражке и френче, с бородкой «под Дзержинского». Подкручивает усы Ефим Соловьев, зам. Абрамова, комиссар юстиции; рядом его «кореш» по лихим делам Глухих И. Г. — комиссар по конфискации имущества буржуев; Говырин Н. П. — небольшого роста, в шляпе, похожий на ковбоя, в скором времени займет кресло председателя ЧК; Павлов С. А. — военный комиссар; Смольников А. А. — комиссар по промышленности; Останин — комиссар по коммунальному хозяйству; Перминов — секретарь исполкома³.

Соловьев, Говырин, Глухих, да и не только они, ходят по городу с оружием, наводят революционный порядок. По ночам арестовывают людей. Соловьев лично застрелил местного священника — отца Удинцева⁴. «Однажды Соловьев и Глухих, — рассказывает их соратник П. Ветлугин, — зашли в местный клуб в разгар бальных танцев сынков алапаевских кулаков, торговцев, зажиточных мещан. Посмотрев на танцующих барских бездельников, Ефим Андреевич изрек: «Всех разгоню к чертовой матери».

Идет беззастенчивый грабеж имущества зажиточных жителей города. Расхищенное распределяется между партийными активистами и членами их семей.

В Алапаевске великих князей разместили в недавно построенном здании Напольной школы, названной так, поскольку она располагалась на окраине города возле поля. Здание небольшое, одноэтажное, с широкими окнами. Входим через главный ход. Широкий коридор, по левую сторону классы. В 1918 году в угловую комнату-класс поместили Ели-

³ Фонды Алапаевского краеведческого музея.

⁴ Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. Джорданвиль, 1981, с. 142.

² Экспозиция музея в Алапаевске.

завету Федоровну с монахиней Варварой, рядом Сергея Михайловича с его личным врачом Ремезом Ф. М. В остальных комнатах-классах поселили по двое великих князей. Школа была обнесена высоким деревянным забором. Узники входили со двора. За князьями наблюдали одетые в штатское сотрудники ЧК. Первое время им разрешалось посещать церковь, магазины, базар и даже гулять по полю. Однако это было недолго. В июне режим был резко ужесточен, превращен в тюремный. Предоставим слово «пламенному» революционеру П. Ветлугину, оставившему записки под названием «Алапаевская партийная организация КПСС в борьбе за построение социализма и коммунизма»⁵. «Все время, — пишет он, — великие князья занимались антисоветской деятельностью. Прикидывались очень набожными. Выпросили у Алапаевского исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов построить часовню во дворе школы*. В часовне князья по утрам и вечерам «молились». Громко распевали псалмы и молитвы. Делалось это для того, чтобы привлечь симпатии верующих. И действительно, местная буржуазия, кулачество ближайших деревень и алапаевские мещане наблюдали, как «усердно молятся» князья, выражали им свое сочувствие. По городу пошли слухи о «мучениках» за веру православную, попавших в руки «безбожников большевиков».

«Насколько гуманным и даже предупредительным было отношение алапаевской советской власти к Романовым, — продолжает старый большевик Ветлугин, — видно и по такому факту. По их просьбе князьям отпустили инструменты и достали семян различных цветов. Романовы сделали клумбы, посадили цветы. Но и цветоводство было организовано князьями для замаскированной антисоветской агитации (выделено мною. — О.П.). Глядя сквозь щели в забор школы, как князья орудуют лопатами и лейками, антисоветские элементы умилялись! Говорили: «вот князья царского рода, а какие простые». «За что их только мучают изверги большевики». Всем этим агитационным «религиозным» и «цветоводческим» спектаклям

⁵ Фонды Алапаевского краеведческого музея (альбом Ветлугина).

* Скорее всего Ветлугин путает. Часовня, наверное, находилась при школе с самого начала, еще до приезда великих князей. Так говорят и старики.

пришел конец. Алапаевскую ЧК возглавил активный член партии с 1905 года Николай Павлович Говырин. Дело пошло активнее»⁶.

Примерно 20 июня охрана великих князей была заменена. Караул стал осуществляться вооруженным отрядом Алапаевского союза молодежи, возглавляемым А. Серебряковым. Устанавливается новый порядок. Князьям запрещается ходить не только по городу, но и по двору. Прогулки во дворе разрешаются только поодиночке и не более 2 часов в день. После 10 часов все должны быть в своих комнатах. Узнав о новых порядках, великий князь Сергей Михайлович в разговоре с начальником караула Федотовым возмущенно протестует: «Вы вводите тюремные, издевательские порядки».

Он пишет жалобу в Екатеринбург и, в частности, заявляет: «Не зная за собой никакой вины, ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима. За себя и за моих родственников, находящихся в Алапаевске. Сергей Михайлович Романов».

В тот же день Ефим Соловьев запрашивает Екатеринбург:

«Военная. Екатеринбург. Област. Совет. Считать ли прислугу Романовых арестованными давать ли выезд основание 4227 Алапаевский Совдеп Отправитель Е. Соловьев».

Ответ Белобородова гласил:

«Алапаевск Совдеп. Прислугу ваше усмотрение выезд никому без разрешения Москву Дзержинского Петроград Урицкого Екатеринбург Облсовета точка Объявите Сергею Романову что заключение является предупредительной мерой против побега ввиду исчезновения Михаила Перми Белобородов».

Так по «нотам», цинично разыгрывается очередной акт уральской трагедии. У великих князей отбирают вещи, деньги, одежду и обувь, оставляют самую малость, питание резко ухудшается.

Состояние, которое испытывали заключенные в Напольной школе, лучше всего выражают стихи одного из узников — князя Владимира Палея, написанные им еще в Вятке:

Немая ночь жутка. Мгновения ползут.
Не спится узнику... Душа полна

страданья;

Далеких, милых, прожитых минут
Нахлынули в нее воспоминанья...

⁶ Там же.

Все время за окном проходит часовой,
Не просто человек, другого

стерегущий,
Нет, — кровный враг, латыш, угрюмый
и тупой,

Холодной злобой к узнику дышущий...
За что? За что? Мысль рвется из души.
Вся эта пытка нравственных страданий.
Тяжелых ежечасных ожиданий
Убийств, грозящих каждый миг в тиши,
Мысль узника в мольбе уносит высоко...
То, что гнетет кругом, так мрачно
и так низко...

Родные, близкие так жутко далеко,
А недруги так жутко близко⁷.

Из-за недостатка питания князя вынуждены были обращаться к окрестным крестьянам, которым время от времени разрешают приносить продукты — яйца, овощи, хлеб.

...Я сижу на лавочке возле старенького рубленого дома вместе с Марией Артемовной Чехомовой (82 лет), крестьянкой тех мест. Ее дом находится в 100 метрах от Напольной школы, здесь прошла вся ее жизнь. В 1918 году родители неоднократно посылали ее отнести великим князьям чего-нибудь покушать.

— Бывало, мама соберет в корзиночку яичек, картошечки, шанечек напечет, накроет сверху чистой тряпочкой и посылает меня. «Ты, — говорит, — по дороге им еще цветочков, ноготочков нарви».

— А часто к ним пускали?

— Нет, не всегда, но если пускали, то часов в одиннадцать утра. Принесешь, а охранники у ворот не пускают, спрашивают: «К кому ты?» — «Вот, матушкам покушать принесла». — «Ну ладно, иди!»

Матушка выйдет на крыльцо, возьмет корзиночку, а у самой слезы текут, отвернется, смахнет слезу. «Спасибо, девочка милая, спасибо!»

Когда последний раз я была у них, матушка вышла, взяла корзинку, попросила подождать. Через несколько минут вернулась, возвращает корзинку (она так всегда делала), а в ней что-то лежит.

— Нам немного жить осталось, помните нас, — говорит матушка. А у самой слезы из глаз.

Прибежала я домой с корзинкой. Достали из нее сверточек, который матушка положила, а там отрез на платье, розовая ткань. Хоть и небогато мы жили,

а мама говорит, отнеси обратно. Прибегаю, а калитка уже закрыта, не пускают.

Ночью стрельба, взрывы, крики «Имай, имай!». Люди на конях гоняют. Я проснулась, вижу, родители к окну приникли и смотрят...»

За окном проходил последний акт злодейского спектакля. С одной стороны несколько беззащитных людей, с другой — десятки вооруженных до зубов головорезов.

Акция была спланирована заранее. Для ее исполнения прибыл зампред Уралсовета, уже известный нам Сафаров. Оперативное руководство осуществлялось председателем Алапаевской ЧК Говыриным, комиссаром юстиции Соловьевым, председателем Алапаевского совдепа Абрамовым, секретарем исполкома Перминовым. От Верхней Синячихи в акции участвовали партийный вождь Перовский Вячеслав Дмитриевич, а также Плишкин Николай Степанович и Черепанов Иван Емельянович⁸. Предположительно, именно они подсказали место для убийства.

Кто совершал убийство? Участвовал весь большевистский актив Алапаевска. Как рассказывают старики, все участники убийства при белых спрятались на боровском болоте и в кукайском ельнике. Бандитствовали семейными кланами Абрамовы Г. П. и И. П., Говырины Н. П. и В. П., Серебряковы А. А. и И. П., Старцевы И. С. и П., Кабаковы Г., М. Н. и И., Останины М. Ф. и П. Ф. ...В этих же лесах и болотах прятались Соловьев, Глухих и другие комиссары.

В полдень 17 июля чекисты отбирают у великих князей последние вещи и велют им подготовиться к переезду в Верхне-Синячихинский завод. Когда стемнело, к Напольной школе подъехало 10—11 телег. На них рассадили узников. Ехали тихо. По дороге встретили несколько крестьян, которые потом дали свидетельские показания.

Поздно ночью подвезли к месту убийства. Оно было расположено недалеко от пересечения трех дорог — на Алапаевск, Верхнюю Синячиху и Нижнюю Синячиху. Шахта, которую выбрали убийцы, находилась в 70—80 метрах от дороги на Нижнюю Синячиху и примерно в 120 метрах от дороги на Алапаевск. В 1918

⁷ Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. Джорданвиль, 1981, с. 136.

⁸ Об участии жителей В. Синячихи в убийстве и о некоторых подробностях убийства сообщено директором местного музея Кайдаловым С. Г., который знает об этом из рассказов старого чекиста Гурьева В. Д.

году дорогу от шахты отделяла большая поляна, покрытая редкой порослью мелких кустарников, правее шахты тянулись пашни, огороженные жердями.

Шахта представляла собой колодец глубиной около 20 метров. Стенки колодца, сложенные из толстых деревянных плах, тогда были еще крепки. Внутри колодца по средней линии в вертикальном направлении были устроены узкие мостки (палаты), соединяющиеся между собой лесенками⁹.

У перекрестка уже стояли вооруженные люди, ближайшие окрестности были оцеплены. Великих князей подвезли к шахте. Ссадив с телег, их стали жестоко избивать (позднее это установила медицинская экспертиза). Через шахту была перекинута доска-бревно. Убийцы выбрали для своих жертв особенно мучительный вид смерти. Великих князей заставляли идти по этой доске и прыгать вниз в глубокий 20-метровый колодец. По рассказам чекистов, великий князь Сергей Михайлович оказал сопротивление. Он схватил за полу пиджака верхнесинячихинского большевика Плишкина и чуть-чуть не увлек его за собой, оборвав полу его пиджака¹⁰. Его убили выстрелом в голову.

Скинув великих князей в шахту, «пламенные» революционеры забрасывают их ручными гранатами, а затем заваливают бревнами и разным хламом.

Как писал в своих воспоминаниях «Алапаевская парторганизация в период построения социализма и коммунизма» большевик П. Ветлугин: «Уральский обком партии и областной Совет депутатов трудящихся, посылая группу князей, были уверены, что алапаевская парторганизация и жители города не дадут этому черному воронью разлететься по заграницам... Алапаевцы с честью оправдали оказанное доверие»¹¹. Впрочем, эти строки будут написаны в 50-е годы, а мы с вами «вернемся» в восемнадцатый.

Тем временем на улицах Алапаевска соратники убийц разыгрывают фарс с увозом. У Напольной школы инсценируется «бой с белогвардейцами». По тревоге поднимаются красногвардейские отряды, их стрелковые цепи с оружием наперевес движутся в сторону Напольной школы. Позднее красноармеец Носонов

⁹ Свердловский партийный архив, ф. 41, 0.1, д. 149.

¹⁰ См. сноску 8.

¹¹ Фонды Алапаевского краеведческого музея (альбом Ветлугина).

рассказал: «Часу в третьем ночи на 18 июля у нас в казарме подняли тревогу: наступают белогвардейцы. Мы наскоро собрались, оделись, вооружились. Нас повели к Напольной школе и близ нее рассыпали нас цепью. В цепи мы пролежали с полчаса, а затем мы подошли к самой школе. Никакого врага мы не видели... Комиссар Смольников стоял на крыльце школы, матерился и говорил нам: «Товарищи, теперь попадет нам от Уральского областного Совета за то, что князьям удалось бежать: их белогвардейцы увезли на аэроплане...»¹² Возле школы был найден труп человека с крестьянскими натруженными руками. Красные заявили, что это и есть один из банды белогвардейцев. Во время следствия выяснилось, что, по сценарию убийц великих князей, этот человек должен был выполнить роль «морышки». Чекисты заранее арестовали его на Салдинском заводе и держали в тюрьме до дня инсценировки «увоза» князей, пристрелив во время «боя» в качестве доказательства истинности нападения.

Рано утром 18 июля Алапаевск, Екатеринбург и Москва продолжали свою игру. Открытым текстом Алапаевск шлет в Екатеринбург телеграмму следующего содержания (Екатеринбург делает вид, что ничего не знает): «Военная. Екатеринбург. Уралуправление. 18 июля утром два часа банда неизвестных вооруженных людей напала Напольную школу где помещались великие князья. Во время перестрелки один бандит убит и видимо есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев бандиты бежали по направлению к лесу задержать не удалось розыски продолжаются Алапаевский исполком Абрамов Перминов Останин».

По получении этой телеграммы в тот день вечером Екатеринбург телеграфирует в Москву (Москва делает вид, что ничего не знает).

«Сборная. /

Москва два адреса Совнаркома Председателю ЦИК Свердлову

Петроград два адреса Зиновьеву Урицкому.

Алапаевский исполком сообщил нападение утром восемнадцатого неизвестной банды помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья... Не-

¹² Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. Джорданвиль, 1981, с. 136.

смотря сопротивление стражи князя были похищены точка Есть жертвы обеих сторон поиски ведутся точка 4853 Предоблсовета Белобородов».

В то время, когда идет эта фальшивая переписка, великие князья еще живы и будут жить несколько дней (это позднее установит медицинское вскрытие). Шахта находится не так далеко от дороги, и проезжающие крестьяне порой слышат голоса, стоны, иногда раздается пение псалмов, молитвы. Верхнесинячихинские старики рассказывают, что к шахте некоторое время никого не подпускают. На следующий день «пламенные» революционеры делают попытки добить свои жертвы — второй раз убивают их! Вниз кидают крупные камни, бревна. Но шахта уже сильно завалена, и у них ничего не выходит. Снизу по-прежнему несутся молитвы и пение псалмов. Великая княгиня Елизавета Федоровна, несмотря на тяжелые ранения, имела силу воли побороть свою боль и перевязала голову князя Иоанна Константиновича своим носовым платком.

На третий день председатель ЧК Говырин берет у местного фельдшера большой кусок серы, революционеры зажигают его и бросают на дно шахты, забрасывают досками и бревнами, засыпают землей, то есть третий раз убивают свои жертвы¹³.

Следственной комиссии белой армии, занявшей Алапаевск 28 сентября, сразу же удалось обнаружить шахту, а в ней тела жертв, находившиеся на разной глубине. Первым 8 октября 1918 года подняли тело Ф. С. Ремеза; 9 октября — тела монахини Варвары и князя Палея; 10 октября — тела князей Константина и Игоря Константиновичей и Сергея Михайловича; 11 октября — тела великой княгини Елизаветы Федоровны и князя Иоанна Константиновича. В карманах убитых были их документы. На груди великой княгини Елизаветы Федоровны висела икона Спасителя, подаренная ей Николаем Александровичем перед отречением от престола¹⁴. Хотя с момента убийства прошло почти три месяца, тела почти не подверглись разложению.

Их положили в гробы и сначала поставили возле Напольной школы¹⁵. А

¹³ См. сноску 8.

¹⁴ Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. Джорданвиль, 1981, с. 140.

¹⁵ Сообщение Чехомовой М. А. (р. 1908 г.).

Святой благоверный Царь Мученик Николай.

затем от школы привезли к Алексеевскому собору, где после торжественного отпевания похоронили в склепе собора.

При отступлении Белой армии гробы с телами мучеников были перевезены в Восточную Сибирь, а оттуда в Пекин, где их предали земле в Свято-Серафимовском храме, относящемся к Русской духовной миссии в Китае. Гроб с телом великой княгини Елизаветы Федоровны вместе с гробом инокини Варвары перевезли позднее в Иерусалим, где похоронили в усыпальнице русского монастыря Марии Магдалины в Гефсиманском саду¹⁶.

Некоторые убийцы великих князей были пойманы — Абрамов, Соловьев, Старцев. При допросе, желая спасти свою шкуру, они рассказали очень много, что называется, заложили своих соратников, особенно усердствовал Соловьев (потом он утверждал, что его пытали). В спешке отступления белые забыли о Соловьеве, и он остался жить. В 20-е годы он продолжает свою деятельность по линии «революционной юстиции», но в 30-е — числится зав. мастерскими тагильского племсовхоза. В 1937 году арестован соратниками по духу, дальней-

¹⁶ Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. Джорданвиль, 1981, с. 141.

Св. преподобномученица Великая Княгиня Елизавета.

Св. мученица Царевна Татьяна.

Олег ПЛАТОНОВ. Убийство царской семьи

шая судьба неизвестна *. В 50—60-е годы его именем названа одна из улиц в Алапаевске. Имя еще одного палача, Перминова, носит другая улица Алапаевска. Перминов погиб в 1919 году, и, видимо, чтобы подчеркнуть его особую роль в этом убийстве, улицу рядом с Напольной школой называли его именем. Кстати, площадь рядом с Напольной школой вплоть до настоящего времени именуется площадью Народной Мести.

Сегодня старая дорога из Алапаевска заброшена. Мы ехали к шахте по новому заасфальтированному шоссе. Свернули налево к Верхней Синячихе. И вот мы уже у места. Редкий лес — сосны и березы. Помните, в Коптяковском лесу было больше берез, чем сосен, здесь наоборот. Много лесных цветов, краснеет крупная земляника. От шоссе к шахте ведет натопанная тропинка. Шахта давно осыпалась. Яма стала пологой. Можно спуститься вниз метра на четыре, а дальше все засыпано землей. Кое-где виднеются остатки деревянных конструкций...

* Кроме Соловьева, соратниками по духу во второй половине 30-х были уничтожены и некоторые другие участники убийства, в частности, Смольников А. А., Глухих Г. В.

РАССТРЕЛ В ПЕТРОГРАДЕ

Последним актом спланированного в центре сценария убийства членов царской фамилии стал расстрел в Петропавловской крепости в Петрограде известного историка, великого князя Николая Михайловича, а также великих князей Павла Александровича, Дмитрия Константиновича и Георгия Михайловича. Они были расстреляны как «заложники» за убийство в Германии немецких коммунистов К. Либкнехта и Р. Гольдман-Люксембург. Конечно, это был только формальный повод. «Пламенные» революционеры спешили закончить затянувшийся «спектакль». 27 января 1919 года великих князей вызвали во двор и убили без предъявления каких-либо обвинений.

УБИЙСТВО ПАМЯТИ

Всю жизнь убийц переполняет гордость за содеянное. Они пишут свои воспоминания, спорят между собой, у кого больше заслуг в этом злодеянии. К десятилетию убийства готовятся юбилейные торжества. В 1926 году выходит книга

П. М. Быкова «Последние дни Романовых», дававшая официальную трактовку событий. Художнику заказывают огромную парадную картину о передаче Романовых в руки Уралсовета*. На ней в жалком виде представляют царскую чету и победоносными героями членов Уралсовета. Площадь перед домом, где было совершено злодеяние, получает новое название — площадь Народной Мести.

Однако юбилей отменяется свыше, а «героям» велят держать язык за зубами. Распоряжение исходило от самого Сталина. Почему? Да потому, что, как мы уже говорили, многие организаторы и исполнители убийства были сторонниками Троцкого, ярого врага Сталина. Сафаров, Сосновский, Белобородов, Дидковский да и сам Голощекин пользовались симпатией Льва Давидовича. Тем более, именно в 1927 году, когда готовится юбилей, почти все поименованные лица слетают со своих постов, некоторые даже исключаются из партии.

На документах и воспоминаниях посвященных судьбе царской семьи, устанавливается гриф «секретно». Можно, конечно, говорить о казни Романовых, но без злодейских подробностей и не упоминая организаторов. В Ипатьевском доме размещают музей революции, одна комната (та самая подвальная) в нем посвящена казни царской семьи, даже выставлены некоторые вещи. Над лестницей, ведущей в подвальную комнату, вешают юбилейную картину. Старики рассказывают, что в 20—30-е годы их водили сюда «как в зверинец». Посещение места убийства входило в программу воспитания подрастающего поколения, а почетными воспитателями были старые большевики, подобно Юровскому и Ермакову. На пионерских кострах после песни «Взвейтесь кострами...» выходил полупьяный Ермаков и с видом героя рассказывал о своих подвигах. Юровский на встречах со старыми большевиками раскрывал секреты чекистского мастерства. Оказывается, делился он опытом, самое идеальное оружие убийства тех лет — это маузер, с ним «можно было хорошо работать».

Злодейские «идеалы» палачей проходят через всю жизнь участников убийства царской семьи. Значительная их часть, как мы уже видели, становится руководителями разных карательных ор-

* Весьма знаменательно, что сейчас эта картина находится в фондах музея Свердлова в г. Свердловске.

ганов и ГУЛАГа, используя весь накопленный опыт.

Вполне закономерным стало использование шахт, как места массовых расстрелов и захоронения людей. А чтобы скрыть следы, засыпают шлаками, заливают кислотой. Таким местом стала, например, шахта в районе Золотой (Лысой) горы на Южном Урале. Здесь в 30-е годы были умерщвлены многие тысячи человек. Предметы, найденные археологами, наталкивают на мысль, что жертвы не знали, что их ждет смерть. Позднее, чтобы скрыть место убийств, сюда завозили шлак, известь, сливали отработанную кислоту и щелочь. Во время расстрелов шахта оцеплялась войсками НКВД. Ермаков П. З., бывший в 20-х — первую половину 30-х годов зам. начальника ГУЛАГа Уральской области, мог быть доволен — его опыт массового убийства использовался на сто процентов.

В конце 50-х и в 60-е годы, по мере возрождения национального сознания, все чаще и чаще поднимается вопрос о судьбе царской семьи. Злодейство начинает осознаваться во всей его наготе и чудовищности. К местам убийства членов царской семьи настоящее паломничество. Протаптываются тропинки туда, куда они, кажется, давно заросли. Люди идут не только к Ипатьевскому дому, но и к шахте в Коптяковском лесу, к штольне в окрестностях Алапаевска.

В день убийства люди, принося сюда цветы, читают молитвы, склоняют головы в осознании трагедии поруганного Отечества.

Но наследники Свердлова, Голощекина и Юровского не собираются сдавать своих позиций. Ими задумывается еще одно убийство царской семьи. На этот раз убийство памяти.

Новому убийству предшествуют «письма трудящихся» в ЦК КПСС с просьбой пресечь монархическую демонстрацию возле Ипатьевского дома. Дети Юровского тоже пишут письма в высшие инстанции, требуя пресечь «подлую клевету» на светлую память их отца. Их возмущает распространение слухов, что их отец был репрессирован как троцкист. Эти письма сохранились в архиве. Я листаю их. Сын Юровского — Александр, контр-адмирал, напирает на особые заслуги отца, подчеркивает, что тот лично расстрелял царя¹⁷. Что же это такое, следует из

¹⁷ Свердловский партийный архив, ф. 221, о. 2, д. 497, л. 14—19.

письма, отец совершил героический подвиг, а никак не увековечен. Явно, чтобы восполнить этот пробел, друг семьи Юровских Яков Резник пишет одну из самых фальшивых и лживых книг своей эпохи — повесть «Чекист». В ней палач, убийца и садист представлен в образе идейного порядочного человека. Исторические события в повести сознательно фальсифицируются. Более тонкой, но не менее лживой фальсификацией событий стала книга М. К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз». Судя по всему, она была написана по указанию сверху и в сотрудничестве со спецорганами. Цель книги — дать выгодную для наследников Свердлова, Голощекина и Юровского интерпретацию событий. Интерпретацию, более подходящую к новым историческим условиям. Книга Быкова для этого уже не годилась.

Убийство памяти — снос дома Ипатьева — осуществляется за несколько дней, в сентябре 1977 года. На место сноса свозятся камни и щебенка. По мнению старожилов, это делается для того, чтобы постепенно засыпать место убийства, до неузнаваемости изменив само окружающее пространство.

Странное совпадение. Но в конце 70-х — начале 80-х годов принимается решение о «реконструкции» здания бывших «Королевских номеров» в Перми, где последнее время находилась театральная гостиница. В результате этой «реконструкции» остаются только стены здания. При «реконструкции» выяснилось, что все перекрытия, балки, несущие конструкции были в отличном состоянии и не существовало необходимости их уничтожать. Выломав внутренности здания, «реконструкторы» успокоились. Уже длительный срок здание стоит без крыши. Кирпичная кладка впитывает влагу и разрушается. Не

удивлюсь, если через некоторое время это здание снесут под предлогом опасного аварийного состояния.

И еще одно «совпадение»: примерно в то же время под Алапаевском в пятидесяти метрах от шахты, где были убиты великие князья, роется огромная траншея для закладывания силоса. Землю из траншеи бульдозер сдвигает прямо к шахте, частично засыпав ее и воздвигнув рядом настоящую гору.

В здании бывшей Напольной школы — развлекательный центр. В комнате, где была заключена великая княгиня Елизавета Федоровна, устроен видеосалон, там, где находились князья, — дискотека (для этого из двух комнат сделали одну, разобрав стену), еще в одной комнате оборудуется бар.

Итак, делается попытка убить память об этих событиях. Случайно ли это? Конечно, нет. Перед нами показатель того, что идеология убийства и ненависти к российским святыням по-прежнему жива.

Город Екатеринбург, тысячи улиц и площадей в других городах и поселках страны носят имя убийцы и палача Свердлова. В том же Свердловске есть улицы убийц Голощекина и Ермакова, в Перми — убийцы Иванченко, в Алапаевске — убийц Соловьева и Пермитина. Прах палачей покоится в почетных местах у памятников «Героям Революции» на лучших кладбищах — Новодевичьем (убийца Марков) и Донском (убийца Юровский) в Москве.

А прах их жертв до сих пор не найден и не похоронен по-человечески, по обычаям страны. Признать это положение нормальным — это еще раз уступить убийцам. Ведь речь идет о главе Российского государства и его близких. А значит, о национальной чести и достоинстве России. Сохранились ли эти чувства в нашей душе?

ПРАВДА И ЛОЖЬ О ГРИГОРИИ РАСПУТИНЕ

Распутинщина... Распутиниада... Имя Григория Распутина всегда было для нас нарицательным. Мы и сегодня связываем его со всем, что представляет из себя невероятную злобу и презрение, фальшь и распущенность.

Кому и зачем необходимо было создать и в течение многих десятилетий поддерживать стандартное представление о нем как об исчадии ада, человеке абсолютно аморальном и корыстном?

Каков же на самом деле он, настоящий Распутин?

Узнать об этом вы сможете, став первыми читателями книги

«Жизнь за царя».

Документальная повесть Олега Платонова «Жизнь за царя» впервые выйдет отдельной книгой в одном из номеров журнала «Россияне» во 2-м полугодии 1992 года.

ПРОСПЕКТ МИРА

Основан
в январе 1991 г.

♦ МОЛОДЕЖНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

«Поверх всяких российских есть одна незабываемая РОССИЯ» — этими словами Н. Рериха открывается очередной номер молодежного еженедельника «Прспект Мира», выходящего в Калининграде под учредительством производственной компании «Алькор». Не скроем, нам весьма приятно было познакомиться с этим пока совсем молодым изданием, которое редактирует Нукри Юшко, директор Центра эстетического воспитания имени Елены Рерих. Все его содержание проникнуто неподдельной, искренней заботой о нашем Отечестве, тревогой за нынешнее состояние духовного мира молодежи, настойчивым стремлением пробудить человека в человеке, приобщить его к нашей великой истории, вернуть ему веру в будущее.

Авторы издания находят много неизвестных примеров из жизни россиян, русского зарубежья, неспешно ведут рассказ об их высокой нравственности, духовной чистоте, извечном стремлении к добру и любви. Согласитесь, сегодня в сплошных нигилистических порывах многих изданий стремление преподнести побольше «чернухи», странных самораскассий уже эта позиция выглядит достаточно смелой, заслуживает уважения.

Так, еженедельник предлагает своим читателям уникальное издание середины прошлого века «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия». Свежим, неизбитым языком здесь повествуется о древних славянских обычаях, народных верованиях. В разделе «Славянский базар» рассказывается о русских обрядах домашней жизни, буднях и праздниках наших предков. Рубрика «Истоки» посвящена материалам о духовном просвещении и благотворительности Русской Православной церкви, которые основаны на заповедях Христа Спасителя: «Научать истинам веры приходящих в церковь» и «Творить милость ближним и дальним». Это тем более отрадно, что 1992 год объявлен ЮНЕСКО Всемирным годом Святого Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, который неоднократно и при жизни своей, и духом своим спасал Россию.

Конечно, большая часть публикаций «Прспекта Мира» рассказывает о духовной сокровищнице планеты — наследии семьи Рерихов. Здесь неведомые широкому читателю публикации из музеев, частных коллекций, репродукции редких картин. Гармонично «уживается» среди глубоких аналитических материалов детская страница «Подсолнух». На ней, конечно, сказки, ребусы, шуточные стихи. И от этого не так унылой да невеселой видится сегодняшняя жизнь.

Словом, хочется искренне приветствовать появление нового молодежного издания, авторы и создатели которого добрыми глазами смотрят на прошлое и настоящее, ведут своего читателя к миру в душе и вокруг нас.

Адрес редакции: 236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.

Индекс 51571.

СВЯТАЯ БЛАГОВЕРНАЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

АННА (ИРИНА). 1050 г.

10 ФЕВРАЛЯ

Святая благоверная княгиня Ирина была старшей дочерью мудрого шведского короля Олафа Скетктунга, прозванного «всехристианнейшим королем» за огромные услуги, оказанные им христианству в его стране.

Супруга его королева Астрида также была известна своим умом и добротой. Святое крещение королевская семья приняла в 1000 году. Кн. Ирина носила на своей родине имя Ингдигерды. Вопреки обычаю того времени воспитывать детей у родственников она выросла в своей родной семье и получила исключительное для того времени образование: она изучила литературу, историю и религию. Она пользовалась с ранних лет большой свободой, участвовала в общественной жизни своей родины, путешествовала и принимала кого хотела. Это была молодая девушка, полная ума и доброты, смелая, предприимчивая, имевшая большое влияние на всех, кто имел с ней дело.

В 1016 году она вышла замуж по воле своего отца, искавшего ей мужа, «который был бы достоин его дружбы», — за великого князя Киевского Ярослава Мудрого. В приданое она получила г. Ладогу и «Ингерманландию», то есть нынешнюю Петербургскую губернию, названную так по ее имени. Став русской великой княгиней с именем Ирины, она всей душой отдалась интересам своей новой родины и стала верной помощницей и советницей своего мужа. Однажды, когда возмутилась наемная норвежская стража и просила великую княгиню быть посредницей между ними и великим князем, она согласилась, но предупредила их прямо, что будет защищать исключительно интересы своего мужа. Влиянию великой княгини Ирины надо приписать и добрые отношения, установившиеся тогда между Скандинавскими странами и Россией. Она приютила у себя в Киеве изгнанных сыновей короля английского Эдмунда — Эдвина и Эдуарда — и принца Магнуса Норвежского, которого вернула на родину только тогда, когда убедилась, что норвежцы отдадут ему отчий престол и будут уважать его права.

Когда против великого князя Ярослава восстал брат его князь Мстислав Тмутараканский, великая княгиня Ири-

на предложила Мстиславу решить спор единоборством с ней, но Мстислав ответил, что он с женщинами бороться не привык, и уступил брату.

Великая княгиня Ирина была матерью семи сыновей и трех дочерей. Из сыновей ее наиболее известны четверо старших: старший св. благ. князь Владимир Новгородский, причисленный к лику святых Русской Церкви (память его 4 окт.), и следующие за ним братья его: Изяслав Киевский, Святослав Черниговский (княжившие поочередно в Киеве), память которых местно чтилась в Киеве; и Всеволод Переяславский — отец Владимира Мономаха — родоначальник великих князей и царей Московских.

О высокой христианской нравственности великокняжеской семьи свидетельствует знаменитая проповедь Митрополита Киевского Илариона, который, обращаясь к покойному уже св. великому князю Владимиру (1015 г., память его 15 июля), говорит так: «Взгляни на сноху твою Ирину, взгляни на внуков и правнуков твоих, как они живут, как Бог их хранит, как они соблюдают веру, которую ты им завещал, как они восхваляют имя Христово».

В Киеве св. Ирина основала первый женский монастырь во имя св. великомученицы Ирины и по обычаю того времени должна была не только заботиться о нем, но и управлять им. Сохранилась часть стены одного из строений этого монастыря. Двор великого князя Ярослава жил то в Киеве, то в Новгороде. В 1045 году он отправился в Новгород на закладку каменного собора во имя Софии, Премудрости Божией, воздвигаемого кн. Владимиром, старшим сыном великокняжеской четы. В Новгороде же 10 февраля 1050 года великая княгиня Ирина скончалась, приняв постриг и имя Анны. Это был первый постриг в великокняжеском доме. Она покоилась рядом с сыном своим Владимиром, строителем собора, скончавшимся через два года после нее. День памяти ее, 10 февраля и 4 октября, вместе с сыном ее св. князем Владимиром, был установлен после знамения, бывшего Новгородскому архиепископу Евфимию в 1439 году. Письменный памятник XVII века свидетельствует об обильных чудесах, истекавших от их святых мощей.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ГОЛГОФЕ

Февраль

7.2. 1918. Первомученик митрополит Владимир (Богоявленский) Киевский и Галицкий (род. в 1848 г.). Зверски убит недалеко от Киево-Печерской лавры. Перед расстрелом владыка благословил своих убийц со словами «Господь вас да простит». Тело мученика-святителя найдено (раздетым) на другой день: две смертельные пулевые раны и три раны штыком. Прот. Иоанн Восторгов (убит 23.8. 1918): «Народ наш совершил грех... а грех требует искупления и покаяния, а для искупления прегрешений, для пробуждения его к покаянию всегда требуется жертва, а в жертву всегда избирается лучший, а не худший. Вот где тайна мученичества старца-митрополита».

«Я никого и ничего не боюсь. Я во всякое время готов отдать свою жизнь за Церковь Христову и за Веру Православную, чтобы только не дать врагам Ее посмеяться над Нею. Я до конца буду страдать, чтобы сохранилось Православие в России, там где оно началось» (Из слов митрополита Владимира 12 декабря 1917 г.).

14. 2. 1918. Протоиерей Петр Скипетров, Скорбященской церкви за Невской заставой — убит при возвращении с Епархиального собрания. Красногвардейцы пытались проникнуть в Александро-Невскую лавру. О. Петр обратился к красноармейцам с увещанием не производить насилий над верующими.

15. 2. 1918. Расстрелы крестных ходов в Туле и Харькове (в связи с «Декретом» и гонениями на Церковь).

В Туле ранен епископ Корнилий и много др. лиц, убито 13 человек.

20. 2. 1924. Свящ. Вячеслав Лашков убит в с. Зеньковка Никольско-Уссурийского уезда Приморской обл. Обличал безбожие и насилие большевиков с амвона. Убит наповал из засады.

22. 2. 1918. Расстрел толпы верующих при реквизиции имущества Белгородского подворья (Пермская епархия).

23. 2. 1922. Декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей.

29. 2. 1932. Арест иеромонаха Сергия Ляпунова (не старше 25 лет). Служил в ц. Киновии Петрограда, по самому строгому монастырскому уставу. Вскоре пришла весть о его смерти в ссылке.

Февраль 1921 г. Свящ. Владимир Селивановский был расстрелян при подавлении крестьянского восстания. Служил в селе Камышевка Ялutorского уезда Тобольской губернии.

Февраль 1919 г. В г. Юрьеве топорами изрублено 17 священников и епископов. Большевики бросали их в свалочное место, отрезали им носы и уши, одевали в женскую одежду и заставляли танцевать; вставляли папиросы в рот изображениям святых, устраивали вместо панихид бесовскую свистопляску и т. д.

Февраль 1931 г. В Одессе одновременно было арестовано около 30 священников. Заключены в загородную тюрьму. Отсюда вызывали в НКВД и под пытками заставляли подписать заготовленные ложные показания.

ХРОНИКА

НЕОБЪЯВЛЕННЫХ УБИЙСТВ

Три года назад его имя стало широко известным. Когда общественность только начинала заниматься увековечением памяти жертв репрессий периода культа личности, двадцатичетырехлетний студент-заочник Московского историко-архивного института Дмитрий ЮРАСОВ ездил по стране и читал лекции о механизме сталинского террора. Откуда же материал, до сих пор хранящийся за семью печатями в архивных анналах различных ведомств? С этого вопроса и начался наш разговор.

— Наверное, каждый рано или поздно обращал внимание: у очень многих людей, чьи биографии составляют ныне гордость отечественной истории, жизнь обрывалась в 1937-м, 38-м, реже — в 39-м годах. Заметил это и я, лет десять назад, когда учился в школе. Обычное любопытство переросло в настойчивую заинтересованность, побуждающую к действию. Выписывал эти имена, пытался добывать какие-то сведения, но, в общем, безуспешно. Нельзя было верить рассказам, не подтвержденным документально. Оставался единственный путь — архивы. После школы в институт не пошел, а начал работать в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР. Там взял минимум материала. В 82-м призвали в армию, в Прибалтику, в десантные войска. На втором году службы, используя личное время, взялся за составление картотеки. Тогда же, по ночам, писал роман «Братья Кагановичи», основываясь на уже имеющихся у меня данных. Однако работу мою быстренько рассекретили, рукопись изъяли, а после увольнения в запас о случившемся стало известно в Москве. Но, несмотря на это (эпоха гласности и демократии еще не настала, был конец 1984 года), удалось, едва я снял

форму, восстановиться в ЦГАОРе, в отделе обеспечения сохранности документов. Вскоре понял, что такая работа, не предусматривающая доступа к источникам, дать ничего не может. Куда идти? Два месяца оформлялся на должность архивариуса в объединенный архив Военной Коллегии Верховного суда СССР. Потом приступил...

— Судя по некоторым публикациям о тебе, тот период оказался очень плодотворным и не менее скандальным: все закончилось твоим увольнением — сначала из архива, а чуть позже — из Историко-архивного института. Что же произошло?

— Я имел вторую форму допуска — к делам, помеченным грифом «совершенно секретно». Первая и третья формы означали соответственно документы особой важности и просто секретные. Знакомился с многочисленными делами, в том числе и с теми, которые касались реабилитации репрессированных. Читал и удивлялся: реабилитационные документы юридически не являются секретными, но тем не менее все они сопровождались этим грифом. С ними никого не знакомили, выдавали только реабилитационные справки и свидетельства о смерти, скрывавшие собой суть дела.

— То есть?

— В 1954 году КГБ принял совершенно секретную инструкцию о медицинском освидетельствовании смертей осужденных. В компетентных кругах она называлась «47 болезней». В ней значились 47 причин смерти — от перитонита до острой сердечной недостаточности, которые надо было раскидывать на справки о реабилитации. Ведь что означал приговор «10 лет без права переписки»? Только расстрел. А высшую меру наказания требовалось скрыть. Вот почему, когда началась реабилита-

ция и органы видели, что была применена ВМН, через местные загсы — по месту жительства репрессированного — выдавались свидетельства о смерти, инспирированные КГБ. Дата смерти, значившаяся в выдаваемых документах, приходилась в основном на годы Великой Отечественной войны, чтобы, наверное, особо не травмировать родственников.

Недавно я разговаривал с Данутой Альфредовной Столярской, дочерью расстрелянного. Она живет в Москве. Надеюсь узнать хоть что-то о судьбе отца, пошла в Военную Коллегию Верховного суда. Там ей сказали: «У нас следственного дела нет, оно в КГБ». Однако хранящегося у них реабилитационного дела не показали. Выдали лишь подробную справку. А в архиве КГБ ответили, что не имеют права ничего показывать, иначе с работы снимут. Вот какова ситуация на сегодняшний день.

— Насколько я знаю, справка о деле репрессированного, выдававшаяся в 50-е годы, по содержанию существенно отличается от теперешней.

— Отличие в том, что в ней стало говориться о судьбе человека. Текст более человечный, если сравнивать со справками, выдаваемыми тридцать лет назад. Но он не несет никакой информации о самом деле, следствии.

— Поэтому, знакомясь с «совершенно секретными» делами, ты предпочел действовать нелегально?

— А что оставалось? Исписывать одну за другой секретные тетради и все копить в себе? Напрасный труд. И когда я взялся заполнять вместо этих тетрадей собственные блокноты, прекрасно понимал, чем рискую. Ведомственные инструкции нарушал сознательно. Прошло полтора года. Дома скопилось примерно сто блокнотов, вынесенных из архива. А однажды пришел на работу и обнаружил: в кармане рабочего халата блокнота нет. Вытащили. В тот же день предложили: или уходишь сам, или мы тебя увольняем по статье «за недоверие». Так все закончилось.

Перед зимней сессией 86-го года я не мог принести в институт справку с места работы. Не брали ни в один архив, даже в объединенный архив загса Москвы. Тогда подрядился в грузчики — надо было на что-то жить. И пошло-поехало: парфюмерная фабрика «Новая заря», комбинат «Изве-

стей», ГПЗ-2, а последнее место — «Мосфильм». Тем временем прежний декан факультета архивного дела подписал приказ о моем отчислении.

— Ты апеллировал куда-либо?

— Не пытался. Как мне рассказывали, в институте ситуацию истолковали по-разному. Кто-то меня поддерживал, а кто-то полагал, что я специально всеми правдами и неправдами зарабатываю себе авторитет, делаю имя, чтобы вскорости уехать на Запад и там за огромные деньги реализовать свою картотеку.

— Где ты числишься сейчас?

— Внештатно сотрудничаю с издательством «Советская энциклопедия» и являюсь лектором Волгоградской филармонии — там находится трудовая книжка. Это официально. По-прежнему в архивы не вхож, пользуюсь той информацией, которую собрал в картотеку. В ней почти 300 тысяч имен безвинно пострадавших во время сталинского террора.

Несмотря на то, что я проделал огромную работу, порой ощущаю ее ненужность: ведь ничего нового не открыл, все это есть у нас, надо лишь обнародовать. Никто не докажет мне, что дела подвергшихся репрессиям самых простых граждан (оставим сейчас Берию с его многочисленным штатом подручных) по каким-то причинам нельзя предать гласности.

— Дмитрий, ты — один из немногих, кто уже способен оказать помощь родственникам репрессированных, стремящихся любой ценой узнать о судьбах дорогих им людей. Мы с тобой беседовали несколько дней, и все это время телефонные звонки срывали тебя с места. На редкий из них ты отвечал: «Не знаю, помочь, к сожалению, не могу». После завершения в ноябре прошлого года в ДК МЭЛЗ «Недели совести» на твое имя пришло четыре тысячи писем. Ответить на все физически невозможно, да еще при твоей занятости. Что посоветуешь тем, кто пока не вошел с тобой в контакт?

— Важно иметь представление, куда следует обращаться. Если у разыскивающего нет даже реабилитационной справки, нужно знать, когда именно и какое управление НКВД арестовало человека. Где происходил арест, там, как правило, и велось следствие. Даже если его везли расстреливать в тюрьму, дело потом все равно возвра-

шалось на место. В картотеке первого спецотдела МВД содержатся абсолютно все сведения.

— Ну, а допустим, справка о реабилитации имеется?

— Тогда проще. На ней указано, кем она выдана. К примеру, Красноярским областным судом. Там могут дать более подробную справку. А само следственное дело должно находиться в управлении КГБ по Красноярску и Красноярской области.

— Давай подробнее поговорим о твоей картотеке и лекциях, с которыми ты выступаешь в разных городах.

— Картотека — основа будущего мартиролога, который мне очень хочется издать. Она представляет собой собрание персональных карточек репрессированных с 1928 по 1953 год — до окончания сталинского правления. Это рубленая, сигнальная информация: фамилия, имя, отчество, даты рождения и смерти (или ареста), место работы, должность, год вступления в партию, когда репрессирован и реабилитирован. Получилась как бы хроника массовых необъявленных убийств. Но жертвы не уходят бесследно. Миллионные цифры складываются из единиц. Каждый человек имел свою биографию, свою судьбу — вот что нам важно сегодня знать.

В картотеке значатся в основном рядовые, безвестные люди. Репрессивный аппарат косил их беспощадно. Они составляли значительную массу тех, кто работал в лагерях. Наиболее часто их брали по десятому пункту 58-й статьи — «антисоветская агитация и пропаганда». В народе эту формулировку трансформировали в одно слово — «болтовня».

Что же касается лекций... В них я пытаюсь дать целостное представление о системе террора, частично привязывая содержание выступления к тому региону, области или городу, где нахожусь.

Первые дела, с реабилитационными материалами по которым мне довелось ознакомиться, связаны с процессами 1928 года. В мае — июле коллегия ОГПУ вместе с Верховным судом впервые проводит крупномасштабный открытый процесс в Колонном зале Дома союзов по «шахтинскому делу». Во вредительстве обвинялись специалисты горнорудного дела с большим дореволюционным опытом работы. Именно они приложили неимоверные усилия, восстанавливая после разрухи

шахты и рудники. Было их около 60 человек. Люди безоговорочно признали свою вину, разумеется, испытав перед этим физическое воздействие. Потом начиная с 1930 года — процессы «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», которой, как выяснилось, никогда не существовало. Ее придумали воспаленные умы сталинских приспешников, чтобы обвинить известных ученых-аграрников в неудачах с коллективизацией. По делу «ТКП» репрессировали свыше 200 тысяч человек — цифра до тех пор небывалая.

— Известно, что беззакония подкреплялись юридически. Например, Уголовным кодексом 1926 года.

— В разработке этого УК, самого жестокого за всю историю уголовного законодательства, непосредственно участвовал Н. В. Крыленко, являвшийся тогда председателем Верховного трибунала, прокурором РСФСР. В 1938-м он сам попал в эти жернова.

В кодексе значилось 46 «расстрельных» статей. 58-я содержала 14 пунктов, десять из них в качестве наказания предполагали высшую меру социальной защиты — смертную казнь. Не существовало таких деяний, которые бы не покрывала собой 58-я. Те, кто приговаривался по одному из десяти пунктов к расстрелу, не имели права подавать ходатайство о помиловании в ЦИК. Вот тебе и юридическая основа. Ни о каком прокурорском надзоре речи не велось. Прокуратура была просто придатком НКВД.

Ужесточение Уголовного кодекса не единственный шаг в начальном периоде репрессий. В 30-е годы стали один за другим приниматься антигуманные, бесчеловечные акты законодательного значения, подписанные Калининым, Енукидзе, Молотовым, другими государственными и партийными деятелями.

— Ты можешь их назвать?

— Самые основные — да.

7 августа 1932 года принимается Указ о расхищении социалистической собственности. Расхищение госимущества рассматривается как политическое преступление. При отягчающих последствиях Указ предусматривал применение ВМН, при смягчающих — 10 лет лагерей.

10 июля 1934 года. Постановлением ЦИК и СНК образован ГУЛАГ. Актом законодательного значения ут-

верждена лагерная система (исправительно-трудовые лагеря и поселения).

1 декабря 1934 года. Убит Киров. В тот же день принято постановление ЦИК о рассмотрении дел по подготовке и проведению террористических актов. Все заведенные дела должны были рассматриваться в десятидневный срок без участия свидетелей. Подсудимый лишался права на защиту. Обязательный приговор — расстрел.

7 апреля 1935 года. Постановление ЦИК и СНК «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Предусматривалась уголовная ответственность с 12-летнего возраста с применением всех мер наказания, вплоть до высшей.

27 июля 1936 года. Постановление ЦИК и СНК о запрещении в Советском Союзе аборт. Женщины и те, кто им помогал, проходили по 58-й статье — контрреволюционный саботаж. Они признавались социально опасными и получали срок от пяти до восьми лет. Отменено постановление в 1955 году.

10 августа 1940 года. Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о нарушителях трудовой дисциплины. Опоздавшие более чем на 20 минут и прогульщики карались сроком от нескольких месяцев до нескольких лет.

4 июля 1947 года. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о расхищении государственного и общественного имущества. Указ от 32-го года называли «семь восьмых», а этот — «четыре шестых», по датам. Максимальный срок — 25 лет. Высшую меру отменили 26 мая 1947 года и вновь ввели 12 января 1950-го.

— На февральско-мартовском Пленуме партии 1937 года Сталин говорил об усилении в стране классовой борьбы. «Я не могу назвать ни одного завода, фабрики или керосинной лавочки, где бы не было вредительства троцкистско-зиновьевского или бухаринского». Это слова «вождя народов». Мне кажется, они означали: идите, находите и расправляйтесь. И команда, мы знаем, выполнялась безукоризненно. Но каким образом? Ведь нужна была соответствующая структура и ее быстренько создали. Вся система репрессий осуществлялась через внесудебные органы — иначе террор был бы просто невозможен. Сказать о том, что все это делалось в обход закона,— значит, ни-

чего не сказать. Очевидно, имелась определенная концепция формирования репрессивного аппарата, который, убивая одних, вызывал страх у других, а третьи, как отмечают сейчас наши ученые-историки, вообще считали, что так и надо: уничтожаются действительно враги народа, изнутри подрывающие могущество державы.

— Аппарат террора был сформирован продуманно, я бы даже сказал, с изощрением. Особое место в истории эпохи репрессий занимает 1934 год. Я не имею в виду смерть Кирова, хотя тогдашнее правительство и органы госбезопасности поспекулировали на ней изрядно. Образовавшаяся летом того года система ГУЛАГа вскоре разрослась неимоверно. ОГПУ преобразовывалось в НКВД. На его базе появляется Главное управление госбезопасности (ГУГБ) по политическим делам. А на основе ГУГБ родилось секретно-политическое управление, занимающееся сбором агентурного материала для прокурора.

— А Особое совещание? Какова его роль?

— Его создало то же июльское постановление ЦИК и СНК 34-го года. Председателем ОСО был нарком внутренних дел или его замы. Членами ОСО — сотрудники ГУГБ.

Работало Особое совещание по весьма простой схеме: дознание — следственное заключение — постановление (приговор) ОСО. Тут же приговор и утверждался. Самого обвиняемого не вызывали, адвоката не было. Все делалось скоротечно, конвейерным способом. «Слушали...» — «постановили...» — и конец. В день «прогоняли» 300—400 человек.

Сам понимаешь, через гласный суд расправляться с людьми подобным образом не представлялось возможным. Поэтому и возникли такие внесудебные органы. Мы еще не учли «тройки» и «двойки».

— Что известно о них?

— Утвердила их секретная директива Ежова от 27 ноября 1936 года. Они создавались только на местах. В «тройку» входил, как правило, первый секретарь обкома партии, местный нарком внутренних дел, а также военный прокурор области или прокурор по спецделам, который по инструкции подписывал приговор. Прокурору полагалось даже присутствовать на расстреле. Обыч-

но приговоры приводились в исполнение ночью, точное время указывалось в документах.

«Двойка» — это постановление НКВД и Прокуратуры Союза. Она означала расстрел списком. Допустим, сразу сто человек обвинили в шпионаже в пользу буржуазной Латвии. Их вместе расстреливают, без суда и следствия.

В конце 1938-го «тройки» ликвидировали. Это связано с падением Ежова. Хотя, казалось бы, совсем недавно, в декабре 1937 года, когда отмечалось 20-летие органов ВЧК — ОГПУ — НКВД, Калинин вручал ему орден Ленина. Берия привел свой аппарат. Они физически уничтожили ежовцев — надо было убрать основных руководителей и исполнителей репрессий. Всю вину за содеянное свалили на областников-перегибщиков. Такой поголовный террор был уже нецелесообразен.

— Дмитрий, можно ли, основываясь на имеющейся у тебя информации, хотя бы приблизительно сказать о числе жертв репрессий 30-х годов?

— Думаю, точную цифру никто не назовет. Даже если специалисты досконально изучат каждый архивный листок. Нигде не зафиксировано колоссальное количество жертв организованного голода 32—33-го годов. Сколько высланных крестьян умерло в спецпоселениях? А кто считал погибших в период репрессий на территории Западной Украины, в Белоруссии, Прибалтике уже после их присоединения к Советскому Союзу?

Если воспользоваться результатами Всесоюзной переписи населения 1926 и 1939 годов, можно приблизительно установить масштаб человеческих потерь. В 1926-м демографы предполагали, что к следующей переписи население увеличится на 25 миллионов. Материалы переписи 37-го года уничтожили. А результаты переписи 39-го года сохранились. Она показала, что 25 миллионов прироста нет.

— Началась война, и объекты репрессий, очевидно, изменились?

— И притом существенно. Но прежде я хотел бы сказать вот о чем.

28 августа 1941 года появился подписанный «всесоюзным старостой» очередной Указ Президиума Верховного Совета СССР. Он еще больше развязал руки службистам из НКВД, поскольку дал «добро» на ликвидацию немцев По-

волжья. Причина? Есть, мол, агентурные данные о том, что вся республика готовится встречать немецких парашютистов в своей столице — городе Энгельсе. Около миллиона человек попали в лагеря и трудармии. Высылали в Сибирь, Среднюю Азию, на Дальний Восток. В газетах Указ не печатали. Он был полужакрытый, как мы теперь говорим, ДСП.

В военное время появились распространители слухов, антисоветские агитаторы, «окруженцы». Все они становились подопечными НКВД. Хватали виноватых и невиновных, не тратя много времени на выяснение: действительно человек провокатор или он — абсолютно честный гражданин, ставший жертвой доноса. В армии возникли особые отделы, руководимые СМЕРШем — армейской контрразведкой. Некоторые, правда, эту аббревиатуру расшифровывали не «смерть шпионам», а иначе: «советские методы разоблачения шпионов». Хотя в основном СМЕРШ занимался очень важным, опасным делом.

О судьбах военнопленных сейчас много говорится. После освобождения из фашистских концлагерей они попадали в наши проверочно-фильтрационные лагеря. Проверка там велась по всем мыслимым и немыслимым пунктам. Проверяемым предстояло доказать, что в плену они оказались, находясь в безвыходной ситуации, с врагом не сотрудничали, вели себя мужественно и стойко. Если это не удавалось, человек напрямую отправлялся в систему ГУЛАГа. После войны уже в наших лагерях оказалось примерно треть бывших военнопленных — около двух миллионов человек.

— Как ты намерен использовать свою картотеку в дальнейшем?

— Журнал «Даугава» печатал составленный мной мартиролог по репрессированным латышам. Редакция сама об этом просила. Больше ни от кого заявок не было, а навязываться не хочется.

В 1988 году издательство «Юридическая литература» предложило историку Эдуарду Белтову сделать книгу о жертвах репрессий, пообещав ее издать. Но у него было мало материала, и он обратился ко мне. Мой архив насчитывал тогда около 200 тысяч карточек. Работали целый год. Заключили договор. Рукопись сдали два года назад. Ее не одобрили, вернули обратно.

— Что представляет собою ваш труд?

— Задача состояла не в том, чтобы взять наобум часть карточек и включить их в книгу. Хотелось подготовить материал для будущих историков. Его ведь нет ни в журналах, ни в газетах. Были люди, а куда они делись — никто не знает. Допустим, когда работал директором завода такой-то человек или его предшественник, рассказать, что с ними стало, — вот главная моя цель.

Рукопись называется «1937. Только факты. Только имена». Это мартиролог, охватывающий предвоенные годы, — с 37-го по 41-й. 17 тысяч имен. Здесь, разумеется, не все, только часть. Но собран цвет нации.

— Деятели ранга Тухачевского, Блюхера, Косарева?

— И ниже. Каждая из пятнадцати глав посвящена определенной отрасли. Самая большая глава — «НКВД: механизм террора». Даем списки всех начальников областных управлений, то есть начальников «троек» на местах, непосредственно занимавшихся репрессиями.

— К сожалению, эти списки мы не сможем привести в предлагаемой нашим читателям главе. Чисто по техническим причинам. Они очень и очень длинные...

— Печально, но что поделаешь. Надеюсь, книга в полном объеме выйдет у нас в Союзе. Ее, уже разрекламированную, ждут миллионы людей...

Беседу вел Грант АПРЕСЯН

Дмитрий ЮРАСОВ

НКВД: механизм террора

Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД) как общесоюзный наркомат был образован постановлением Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР от 10 июля 1934 года.

Основными структурными подразделениями НКВД СССР были Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ), Главное управление пограничной и внутренней охраны (ГУПВО), Главное управление пожарной охраны (ГУПО) и Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений (ГУЛАГ).

ГУГБ было поистине «главным» управлением — в отличие от других ГУ, где назначались начальники. ГУГБ своего начальника не имело, и шефом его считался сам нарком внутренних дел. Таким образом, для советских людей понятие «органы», постепенно заменявшие все другие обозначения правоохранительных учреждений, сводилось именно к этому подразделению НКВД.

Первым народным комиссаром внутренних дел СССР стал бывший председатель упраздненного отныне ОГПУ Генрих Григорьевич Ягода.

Руководители органов государственной безопасности в союзных и некоторых автономных республиках, называвшиеся прежде полномочными представителями ОГПУ *, получили теперь статус народных комиссаров внутренних дел соответствующих республик. Немаловажная деталь: подчинялись эти наркомы не республиканским Советам народных комиссаров, а непосредственно наркому внутренних дел СССР.

В ноябре 1935 года были установлены персональные звания для командного и начальствующего состава НКВД — Генеральный комиссар госбезопасности (это звание, равное мар-

* Республиканские наркоматы внутренних дел были ликвидированы в 1930 году и заменены представительствами ОГПУ.

шальскому, получил нарком внутренних дел СССР Г. Г. Ягода), комиссар госбезопасности 1, 2-го и 3-го рангов, старший майор госбезопасности, майор госбезопасности (эти звания соответствовали званиям командарм 1-го и 2-го ранга, комкор, комдив и комбриг в воинской табели о рангах).

Список лиц, которым было присвоено звание комиссаров государственной безопасности 1-го и 2-го ранга, дает представление о том, «кто был кто» в высшем эшелоне руководства Наркоматом внутренних дел СССР к началу массовых репрессий.

Комиссары госбезопасности 1-го ранга: Агранов Яков Саулович — 1-й зам. наркома внутренних дел СССР; Прокофьев Георгий Евгеньевич — 2-й зам. наркома внутренних дел СССР; Балицкий Всеволод Аполлонович — нарком внутренних дел УССР; Дерибас Терентий Дмитриевич — начальник УНКВД по Дальнему Востоку; Реденс Станислав Францевич — начальник УНКВД по Московской области; Заковский Леонид Михайлович — начальник УНКВД по Ленинградской области.

Персональные звания в системе ГУГБ были введены несколько позже, чем в РККА, и это имело свой особый смысл, поскольку давало возможность приравнять более низкое звание в «органах» к более высокому званию в РККА. Например, капитан госбезопасности вовсе не был равен капитану общевойсковому. Понятно, что это давало неоспоримое преимущество работнику системы НКВД. Приведем сравнительную таблицу званий в РККА и ГУГБ НКВД СССР: Маршал Советского Союза — Генеральный комиссар госбезопасности; Командарм 1-го ранга — комиссар госбезопасности 1-го ранга; командарм 2-го ранга — комиссар госбезопасности 2-го ранга; комкор — комиссар госбезопасности 3-го ранга; комдив — старший майор госбезопасности; комбриг — майор госбезопасности; полковник — капитан госбезопасности; майор — старший лейтенант госбезопасности; капитан — лейтенант госбезопасности.

Сначала — о высшем в системе ГУГБ (и вообще НКВД) звании — Генеральный комиссар госбезопасности, равном, как видно из приведенной табли-

цы, званию Маршал Советского Союза. Первым его получил Г. Г. Ягода. Последним — Л. П. Берия. Примечательно, кстати, что ни один из обладателей этого звания не умер в своей постели...

Звания, которые теперь называют офицерскими, в ГУГБ начинались со звания «сержант госбезопасности», и это тоже имело свой особый смысл — казалось бы, что такое вообще сержант, но применительно к «органам» сержант было уже званием серьезным — перед ним и армейский майор трепетал...

Судьба вышеперечисленных лиц, которые характеризовались тогдашней прессой как «ближайшие сотрудники Г. Г. Ягоды», за немногим исключением сложилась однообразно — они были расстреляны в 1937—1939 годах, только начальник иностранного отдела ГУГБ А. А. Слуцкий умер в феврале 1938 года и был похоронен с официальными почестями, хотя в работах некоторых историков со ссылками на воспоминания очевидцев утверждается, что на лице покойного были заметны следы отравления цианистым калием. Пережил репрессии конца 30-х лишь один из ближайших ставленников Л. П. Берии — С. А. Гоглидзе, занимавший впоследствии высокие должности в органах безопасности и расстрелянный в итоге вместе со своим шефом в 1953 году.

Не попал в этот список и Георгий Иванович Благонравов, начальник Главного управления шоссейных дорог (ГУШОСДОР) НКВД СССР, которому звание «комиссар госбезопасности 1-го ранга» было присвоено некоторое время спустя *.

Некоторые из «ближайших сотрудников Г. Г. Ягоды» активно участвовали в следствии по громким делам начала 30-х годов. Так, например, Г. А. Молчанов был одним из тех, кто непосредственно занимался фабрикацией дел по так называемому «процессу Союзного бюро меньшевиков» (1931), а затем расследовал «дела» Зиновьева и Пятакова. Г. Г. Миронов как глава Экономического управления ОГПУ имел самое прямое отношение к фабрикации материалов по «процессу Промпартии» (1930).

* Активный участник Октябрьской революции Г. И. Благонравов с 1918 года служил в транспортных органах ВЧК—ОГПУ. В 1932—1934 годах был заместителем наркома путей сообщения СССР. Расстрелян в 1938 году.

Особого внимания заслуживает комиссар госбезопасности 2-го ранга Роман Александрович Пилляр, чье звание кажется явно не соответствующим занимаемой им в то время должности — (все-го лишь начальник областного, да к тому же и не очень значительного управления НКВД — обычно эту должность занимал майор или старший майор, реже — комиссар госбезопасности 3-го ранга. Можно предположить, что столь высокое звание ему было присвоено, так сказать, за старые заслуги — Р. А. Пилляр был одним из активных участников по захвату Б. Савинкова и на момент проведения операции занимал должность заместителя начальника контрразведотдела ОГПУ. В современной литературе (как исторической, так и художественной) достаточно подробно описана как эта операция, так и те, кто принимал в ней участие. Однако судьба этих чекистов известна далеко не всем — практически все они были расстреляны в 1937—1939 годах.

К ним нужно добавить уже упомянутого Р. А. Пилляра, а также еще одного участника операции — бывшего адъютанта Савинкова Леонида Шешеню-Адарского, задержанного чекистами и переведенного ими.

К моменту ареста в 1937—1939 годах большинство из названных лиц занимало крупные посты в НКВД, а А. Х. Артузов и С. Г. Гендин, перешедшие в военную разведку, были заместителями начальника Разведуправления Генерального штаба РККА (правда, Артузов имел к тому времени звание корпусного комиссара, а Гендин сохранил свое чекистское звание — старший майор госбезопасности). Что же касается Г. С. Сыроежкина, то он был арестован вскоре после возвращения из Испании, где был советником республиканской армии. Расстрелян в феврале 1939 года вместе с большой группой других работников НКВД.

Окончание следует

Любовь АРЕСТОВА

...НО СМЕРТЬ ОТМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Громкие процессы — о них много и подробно писали, о них известно все или почти все. Я же обращаюсь к судьбам рядовых граждан, попавших в водоворот страшных событий, совсем не причастных к борьбе за власть, жертвами которой стали многие именитые деятели партии и государства. Об этих, последних, пишутся мемуары и книги, хотя каждый из них был причастен к созданию уничтожившей их системы. Но пришло время поведать и о случайных жертвах. Возвратить добрые имена простым людям. Хотя бы полстранички об их судьбе.

Те, о которых пойдет рассказ, объединены одной ужасной несправедливостью: совсем невиновные, они были расстреляны немедленно после приговора. Роднит их нелепое, призрачное обвинение. Общей бедой является признание мифической вины: какие страдания пережили они прежде, чем оговорили себя в несовершенно?

Вот они, не имеющие праха.

Бывшие частички мироздания, неповторимые и уникальные. Крохотные звездочки Вселенной, растоптанные сапогом. Мы поднимаем их из небытия и

делаем всеобщим достоянием. Учтите, живущие...

«Красный террор» гулял по стране, собирая страшную дань. Постановление Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года «О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов» неукоснительно соблюдалось в той части, где говорилось о рассмотрении таких дел без участия прокурора и адвоката, о недопустимости обжалования приговора, подачи ходатайства о помиловании.

Приговор к смертной казни согласно этому постановлению приводился в исполнение немедленно.

Террорист — равнозначное смерти слово, не требовавшее никаких доказательств. И совсем необязательно быть террористом. Важно было другое: действовал «красный террор».

Морозным декабрьским днем 1934 года несчастный психопат Николаев убил не только Сергея Мироновича Кирова.

Пуля Николаева срикошетила в него самого и пошла гулять по матушке-России, сея смерть и плач. Лучшего повода для массовых репрессий трудно придумать. Убит любимец партии и народа — смерть врагам. Смерть! На долгие годы смерть...

1. Трусов Иван Иванович родился в 1885 году в г. Балашове Саратовского края. В партию большевиков вступил двадцатилетним и вместе с нею прошел весь путь проб и ошибок, побед и поражений. По праву ветерана полагал возможным высказывать свое мнение по различным вопросам, да и должность в редакции журнала «Советская торгов-

ля» заставляла определять свое отношение к событиям. Долгое членство в ВКП(б) — с 1906 года — не шутка. Многих партийцев знал Трусов, и многие знали его. Не один пуд соли съеден с товарищами, неудивительно, что Иван Иванович им доверял. И когда начались повальные аресты, он искренне недоумевал и верить в предательство не хотел. Не отказал, принял кое-какие личные бумаги от женщины, над которой висел дамоклов меч ареста. Это ли его сгубило или все равно он был обречен, как почти все партийные ветераны, ненужные верхушке свидетели неблагоприятных дел? Неизвестно, да и неважно сейчас.

Его арестовали 20 февраля 1936 года. Нетрудно представить себе, что пережил он до самого ноября месяца. С юности грезивший о революции, он, получалось, собственными руками в течение трудных и долгих тридцати лет готовил себе ужасную участь, лелеял и взращивал мученическую смерть и полное забвение — ни могилы, ни имени.

Взрастил.

Накануне очередного революционного праздника, 4 ноября 1936 года, без участия прокурора и адвоката Иван Иванович Трусов и с ним еще двое товарищей предстали перед судом. Трое судей за широким столом — Ульрих, Матулевич, Рычков, безучастная ко всему, безликая охрана и трое подсудимых — Трусов И. И., Хазин Г. Л., Стуков И. Н. (Хазин и Стуков реабилитированы). Вот такая собралась компания.

Трое против троих, но силы были неравными.

Только в 1990 году было реабилитировано 53 830 человек, необоснованно осужденных в годы репрессий. А сколько сгинуло их всего — унесенных жестоким ветром державных распрей. Рассказать о судьбах многих и многих невинноубиенных согласилась давний друг нашего журнала Любовь Арестова, широко известная как автор остросюжетных повестей «Поиск в тайге», «Последняя улика», «По факту исчезновения», «Приговор исполнению не подлежит» и других. Повесть Л. Арестовой «Новое расследование» впервые была опубликована в нашем издании в 1988 году.

Любовь Арестова родилась в Иркутске, окончила юридический факультет Иркутского государственного университета. Работала следователем, судьей. В настоящее время работает главным консультантом Верховного суда СССР.

Новое произведение Любви Арестовой «...Но смерть отменить нельзя», которое мы сегодня начинаем публиковать, — это не повесть и не роман, а скорее — краткий опыт документально-художественного исследования и осмысления судеб жертв сталинского режима. Это документ, который буквально потрясает трагической правдой каждой строки.

Трусов Иван Иванович признан был виновным в том, что «являлся активным участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей убийство С. М. Кирова и подготовлявшей в период 1933—1936 годов ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, был непосредственно связан с осужденными по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» Смирновым, Тер-Ваганяном, Каменевым и другими» (из приговора).

Ни одного конкретного факта антисоветской или террористической деятельности Трусову даже придумать не удосужились. Никто из лиц, в связях с которыми обвинялся Трусов, даже не допрошены по делу. Несколько показаний о том, что Иван Иванович в разговорах критиковал политику ВКП(б), внутрипартийное положение, мероприятия партии и Советской власти — этого хватило, чтобы Трусов и его това-

рищи были приговорены к расстрелу.

Коммунистический рай, который Иван Иванович Трусов добросовестно строил всю жизнь, разверзся и поглотил его без остатка.

Реабилитация имени пришла через полвека.

2. Шли судебные процессы. Все новой и новой крови требовала бесчеловечная система. Массовые митинги, массовые репрессии, массовые жертвы и палачи, массовые предатели и доносчики.

И все же. На мерзкой навозной куче порока вдруг вырастал и расцветал нежный цветок добра и жертвенной справедливости. Молчали и тем самым потворствовали убийствам многие большие люди и сами потом шли под топор. Но были другие. Те самые жертвенные люди — цветы, что не искали должностей и власти и отдавали жизнь, не в силах смириться и молчать.

Ночь 28 мая 1937 года была, наверное, теплой и звездной. С морозного января намаявшись в переполненных вонючих камерах, Георгий Данилович

Художник
Виктор Владимиров

Платонов, тридцатидвухлетний техник-строитель, вдыхал воздух тюремного двора полной грудью. А может быть, судьба подарила ему напоследок ароматный настой хвойного леса или запаха свежего сена, скошенного на березовой опушке леса. Пахло вокруг жизнью и свежей землей его могилы...

В эту ночь его расстреляли. Накануне был суд. И Платонов Георгий Данилович был признан виновным в том, что «с 1927 года являлся активным участником антисоветской троцкистской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 года злодейское убийство С. М. Кирова и подготовлявшей в последующие годы террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского правительства. В 1936 и 1937 годах писал и распространял листовки, в которых призывал к террористическим действиям против Сталина» (из приговора).

Никаким участником никакой организации Георгий Платонов не был. Просто он, выходец из семьи крестьян-бедняков, понимал, что в стране творится произвол. Свои мысли доверял в основном дневнику, и этот дневник, изъятый при аресте, послужил основной против него уликой. Он писал в дневнике, что неправильным считает отношение партии к оппозиции, что процесс над Пятаковым, Радеком и другими — не что иное, как расправа за инакомыслие. Дневнику доверил Георгий свое убеждение в том, что виновником процессов является Сталин, уничтожавший всех, кто не согласен с его политикой. Работников НКВД, слепо исполняющих волю правителя, он называл шакалами и зверями. Все это действительно было записано в дневнике. И лучше бы только бумаге верил Георгий! Но однажды, не выдержав, после процесса над Зиновьевым и Каменевым взволнованный Платонов поделился своими мыслями с приятелем. Мне известна фамилия этого человека, но я не стану называть ее, чтобы не позорить его потомков, которые, возможно, выросли честными людьми, не в пример предку.

Георгий Данилович Платонов был арестован только на основании заявления своего знакомого Л., в котором тот сообщал, что в разговоре с ним Георгий восхвалял заслуги Троцкого в революции, а после процесса над Зиновьевым и Каменевым был сильно расстроен, жалел их.

За такое вот «страшное преступление» по первому же доносу 29 января 1937 года Платонова схватили даже без санкции прокурора. Ордер на арест выписан месяц спустя, а постановление об избрании меры пресечения — в марте 1937 года. Все это время Платонов томился в тюрьме.

Никаких доказательств, кроме доноса и собственных дневников, в деле Платонова нет. Не ознакомили его с «делом», когда следствие закончилось. Просто направили тощую папочку в суд, и 27 мая 1937 года суд приговорил Георгия Даниловича к расстрелу. В ночь на 28 мая его и расстреляли.

Он не совершил никакого преступления, просто он был честным человеком.

Доброе имя Платонова Георгия Даниловича возвращено людям спустя полвека.

3. Смертный приговор Шахназарова Левона Баласановича слово в слово повторяет множество таких же нелепых обвинений. Общие трескучие фразы, похожие на заголовки дешевой желтой прессы, никаких конкретных фактов, никаких доказательств. И совсем нет вины.

5 апреля 1937 года суд признал Шахназарова виновным в том, что «он являлся с 1928 года активным участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 года злодейское убийство тов. Кирова С. М. и подготовлявшей в период 1934—1936 годов ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, оставаясь в последующее время на непримиримых троцкистских контрреволюционных позициях, поддерживал связь с террористами Бабаханом и Багдасаровым» (из приговора).

И не верьте тому, что гуманная власть якобы простила прегрешения первых революционных лет тем, кто оказался в свое время по ту сторону баррикад. Просто нужно было время и повод. Такой повод нашелся. Злодейское убийство Кирова. Как будто миллионы последовавших за ним убийств не были злодейскими, раз совершались по приговору.

Злодейство всегда остается злодейством — совершается ли оно одиночкой-маньяком или освящается целым государством.

В приговоре Шахназарову припомнили то, что он в 1918 году служил в дашнакской контрреволюционной армии.

За все это Левон Баласанович был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

В деле Шахназарова нет никаких доказательств его причастности к терроризму, к убийству Кирова или покушению на вождей партии и правительства. Не были террористами и люди, связь с которыми ставилась ему в вину. Багдасаров Константин Исаевич реабилитирован еще 27 июня 1957 года; за отсутствием состава преступления 13 марта 1958 года прекращено дело Бабахана Сергея Яковлевича. Никаких преступлений они не совершали и были осуждены необоснованно.

В суде Шахназаров пытался доказать свою невиновность, утверждал, что сфальсифицированы протоколы его допросов. Но где там! Чего можно было ждать от суда, какой справедливости или законности, если он перещеголял следствие, включив в приговор обвинение в участии в организации, осуществившей злодейское убийство Кирова. Это обвинение даже следователи НКВД не решились записать Шахназарову, настолько далек он был от Кирова и его убийц. Выйдя за рамки предъявленного обвинения, суд включил это в приговор!

Незаконный приговор в отношении Шахназарова Левона Баласановича, родившегося в г. Шуша в 1894 году, отменен, и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Он полностью реабилитирован. Точнее, реабилитировано его имя.

4. Начальник проектного сектора треста Кузбассуголь Яков Исакович Зайдман еще в 1935 году был исключен из рядов ВКП(б) за причастность к троцкизму.

Тогда-то и началось его неумолимое шествие к смертному приговору, вынесенному 2 марта 1937 года.

Проектировщик Зайдман был признан виновным в том, что «являлся активным участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей в декабре 1934 года злодейское убийство С. М. Кирова и подготавливавшей в период 1934—1936 годов ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Кроме того, он лично проводил под-

рывную работу в шахтах Кузбасса» (из приговора).

Слова-близнецы из тысяч приговоров, одинаковые, словно пули из одной обоймы. Издевательски одинаковые, как будто не предвидели и не страшились палачи ничего, даже суда потомков. Не думали, что мы поднимем эти приговоры и, поставленные в ряд, они своей нелепой трескучей одинаковостью будут лучшим доказательством судейского беспредела.

В судебном заседании Зайдман пытался заявить, что обвинение его ложно насквозь, что его заставили, силой вынудили дать ложные показания, что никакого отношения к терроризму, к убийству Кирова он не имел, что не совершал никаких диверсий. Яков Исакович был наивным до самого конца, до 8 марта 1937 года, когда пуля поставила точку над всеми его заблуждениями. Он был обречен с самого начала, а начало и определить трудно — то ли это было вступление в ВКП(б), то ли симпатии к Троцкому в 1924 году, то ли исключение из партии в 1935 году. Все эти события одинаково фатальны.

Когда истязатели Зайдмана и многих ему подобных дошли до самого края и судьбы их потребовались великому огороднику для унавоживания маниакальных идей, когда пришел черед работников НКВД Успенского, Жабрева и других предстать перед правосудием, они признались, что никакой контрреволюционной организации в тресте Кузбассуголь в действительности не было, что все дела, в том числе и на Зайдмана, были сфальсифицированы. Реабилитированы посмертно кузбасские «контрреволюционеры» Муралов Н. И., Майер Е. Р., Шахнович Р. С., Ежов С. И.

За отсутствием состава преступления прекращено дело Зайдмана Якова Исаковича, незаконный приговор в отношении его отменен. Но это случилось в 1990 году.

А тогда, 8 марта 1937 года, Якова Исаковича, тридцатилетнего проектанта, вывели из тюремной камеры и расстреляли. Стала жизнь человеческая существовать только в тоненькой папочке уголовного дела, и, когда пришло время собирать камни, мы говорим, что она не была напрасной.

5. «Предварительное расследование по делу Васильева проведено с нарушением закона, тенденциозно, по окончании его обвиняемый не был ознаком-

лен с материалами дела. Приговор вынесен только на основании данных предварительного расследования. В суде дело рассматривалось заочно, без вызова обвиняемого и свидетелей, без участия секретаря, о чем свидетельствует отсутствие в материалах дела и в архиве Верховного суда СССР протокола судебного заседания» (из протеста Генерального прокурора СССР по делу Васильева).

Вот по такому, с позволения сказать, делу 5 декабря 1934 года пенсионер Васильев Павел Владимирович, родившийся в селе Пичиничево Смоленской губернии и проживавший к моменту ареста на станции Болшево Московской области, был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал.

«Васильев признан виновным в том, что, являясь бывшим эсером, в 1932 году организовал контрреволюционную террористическую группу, ставившую своей задачей совершение террористического акта над Сталиным. Участни-

ки этой группы Румянцев, Поздняков и Бобров неоднократно обсуждали вопрос о практическом осуществлении террористического акта, предполагали совершить таковой во время парада на Красной площади или во время Всесоюзных съездов» (из приговора).

К смертной казни этим же приговором осуждены Румянцев А. И., Бобров Б. Д., Поздняков А. Н. (реабилитированы в 1958 году).

Дочь Васильева Ирина пошла в лагеря согласно постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 28 декабря 1934 года за связь с членами контрреволюционной группы, возглавляемой ее отцом.

Карающий меч революции без всяких формальностей снес головы террористам, обезопасив драгоценного вождя.

Из всей галиматьи, именуемой обвинением, правдой было только то, что Павел Владимирович в 1905 году был членом партии эсеров.

Еще при аресте у него были изъяты дневниковые записи, где критиче-

ски оценивалась политика коллективизации, высказывалась озабоченность положением крестьян.

Все. Остальное — сплошная и самая наглая ложь.

Никакой контрреволюционной группы, никаких терактов, да еще в отношении Сталина. Просто к дочери Ирине, тогда еще школьнице, забегали мальчишки, с которыми она училась в одной школе.

Румянцев, Поздняков, Бобров бывали в доме Васильевых — и только. Виделись, конечно, и с отцом девушки. Кто сочинил эту ужасную мистификацию о теракте? Можно подумать, что против вождя ополчились все — пенсионеры и школьники! И как могли они навредить Сталину, мальчишки и пенсионер со станции Болшево Московской области?

Никаких конкретных дел за ними не нашлось, и даже под пытками ничего конкретного придумать они не могли.

Васильев, правда, сказал, что с 1932 года стал воспитывать дочь Ирину, а также Румянцева, Позднякова и других ее товарищей в контрреволюционном духе. Вернее, так записано в протоколе, а говорил ли это Павел Владимирович — неизвестно.

За эти прегрешения Тырышкина арестовали 25 марта 1937 года. Это сейчас достоверно известно, почему полетели головы бийских товароведов, снабженцев и других работников Запсибснаббюта, откуда взялась контрреволюционная террористическая организация в далеком сибирском захолустье. Местное НКВД не желало отставать от всеобщего разоблаченчества. Чем хуже их родной Бийск и почему в нем не должно быть террористов, готовящих покушение «против руководителей ВКП(б) и Советского правительства»?

Нет уж, раз вся страна, от Москвы до самых до окраин, пронизана сетью террористов и диверсантов, то в Бийске они тоже должны быть. А коли их нет, невелика беда — сделаем. Решили и сделали. Не выдержав пыток, «заговорил» один из арестантов. Не будем называть его, видно, немалые муки принял он, прежде чем решился на огульные оговоры. Надеялся, наверное, что разберутся, потому и плел такую околесицу. Надежда была напрасной. Выжить ему удалось и, когда пришло время, нашел в себе мужество сказать, что не знал ни о какой контрреволюционной организации

и называл всех подряд сослуживцев, потому что прошел все стадии допросов и сопротивляться больше не было сил. Массовые репрессии — это массовые палачи, массовые жертвы. Его не расстреляли, но он тоже жертва, ибо всю жизнь кровь расстрелянных заливала его совесть. Слаб человек.

У Михаила Григорьевича Тырышкина была своя Голгофа. Тоже испытал все, что называется сегодня «незаконные методы допроса». Скромненько так — незаконные. Вначале он отрицал нелепые обвинения. Говорил, наверное, мол, подумайте сами, какой из меня террорист? Ну как, мол, я доберусь до руководителей ВКП(б), если и областное начальство не видел? Где он, Бийск, а где — Москва? Товаровед я, грамотешка малая, ни в каких партиях не состоял... Он говорил, а ему предъявляли не факты и доказательства, а стадии допросов. Одну за другой, одну за другой. И он сломался. Да, признал товаровед, состоял. Террорист я. Да еще на работе 15 июня провели ревизию и в акте написали, что на складах имели место случаи ненадлежащего хранения материальных ценностей и продукцию, бывало, отгружали нестандартную. Тут уж все. Обвинили Тырышкина, что он занимался еще и «вредительством в области товарооборота». И при всем при этом не предъявлено товароведу ни одного конкретного эпизода, ни одного факта, ни одного доказательства. По поводу вредительства в области товарооборота он даже не допрошен, нет никаких его объяснений.

Семь месяцев провел в тюрьме Михаил Григорьевич. Весна прошла, пролетело короткое сибирское лето, и уже глубокая осень настала.

30 октября 1937 года новосибирская тюрьма волновалась. Одного за другим вызывали узников в суд, поточным методом — быстренько, быстренько, эй, поторапливайся. Получил свои девять граммов, выходи — следующий!

Тырышкин был одним из тех, кого в этот злосчастный день суд приговорил к расстрелу. В тот же день, 30 октября 1937 года, приговор приведен в исполнение.

Товароведа Тырышкина расстреляли в новосибирской тюрьме как террориста и диверсанта. Он был не один на расстреле. В эту же ночь расстреляли многих его сослуживцев. И все они были невиновны. Реабилитировали всех. Ника-

кой террористической организации в Бийске вообще не существовало.

Честное имя Тырышкина Михаила Григорьевича возвращено через полвека.

6. Тот же судный день 30 октября 1937 года стал последним для еще одного работника Бийского отделения Сибснабсбыта. Собственно, к моменту ареста, а это случилось 25 апреля 1937 года, Нациевский Каэтан Иванович, двадцатипятилетний беспартийный белорус, родившийся в селе Осов в Белоруссии, работал уполномоченным лесосклада Восточно-Казахстанского облпотребсоюза. Но раньше-то служил в Запсибснабсбыте, а там волею НКВД формировалась группа террористов. Та же трагедия, что и с Тырышкиным, была разыграна с Нациевским. Схема одна и давно отработана: оговор — арест — пытки — признание.

Второй акт трагедии — суд.

А финал известен с самого начала — расстрел. Конечно, финал ясен для НКВД и суда, сам же обвиняемый не может поверить в реальность происходящего, и надеется, и ждет, что придут, извинятся перед ним, откроют тюремные

двери и будет прекрасной обретенная свобода.

Нациевского обвинили в том, что с «1935 года он состоял в контрреволюционной правотроцкистской террористической организации, существовавшей в Западно-Сибирском крае, участвовал в подготовке террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советской власти. Работая в оперативной группе Бийского отделения Сибснабсбыта, занимался вредительством в области товарооборота» (из приговора).

В чем заключались действия Нациевского в подготовке террористических актов над руководителями ВКП(б) и правительства — неизвестно.

Может быть, работая на лесоскладе облпотребсоюза, он подбирал дубину или осиновый кол для вождя народов? Или начинял порохом дрова, наивно полагая, что кремлевские палаты отапливаются бийскими чурбаками? Никакой не хватает фантазии. С вредительством в области товарооборота проще, там хоть была ссылка на злополучный акт ревизии от 15 июня 1937 года, стоивший жизни многим работникам. Но

опять же, ссылаясь на акт ревизии, ни следствие, ни суд не сказали ничего о том, какое отношение к нему имеет Каэтан Иванович Нациевский. На первых этапах допросов он держался, все отрицал. Но опытные специалисты дело свое знали, и Нациевский в конце концов признался, что был террористом. После признания прямая дорога в суд. Он состоялся 30 октября 1937 года и вынес смертный приговор.

Нациевского Каэтана Ивановича расстреляли в день приговора.

Реабилитировали через полвека. Никаких преступлений он не совершал.

7. Машина репрессий не знала пощады, перемалывая людей всех профессий и возрастов.

Михаил Васильевич Бобров перешагнул уже пенсионный рубеж. Родился он и жизнь прожил на Алтае, в городе Барнауле. Образование имел начальное, в членах ВКП(б) не состоял. Жил да и жил себе спокойно и тихо, работал техником Барнаульского хлебозавода. Возраст Михаила Васильевича, а пошел ему седьмой десяток, давал возможность трезво и житейски мудро смотреть на жизнь. Отшумела, давно ушла молодость, и с нею исчезли иллюзии о значимости техника хлебозавода в переустройстве мира.

Михаил Васильевич собирался на пенсию, но не успел.

Его арестовали 10 марта 1938 года совсем неожиданно, потому что никаких противоправных дел за собой он не знал, а тот факт, что в далеком 1919 году он по молодости лет вступил в партию меньшевиков, уже забылся. Двадцать лет прошло. Никакие партии Михаилу Васильевичу не были нужны. Собирался рыбачить да возиться с внучатами.

В тридцать седьмом его не тронули, брали других. А вот в тридцать восьмом и до него дошла страшная очередь. Всего три месяца понадобилось молодчикам в хромовых сапогах, чтобы старый человек полностью признал себя виновным в том, что «с 1922 года являлся активным участником антисоветской повстанческо-террористической организации меньшевиков, действовавшей в городе Барнауле, и вплоть до последнего времени прово-

дил активную контрреволюционную деятельность по вербовке новых членов в повстанческо-меньшевистскую организацию, занимался лично вредительской деятельностью и был осведомлен о террористической деятельности антисоветской организации в отношении руководства ВКП(б) и Советского правительства» (из приговора).

Это было поразительное даже для тех времен дело!

Сам Михаил Васильевич, признавая обвинение-лозунг, не смог назвать ни единого, даже вымышленного факта своей террористической меньшевистской деятельности. По его делу не допрошено ни одного свидетеля! Никто, ни один человек не сказал о Боброве ни слова — ни плохого, ни хорошего. Других доказательств не было тоже, и приговор ничем не обоснован. Вот состоялся, вербовал, был осведомлен — и все.

А ведь, как установлено сейчас весьма достоверно, никакой организации с пышными титулами, указанными в приговоре, в городе Барнауле никогда не существовало. Это был миф, позволивший выбить половину города просто так, чтобы не суетились и не путались под ногами общества, идущего в светлое будущее. Ну а если человек, как Михаил Васильевич, двадцать лет назад был меньшевиком, песенка его спета.

2 июля 1938 года состоялся над Бобровым суд, который судом назвать трудно.

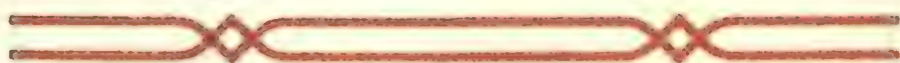
К высшей мере наказания, которая называется еще высшей мерой социальной защиты, был осужден Михаил Васильевич Бобров.

Приговор обжалованию не подлежал и приведен в исполнение немедленно.

Алтайские холодные речки не дождались рыбака Боброва, не ступила нога Михаила Васильевича на дикие тропы барнаульских лесов.

Его вызвали из камеры ночью. Темное июльское небо прикрыло прошитое пулями тело и, наверное, заплакало над ним, по русскому обычаю обмыло слезным дождем, ибо больше некому было выполнить похоронный этот обряд...

Бобров Михаил Васильевич реабилитирован в 1990 году.

Тодор ДИЧЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В «ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»

ФЕНОМЕН, РОЖДЕННЫЙ В ВОЙНЕ *

В человеческих страданиях и муках, в жестоких, кровопролитных сражениях шел третий год Великой Отечественной войны. В ней каждую секунду погибали девять советских солдат и офицеров, юношей и девушек, детей и стариков. Фашистские полчища ожесточенно атаковали Сталинград. Город горел как факел. Невероятно, но горела даже Волга. Однако советские люди не уступали. Они мужественно сражались, окопавшись в земле, в камнях и пепле, бились до последней капли крови.

Вой сирен предупредил об очередной воздушной тревоге. Граждане поспешили в бомбоубежища, в ближайшие укрытия. Трехлетний мальчик из разрушенного детского дома остался на улице один. Когда его хватились, было уже поздно. Земля дрожала и тряслась от мощных взрывов бомб. В убежище погас последний слабый свет. Наступила адская тьма. Людями владело ощущение, что земля разламывается на части и летит в тартарары. Никто не верил, что уцелеет.

Наконец дали отбой. Люди осторожно вышли из укрытий. Улицы были разрушены и засыпаны. Дым, огонь, смрад. Город напоминал огромный костер. Солнечные лучи едва проникали в этот ад. Казалось, они стыдились зла, содеянного человеком. Где-то в пространстве раздавался детский плач. Внимание всех приковало полуразрушенное и горящее здание. По третьему этажу, как лунатик, шел маленький мальчик. Хлопчатобумажная рубашонка на его худеньком тельце горела. Люди на улице заволновались, не зная, что предпринять. Первым кинулся на помощь ребенку

солдат санитарной службы. Его фигура несколько раз мелькнула среди дыма и огня. Когда дым рассеялся, мальчика уже не было на этаже. И тут здание с шумом и треском рухнуло. Люди в ужасе закричали.

Но в самую последнюю секунду прямо из пламени выскочил солдат с мальчиком на руках. Долго не могли оторвать, отделить маленькие детские ручонки от солдатской шинели. Мальчик был точно загипнотизирован. Каково же было удивление врачей в госпитале, когда они не обнаружили ни одного ожога на теле ребенка. А ведь его одежды сгорели. Врачи были изумлены. Во время войны они видели адские муки многострадальной земли. Но с такой загадкой встретились в своей практике впервые. Солдат, спасший мальчика, получил тяжелые ожоги.

Значительно позже, уже после войны, ученые, изучая этот уникальный случай, напишут следующее. Мальчик пережил сильное нервно-психическое потрясение. Поэтому его кожа оказалась нечувствительной к пламени.

Валерий Авдеев — так звали мальчика, о котором я только что рассказал. В зрелом возрасте он приобрел способность ходить босиком по горящим углям и демонстрировать свою власть над огненной стихией. Валерий Авдеев стал первым советским огнеходцем в необъятной стране. Он проявляет и демонстрирует еще много других резервных и скрытых способностей человеческого организма и ума. Они всегда вызывают удивление и восхищение.

Вот он читает лекцию в Доме ученых. Его слово вызывает живой интерес у крупных медиков, психологов, биологов. Авдеев увлекательно рассказывает, как развивал и тренировал свои феноменальные способности, которые показывает в программе «Психологические опыты. Познай самого себя».

Опишу один из этих опытов. На столике лежит обычный компас. Его

* Начало см. в № 9, 10 и 11—12 за 1991 г., № 1 за 1992 г.

стрелка показывает на север. Зрители могут убедиться в этом. Появляется Валерий Авдеев. Медленно и осторожно идет по сцене. Руки широко раскрыты, точно крылья птицы, готовой к полету. У него волевое и сосредоточенное лицо.

Легкие движения пальцев обеих рук. Он будто распутывает в воздухе что-то невидимое зрителям. Сам он это «что-то» явно чувствует. И вот, словно натолкнувшись на невидимую преграду, останавливается перед столом. Расстояние до него около метра.

Сфокусировав взгляд на компасе и затаив дыхание, он начинает преодолевать невидимую преграду. Похоже, что она сопротивляется. В напряженной тишине проходят две-три минуты. Стрелка на компасе все еще неподвижна. Авдеев делает резкий выдох. Он машет руками, словно хочет взлететь. Стрелка неожиданно отклоняется к востоку. Стрелку покрывают стеклянным колпаком. Но она продолжает колебаться, повторяя движение рук. Под конец стрелка начинает вертеться.

Опыт становится сложнее. Валерий Авдеев напрягается и замирает над компасом. Лицо его багровеет. На лбу выступают крупные капли пота. Вены на руках вздуваются. Ясно видно, как они пульсируют. Дыхание его замирает. И вдруг компас точно оживает. Он начинает двигаться и перемещается на 15—20 сантиметров, делает несколько полных оборотов и неожиданно останавливается на самом краешке стола.

Гром аплодисментов взрывает тишину зала Дома ученых в Москве. Вероятно, Валерий Авдеев излучает какую-то особую и пока еще не изученную энергию, которая передается на расстояние и имеет такое магическое и загадочное действие. Подобный эффект он демонстрирует перед действительным членом Академии наук СССР Юрием Борисовичем Кобзаревым. Тогда эксперимент был проведен предельно чисто, то есть были исключены такие возможные влияния, как вибрация, сквозняк, магниты. Академик Кобзарев признал манипуляции с компасом не фокусом, а реальным феноменом.

Предлагаем нашим любознательным читателям одну из гипотез, объясняющих феномен Авдеева. Она базируется на предположении советских исследователей Н. Н. Сочеванова и А. Ф. Охтина. Вокруг любого материального тела существуют концентрические обо-

лочки и силовые поля, составленные из сверхлегких элементарных частиц — аксионов. Их масса в тысячи раз меньше массы электронов. Силовые поля имеют квантовую природу. Упомянутые концентрические оболочки и связанные с ними силовые поля имеют радиус размером от сотых частей миллиметра до сотен метров. Особенно чувствительные люди могут воспринимать эти оболочки и силы своими руками или же при помощи рамки, которую используют лозоискатели (лозоходцы).

Наверное, эти оболочки и силы чувствует Валерий Авдеев, когда встречает невидимую преграду, возле компаса или других предметов. Похоже, что существует и обратная связь между телом и его собственными оболочками. Воздействуя на человеческое тело, мы можем изменять его оболочки. И наоборот, изменение оболочек воспринимается человеческим телом, всеми его органами и системами, каждой клеткой и ее частицами. Это может быть использовано экстрасенсами в профилактике, диагностике и лечении самых различных заболеваний человека.

ЧУДЕСА «ИМАГО»

Два помощника Авдеева принесли на сцену белое покрывало и пустые бутылки, которые тут же разбили молотками. Осколки засыпали все покрывало. На сцене появился Валерий Авдеев. Он выполняет несколько тренировочных упражнений. Закрыв глаза, совершает множество медленных движений, о которых знатоки у-шу сказали бы, что он собирает, впитывает энергию.

Вдруг он делает несколько резких и быстрых взмахов руками, точно отгоняя сон. Он широко открывает глаза. Загадочная улыбка озаряет его лицо. Спокойно и уверенно ложится на накрошенное стекло. Что испытывает человек, когда лежит на такой острой и колющей постели? Страсти публики в зале бушуют. Они достигают кульминации, когда на тело Авдеева кладут широкую доску. На нее становятся трое мужчин. Зрители перестают дышать. В наступившей неестественной тишине ясно слышны звуки ломающегося стекла. Этот звук действует на людей как холодный, мрачный и липкий осенний туман. Проходят несколько мучительных

минут, которые кажутся присутствующим целыми часами. Наконец Валерий встает. Все с облегчением вздыхают, когда видят, что у него на теле нет ни крови, ни порезов. Звучат аплодисменты — искренние, горячие, сердечные.

Известно, что такие опыты демонстрируют и некоторые индийские йоги. Но загадка остается загадкой. Ведь для всех обыкновенных людей такое невозможно. Только действительно ли это так? Не таит ли в резерве любой человек в себе подобных необыкновенных резервных возможностей? Следующий опыт всех убеждает в этом.

Авдеев приглашает на сцену трех добровольцев из публики. Он говорит им, что сейчас они покажут необыкновенные физическую силу и способности. Просит их закрыть глаза, мысленно сосредоточиться на своих ощущениях, попытаться почувствовать свое тело. В нем они должны найти самые теплые и самые холодные участки, места с приятными или же с болезненными ощущениями. Валерий призывает участников эксперимента не думать ни о чем другом, а попытаться увидеть свое тело со стороны, как чужое. Оно наполнится теплом и станет тяжелым, мускулы мощно напрягутся и деревенеют. «Вы почувствуете себя стволom могучего дерева», — говорит Авдеев.

Все происходит в точности, как он предсказал. Ассистенты укладывают мужчин между спинками двух стульев. Опорные точки только две: пятки и затылок. Тело вытянуто как струна. Не чудо ли это? Но Валерий совершенно спокойно сообщает, что каждый из этих людей в таком состоянии может удерживать на своем теле тяжесть трех человек, вставших на него. Когда-то этот номер демонстрировался только цирковыми факирами. А теперь он доступен многим ученикам и последователям Авдеева. Разве это не удивительно? Чудо происходит уже не только с отдельными людьми. Оно становится массовым, обыкновенной реальностью, будничной забавой.

Этим умением обладает любой человек. Но часто он не подозревает и не знает своих скрытых способностей и сил. Если человек затаит дыхание и сосредоточится на соответствующем мысленном образе, он может свободно вызвать самые различные изменения в своем организме. Валерий Авдеев называет такое состояние «имаго». Это латинское

слово, в буквальном смысле означающее «образ». Человеку необходимо переключить в своем сознании словесно-логическое мышление на образное. Именно тогда человек в состоянии открыть в себе удивительные способности: отгадывание чужих мыслей, хождение босым по горящим углям, моментальное сочинение стихов, афоризмов и пародий, умение импровизировать. По мнению Авдеева, все свои загадочные, но реальные номера он показывает только в состоянии «имаго». Он даже взял себе псевдоним «Имаго».

По своей глубокой сущности «имаго» представляет собой одну из разновидностей аутотренинга. Они близки, но не тождественны. Разница между ними состоит в следующем. При аутотренинге в основном воздействует, внушает слово. Человек уговаривает самого себя путем многократного повторения определенных фраз. Например: «Я совершенно спокоен, мое сердце бьется равномерно, мое дыхание глубокое, мой пульс ритмичен».

В состоянии «имаго» действует образ. Тут задача немного другая, человек должен сосредоточиться на ощущениях своего тела без особого действия мысли. Следовательно, он должен освободиться от внутреннего многословия, которым постоянно занят наш мозг. Когда человек почувствует все свое тело, каждую его клетку и струну, нужное состояние достигнуто. Через призму этих ощущений мозгу могут быть отданы образные команды. Они будут выполнены немедленно, почти автоматически. Люди, у которых хорошо развито образное мышление, способны входить в состояние «имаго» спонтанно, произвольно.

Многие гениальные и талантливые произведения искусства созданы именно в состоянии «имаго». Тогда пробуждается дремлющее обычно подсознание и словно открывает тайные резервы мозга, его сокровищницу. Мозгу становится доступно огромное количество информации, находящейся в нем, обнаруживается способность оперировать ею с невероятной скоростью. Пробуждается, точнее, взрывается интуиция. Именно такое состояние называют вдохновением или озарением. Наступает раскрепощение личности, полное раскрытие ее потенциальных резервов, особенно жизненных сил и импульсов.

Этот загадочный подъем можно объяснить следующим образом. Блоки-

руется левое полушарие человеческого мозга с его примитивным и прямолинейным логическим мышлением. Или его деятельность основательно ограничивается. Активизируется правое полушарие, именно оно мыслит многопланово, богато, объемно-образно (голографически). Войдя в такое состояние, даже самый обыкновенный человек может совершать чудеса, творить необыкновенные и загадочные вещи. Это его светлый час, час жизненного порыва и высокого подъема. Из рядового человека он превращается в загадочный феномен.

Но этим не исчерпывается состояние «имаго». Его палитра значительно шире. Особенно благотворно влияет оно на здоровье человека. Уже доказано, что множество заболеваний и отклонений в состоянии человека являются следствием психологического перенапряжения из-за переработки огромного потока словесной информации. Говоря шутливо, это беда и горе от ума.

Но и в наш век информационного бума и научно-технического прогресса мы можем сохранить здоровье. Как? Каждый человек должен научиться давать своему мозгу особый вид отдыха, вводя его в состояние «имаго». Выше мы показали, что это не столь сложно. Необходимы только желание, терпение и умение. Сами же механизмы «имаго» просты, понятны и доступны любому.

Научившись ощущать каждый свой орган, каждую свою клетку, человек восстанавливает нарушенные механизмы саморегулирования. А их нормальная работа обеспечивает здоровье человеческого организма. Причем даже в тех случаях, когда официальная медицина бессильна и врачи считают болезнь неизлечимой. Выздоровливание в этом случае выглядит чудом или загадкой.

Научившись поддерживать состояние «имаго» постоянно, человек значительно реже болеет и медленнее стареет. Это ли не один из путей раскрытия резервных возможностей и скрытых сил человека? Это ли не средство для достижения невероятного и активного долголетия?

Не менее волнующи и впечатляющи другие чудеса и загадки Валерия Авдеева, его следующие психологические опыты. Специалисты называют эти сеансы «регрессом возраста», то есть памятью до рождения.

Авдеев громко и спокойно произносит: «Вы ясно видите каждый день

своего прошлого. Сегодня 22 декабря 1982 года. Что вы делаете сейчас?» Участники эксперимента подробно рассказывают о том, чем они тогда были заняты. Некоторые, сами того не замечая и не стесняясь, начинают двигаться по сцене. Они выразительно жестикулируют, изображая игру в теннис, уборку квартиры, работу на токарном станке.

Следует новая команда: «Внимание. Вы переноситесь во времени на несколько десятилетий назад. Сейчас 22 декабря 1922 года». Эта задача внешне сложнее. Почему? Потому что в указанное время никто из участников эксперимента еще не был рожден. Но это их ничуть не смущает и не мешает им. На сцене продолжается пантомима. Только теперь демонстрируются совсем другие занятия. Один сеет рожь, другой отбивает косу. Третий колотит палкой мокрое белье. Это типичные занятия из тогдашнего быта.

«А сейчас 5222 год до нашей эры! Что вы чувствуете?» Голос Валерия Авдеева звучит мягко и таинственно.

Наука затруднится ответить, почему участники эксперимента все знают. Они без малейшего затруднения воссоздают на сцене очень выразительные картины из жизни наших далеких предков. Взглядам зрителей предстает далекое и загадочное прошлое.

Не случайно наиболее смелые фантазеры среди ученых утверждают, что существует генная память. Поэтому человек может спокойно вспомнить то, что было до его рождения и даже значительно раньше, еще до его зачатия. Имеются в виду эпизоды из жизни его далеких предков по отцовской и материнской линии. Это информация к размышлению.

СКОЛЬКО РАЗ РОЖДАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК?

Почти все поспешат ответить на этот парадоксальный вопрос однозначно и категорично: «Только однажды». И сильно ошибутся. Это прекрасно было доказано на проведенном в Москве советско-американском симпозиуме на тему «Резервы человеческой психики в норме и их патология», где был глубоко обсужден метод психоанализа, который очень широко применяется в США. Там у его родоначальника Зигмунда

Фрейда имеется множество последователей, разрабатывающих новую методику психокоррекции. К ним относится и Сандра Рей. Она врач и философ, основательница международной организации по формированию доброжелательных отношений между людьми.

Сандра Рей продемонстрировала оригинальные психотерапевтические приемы. Она вызывала в сознании добровольцев (различающихся по полу, возрасту, профессии) яркие воспоминания и ощущения, которые были испытаны ими до того, как они появились на белом свете, на грешной земле.

Серьезные научные исследования последних лет убедительно показывают, что подсознание человека располагает значительно большей информацией, чем мы предполагали. Уже разработаны различные методы, которые позволяют восстанавливать в памяти самые ранние события в жизни человека. Более того, Сандра Рей категорично утверждает, что у взрослого человека могут быть воспроизведены впечатления и ощущения, которые он испытывал не только будучи ребенком, но и еще ранее — до рождения, во внутриутробном (пренатальном) периоде человеческой жизни.

Большинство людей на всех этих стадиях получают тяжелые психические травмы. Позже они проявляются самым невероятным образом.

Научно доказано, что младенец обладает образным мышлением. Из многообразных жизненных событий он делает своеобразные выводы, которые устойчиво запоминаются, точнее, отпечатываются в его подсознании. Они оказывают сильное влияние не только на его детское, но и на взрослое поведение. Здесь я расскажу о нескольких интересных и убедительных ситуациях. Если мать не желает, чтобы ребенок родился, он еще до своего рождения обязательно почувствует и «поймет» это. Родившись, малыш будет это очень остро и болезненно переживать, вырастет с чувством, что он лишний на свете, что весь мир враждебен ему. Можно предположить, что такой человек покончит с собой или, по крайней мере, сделает попытку самоубийства. Как самое меньшее — будет часто думать об этом. Имеется достаточно оснований для таких наблюдений и выводов.

Другие случаи такого рода. В момент рождения младенец подсознательно

«чувствует», что причиняет страдание своей матери. А ведь она дала ему жизнь и делала счастливым на протяжении девяти месяцев беременности. Подсознание не забывает, а запоминает все это. Становясь взрослым, человек может испытывать кажущиеся беспричинными муки совести.

В последнее время во всех развитых странах дети рождаются весом по четыре-шесть килограммов. Иногда даже и больше. Это травмирует и матерей, и новорожденных. Почему? Потому что физиологически женский организм приспособлен к рождению младенца весом не более трех с половиной килограммов. Это оптимальный, естественный и целесообразный вариант веса. Другие всегда связаны с известными отклонениями. Рождение крупного младенца происходит трудно, с риском для здоровья. И это становится причиной того, что многие люди всю жизнь испытывают необъяснимый и беспричинный страх. Они постоянно находятся в тревоге, напряжении, их беспокоят чьи-то злые силы и намерения. Все это мешает созданию хороших семейных отношений.

Традиционная медицина не только не защищает от подобных стрессов, но сама их создает, начиная с момента рождения ребенка. Младенец появляется на белый свет, задыхаясь. Что делают врач или акушерка? Переворачивают его вниз головой и шлепают. Так первая встреча ребенка с миром, первый вдох увязываются для него с болью. Боль и неприятности продолжаются в родильном доме и дальше. Они связаны с резкой переменой температуры, с шумом и вибрацией, многоголосым детским ревом, непрерывной сменой медицинского персонала, ярким светом, неудовлетворительными гигиеной и уходом, разлукой с родной матерью.

В детском организме возникает устойчивое представление о мире как о царстве страдания, неприятных переживаний и горьких слез. Эта психологическая установка в дальнейшем способствует возникновению в жизни человека ситуаций, которые только подтверждают сказанное. Общество чаще всего наказывает недовольную и агрессивную, свободомыслящую и творческую личность. Она не вписывается в традиционные правила, в догматичные нормы и законы. Отрицательные эмоции в результате неизбежно порождают разно-

характерные боли. По существу, плохо адаптированный и озлобленный человек становится верной жертвой социального организма, находящегося в противоречивом и негармоничном состоянии по отношению к нему. Не случайно еще Шеллинг отмечал: «Больное общество — несчастные и больные люди».

Естественно, возникает вопрос: можно ли оградить людей от несчастий, мучительных переживаний, горьких слез и болезней? В значительной степени это возможно, если разбудить спящие потенциальные резервные возможности человеческого организма и активизировать его скрытые силы и механизмы. Это можно сделать следующим способом.

Прежние переживания человека могут быть блокированы и даже стерты в его подсознании силой воображения. Для реализации этой цели человек должен трансформировать свои воспоминания, связанные с неприятными, стрессовыми ситуациями или же трагическими событиями. Он представляет и внушает себе, что при благоприятных обстоятельствах все могло бы произойти совсем по-другому. Таким образом человек заглушает, забывает, стирает в своем подсознании неприятную и мучительную негативную информацию. Он вносит, закрепляет и «вбивает» положительные сведения и информацию. Создается позитивный, более благоприятный и оптимистичный настрой. Возникает совсем другой динамический стереотип. Утверждается новая ценностная ориентация и нравственно-эстетическая установка, совершается перепрограммирование личности. Фактически это второе рождение человека. Оно не менее важно и подлинно, чем первое.

Резервные силы и возможности ограничивают, а позже и вовсе уничтожают прошлые плохие навыки и патологические переживания человека, мешавшие ему в течение многих лет.

С помощью метода «второго рождения» могут быть уменьшены тяжелые физические и психические страдания, исцелены даже безнадежно, казалось бы, больные люди. В лекциях и книгах Сандры Рей приводится много убедительных и показательных примеров из ее практики и личной жизни. Например, были вылечены больные с тяжелыми пороками сердца, сахарным диабетом, сложными нервными и психическими состояниями, с мучительными физическими страданиями. Во всех этих и других подобных случаях официальная медицина была бессильна.

Вылеченные люди, по их словам, родились заново. Они ощутили внутреннюю целостность и гармонию личности. Получили душевный покой и блаженство. А все это — залог доброго здоровья, как социального, духовного, так и физического благополучия человека.

Что необходимо сделать, чтобы человек родился заново здоровым и бодрым, добрым и счастливым? Всего лишь следующее. Каждый день не меньше часа тратить на глубокое дыхание. И в это время надо представлять и внушать себе, что вместе с вдохом ты получаешь жизнь и энергию, здоровье и долголетие. А с выдохом выбрасываешь болезни и неприятности, преждевременную старость и смерть.

Следствием второго рождения человека может стать его новая идеальная жизнь. Жизнь без мук и болезней, без старости и смерти. Этот проект вовсе не праздная фантазия, каким выглядит на первый взгляд. Над этим чудопроектом усиленно работают в последнее время американские ученые, специалисты и творцы. Не следует отставать и нашей стране. Чем потом безуспешно догонять, лучше — опередить.

(Продолжение следует)

Перевод с болгарского
Нины Вредовой

ПОЛНЫЙ РУССКИЙ

иллюстрированный

СЛОВАРЬ-ТРАВНИКЪ

ЦВѢТНИКЪ

БОГОРОДСКАЯ ТРАВА (*Thymus Serpyllum* L.) Богородицына трава (Олон.), Богородичная травка (Астр., Екат.), Верест (Полт.), Лимонный душик, Жадобник, Жадовник, Колотовички (Могил.), Лебюшка (Гродн.), Мацержанка (Гродн.), Мацердушка (Минск.), Мухопаль (Пет.), Перец боровой или перчик (Вор.), Чабер (Вор.), Чабор, Чибор, Чабур, Чубрец (Донск. ст.), Чобор (Ставр.), Чайбур, Чабрик (Под.), Чебрик (Малор.), Чебрек (Полт.), Чобрик (Малор.), Чомбер, Чембрик, Чеморрек (Зап. Росс.), Чебарка (Крым.), Чебрец (Малор.). Разветвленный полукустарничек, образующий дерновники, из семейства «губоцветных», распространенный почти по всей Европе и повсеместно в России. Стебель стелющийся, с приподнимающимися ветвями. Листья маленькие, яйцевидные, эллиптические или линейные, суженные в короткий черешок, более или менее длинно-реснитчатые. Цветы розовые, реже беловатые, сближенные на конце стебля головкой, реже удлиненой, при основании прерванных междоузлами, соцветием, цветоножки короче чашечки; чашечка колокольчатая, двугубая, с широкою трехзубчатою верхней и двураздельной нижней губой с кольцом волосков в зеве. Венчик неясно-двугубый, с выемчатой верхней и трехлопастной нижней губой. Тычинок 4, расходящихся и выдающихся из венчика, с почти параллельными гнездами, разделенными широким спаевищем. Завязь верхняя 4-лопастная, 4-гнездная, с одним столбиком, заканчивающимся 2-раздельным рыльцем. Плод при созревании распадается на 4 гладких шаровидных орешка. Цветет летом. Растет на открытых местах, между кустарниками и в хвойных сухих лесах. Из цветущей тра-

вы добывается душистое эфирное масло, употребляемое в косметическом производстве.

Медицинское употребление. Растение это применяется в народной медицине. В различных местностях России богородская трава имеет различное применение, так, в Олонецкой губернии ее употребляют от грудной боли, в Казанской от боли в животе и от женских болезней; от бессонницы — в Вологодской губернии и от кашля — во Владимирской. Кроме того, отвар травы пьют от запоя. Как душистое вещество ее кладут в ванны. Точно так же травка эта входит в состав ароматических сборов. В народе богородская трава ценится как симптоматическое средство. Ею окуривают коров после тельны, окуривают кринки, чтобы молоко не скисало и снималось больше сливок, а также охотничьи и рыболовные снаряды — для счастливого лова. Траву эту вместе с травой Петров крест зашивают в ладанки и носят на шее.

БОРОШНИК, БЕРЕКА (*Sorbus torminalis* Crtnsz. syn. *Pirns torminalis*). Бо-гошник, Медвежья Груша, Атласное дерево. Дерево вышиною 10—25 м из семейства «яблоневых», распространенное в средней и южной Европе, встречающееся в лесах юго-западной России и на Кавказе. Листья перисто-лопастные, с заостренными по краям мелко-пильчатыми лопастями; молодые листья снизу покрыты пушком, исчезающим у взрослых. Белые цветы в ветвистых щитках. Чашечка 5-раздельная, венчик 5-лепестной; многочисленные тычинки сидят на диске, находящемся на краю вогнутого цветоложа. Завязь 2—5-гнездная со столькими же столбиками. Разрастаясь вместе с цветоложем, оно дает костянковые ягодообразные, мелкие, буроватые плоды, усеянные белыми крапинками. Цветет в мае. Плоды съедобны лишь после мороза или долгого лежания. Особенно ценится нижняя древесина, известная под именем атласного и боярышникового дерева и употребляющаяся в токарном и столярном деле. При сгорании она дает превосходный уголь. В народе ягоды борошника употребляются от поноса и кашля.

БОДЯК РАЗНОЛИСТНЫЙ (*Cirsium heterophyllum* All.). Белосторонка

(Костр.), Воронуха (Олон.), Горлянка (Перм., Клеп.; жуют, когда болит горло), Колка (Ниж.). Собачья кислица (Олон.), Осот лесной, Маточник (Вят., Моск.), Пустосель (Вят.), Подбел (Вор.), Подсадная (Олон.), Поповник (Ниж.), Порезина (Моск.), Репейник (Тамб.), Репей глухой (Ниж.), Серпуха (Ниж.), Татарник, Татарин, Живая вода (Тул.), Шабур (Новг.), Собачий хвост (Арх.), Воловий язык (Тул.), Зыбр (Орл.), Омон (Пск.). Растение многолетнее из семейства «сложноцветных», распространенное в средней и северной России до Архангельской губернии, в сев. Европе и Сибири до Байкала, с ползучими подземными побегами, стебель простой или наверху немного ветвистый; листья ланцетные, снизу снежно-войлочные, пильчатые, нижние цельные, суженные в крылатый черешок, средние и верхние сидячие с широким сердцевидным основанием, средние цельные или спереди раздельные; цветы собраны в довольно крупные шаровидные головки, с длинными наверху паутинисто-шерстистыми ножками, одиночные и иногда скученные по несколько, снабженные покрывалом. Листочки покрывала прижатые. Цветки темно-пурпуровые, обоеполовые, головки двудомные. Венчик с глубоко 5-раздельным отгибом, трубчатый, тычинок 5, с волосистыми нитями; столбик нитевидный, на верхушке неглубоко-двулопастный; завязь нижняя, одногнездная; плод — семянка, сжатая с боков, без ребер, снабженная летучкой из зазубренных волосков, которые короче венчика. Цветет в июле и августе. Растет на влажных лугах. В некоторых губерниях употребляется как народное лечебное средство, от ран в виде присыпки из сушеной травы. Внутрь принимают отвар, приготовленный, как чай, из свежесобранной и высушенной травы, от удушья и чахотки легких.

БОЖЬЕ ДЕРЕВО (*Artemisia procera* Willd.). Бис, или Биз-дерево (Дон, Черн., Лид.), Бечевник (Каз.), Бичевник, Бодренник (Тамб.), Полынок (Вор.), Чернобыль (Сарат.), Чилига (Сам., Сарат.), Харафил (Астр.). Полукустарниковое растение из семейства «сложноцветных», многолетнее; цветущие стебли высокие, прямостоячие; молодые листья и стебли прижато-пушистые; листья двояко- и тройко-перисторассеченные, с тонколинейными удлиненными долями; верхние сидячие, верхушечные нераздельные, обыкновенно

превышающие веточки соцветия; цветы собраны в головки яйцевидно-полушаровидные, повислые, в длинной метелке, с мелко-пушистым покрывалом; наружные листочки покрывала травянистые, внутренние широко-перепончатые и на краю зубчатые. Краевые цветки — женские. Срединные обоеполые. Краевые женские цветки тонко-трубчатые. Тычинок 5, прикрепленных к трубочке венчика своими нитями; пыльники линейные, соединенные между собой в трубочку, через которую проходит столбик; столбик нитевидный, на верхушке двухлопастный; лопасти его притупленные и обыкновенно кистистые. Плод — семянка, продолговато-обратно-яйцевидные без перепончатой окраины. Цветет в июле и августе. Растет по иловато-песчанистым берегам реки и вблизи их, по краям полей, канав и в сорных местах. Находится чаще в черноземной полосе. Разводится в садах.

Медицинское употребление. Растение употребляется в народной медицине как горькое средство, имеющее сходство с полынью, в тех случаях, когда необходимо повысить деятельность желудка и кишок, также отвар его дают от глистов и при истерических припадках. Вообще же употребляется значительно реже родственной травы полыни.

БОЛИГОЛОВ (*Conium maculatum* L.). Блекота (Умань, Малор., Рог.), Буглав, Вонючка, Головолом, Гориголовка, Дегтярка, Дягиль собачий, Омег (Двиг., Могил.), Омег большой, Пустосел, Петрушка дикая, Петрушка собачья, Петрушник, Свиная вошь, Ствольник ядовитый (Пск.). Растение травянистое, двулетнее, из семейства зонтичных, распространенное по всей Европе, но весьма обыкновенное повсеместно в России. Корни белые, плотные, почти не разветвленные, толщиной в мизинец, длиной 8—10 дюймов. Стебель вышиной от 3—4 футов, бороздчатый, совершенно голый, при основании с темно-красными пятнами. Листья сверху темно-зеленые, снизу светло-зеленые, по очертанию 3-угольные, тройко-перистые, с продолговатыми перисто-надрезными или раздельными долями; черешки дудчатые. Цветы белые, собранные в соцветия, образующие сложные зонтики о 7—10 лучах, немного выпуклые, снабженные оберткой из 2—5 отогнутых вниз острых листочков. Чашечка цветков целая, зубцов почти незаметно. Венчик состоит из 5 выемчатых белых с за-

гнутой верхушкой лепестков. Тычинок — 5, пестиков — 2, расширенных при основании в диск, покрывающий верхушку завязи. Завязь нижняя, двугнездная, с одной повислой семяпочкой в каждом гнезде; плод состоит из 2 семян, отделяющихся снизу вверх от остающегося обыкновенно на цветоножке срединного столбчика плода. Семянки на разрез 5-угольные с шероховатыми ложбинками, без ходов. Семя белковое; белок хрящеватый, окружающий небольшой, прямой зародыш, внутренняя поверхность белка с глубокой продольной бороздкой. Цветет болиголов в июне и в июле, растет на сорных местах. Все растение издает неприятный запах и содержит сильный наркотический яд кониин, употребляемый в медицине.

Медицинское употребление. Болиголов и добываемое из него действующее начало — кониин принадлежат к числу самых сильнейших ядов, потому никогда не должны употребляться без совета и наблюдения доктора. Вообще в настоящее время внутреннее употребление этих средств почти оставлено и практикуется только в гомеопатии. Снаружи болиголов употребляется с различными жирами в виде мазей для успокоения болей, накладывается также на опухшие лимфатические железы.

Болиголов известен с глубокой древности. Существуют указания, что чаша с ядом, которую должен был выпить Сократ, содержала отвар болиголова.

При отравлении болиголовом очень быстро, минуты через 3—4, получается чувство царапания в горле, язык припухает и как бы отнимается, затем лицо краснеет, появляется сильная головная боль, головокружение, зрение делается неясным, зрачки расширяются, слух ослабляется, осязание уменьшается, и получается ощущение ползания мурашек по всему телу, мышцы очень слабеют, больной не в силах пошевелиться; живот вздувается, делается отрыжка, тошнота, рвота и понос. Если порция принятого болиголова была ничтожна, все эти явления постепенно пропадают и больные оправляются через два, три дня. Если же прием был отравляющий, то вслед за всеми этими явлениями у больного делаются судороги, и он умирает от паралича дыхательных мышц.

Противоядием от отравления болиголовом служат все средства, содержащие дубильную кислоту; всего чаще до

прибытия врача дома под руками можно найти танин, которого и дают по 5—10 гран на прием; кроме того, стараются вызвать рвоту, ставят клистир, голову и грудь обливают холодной водой, после чего грудь хорошо растирают; внутрь, кроме танина, дают гофманские капли и мускус. Весною иногда целые стада животных отравляются листьями свежего болиголова, который только к лету приобретает отталкивающий запах, спасающий животных.

В гомеопатии спиртная настойка из свежего растения служит одним из самых важных и действующих лекарств от раковых опухолей, от припухания лимфатических желез и от золотухи. Кроме этих наружных болезней, болиголов в гомеопатии дается также и от многих внутренних болезней, как-то: от головокружения, головных болей, малокровия, сухого, судорожного кашля, запоров, задержки мочи, семятечения, задержки месячных очищений, далее от тоски, дурного расположения духа, чувства страха, грусти, при неохоте к труду и забывчивости; кроме того, при выпадении волос, шуме в ушах, при многих болезнях желудка и кишок, как-то: при отрыжке, изжоге, при запорах, болях в животе и т. д. Дают 1 каплю спиртной настойки болиголова или же 1—2 капли первого или второго разведения от одного до нескольких раз в день.

В ветеринарной гомеопатии болиголов дается также при злокачественных опухолях на теле и при гноетечении из ушей.

Внутрь 2—3 капли 3-го разведения, снаружи 30 капель спиртной настойки с 60 граммами (2 унции) отварной воды для смазывания больного места.

БОРЕЦ ЖЕЛТЫЙ (*Aconitum Iysoctonum* L. syn. *Aconitum excelsum* Reich). Болясник (Хар.), Бездарница (Арх.), Борец женский (с желт. цвет.), Борец синий (с синими цвет.), Буюся (Сиб.), Волкана (Курс., Ворон.), Волкобой, Волхунога (Вятск.), Вшивый корень (Олон.), Мордовник, Оник (Сиб.). Травянистое растение из семейства лютиковых, многолетнее, с веретенообразным или реповидным, ветвистым, мохнатым, жестким корнем. Стебель и черешки нижних листьев оттопыренно-пушистые; листья пятираздельные, с ромбическими надрезанно-зубчатыми долями. Цветы расположены кистью, соцветие короткопушистое; околоцветник неправильный; чашелистики лепестковидные; верхний

Рис. 12. Борецъ желтый.

чашелистик имеет вид шлема, скорее узкого, конически-цилиндрического колокола; лепестков 8; из них 2 верхних — в виде загнутых сильно завитых шпор, находящихся на длинных ноготках; цветы желтоватые, беловатые, снаружи часто голубоватые. Плод состоит из пушистых листовок; семена трехгранные, поперек морщинистые. Цветет с июля до сентября. Растет в лесах и между кустарниками, распространен в горах средней Европы и Сибири, встречается почти повсеместно до Херсонской и Харьковской губерний; недостает по средней Волге, но севернее встречается до Калгуева острова. Растение весьма ядовитое, подобно борцу синему. Корень его употребляется для отравы волков, собак и проч (рис. 12).

БОРЕЦ СИНИЙ (*Aconitum Napellus* L.). Борец (Малор.), Колпачки (Даур., Каш.), Лютик голубой, Лютяк (Сл. Церк.), Прикрыт (Даль.), Прострел (Вятск.), Пострельная трава, Пострел, Филичева трава (Алт.), Царь-зелие, Болиголов (Екат.), Зозулины черевички (Рог.), Омег, Тоя, Борзец (Влад.),

Переград, Преграда (Вятск.), Пригрид, Волкобой, Волчий яд, Волча ядь, Мориморд, или Мучитель-трава, Пухотел, Волчий корень — трава. Весьма распространенное травянистое многолетнее растение из семейства лютиковых, встречается обыкновенно в рощах, садах, иногда около заборов. Корень его многоголовчатый, простирается глубоко в землю, толщиной около дюйма, ветвистый, волокнистый, мохнатый, жесткий, желтоватого цвета. Стебель вышиною в 2 аршина и более, прямостоячий, овального сечения. Листья с обеих сторон гладкие, сверху темно-зеленые, снизу белые, дланевидно-рассеченные, с клиновидными, 2—3-раздельными и глубоко надрезанными долями. Цветы расположены в виде кисти, синие, фиолетовые или беловатые. Околоцветник неправильный; чашелистики лепестковидные, опадающие; верхний чашелистик имеет вид шлема или колпачка; лепестков 8; из них 2 верхних в виде загнутых шпор, находящихся на длинных ноготках; остальные трудно заметные. Тычинок много, пыльники их раскрываются продольными щелями. Плод состоит из 3 листовок, семена 3-гранные, темно-коричневого цвета. Цветет с июня до августа. Листья его обладают горьковатым вкусом, который вскоре переходит в ощущение жгучей боли на языке и нёбе. При растирании листьев ощущается едкий запах, производящий при вдыхании головную боль и головокружение. Будучи приложен снаружи, борец вызывает пузыри на теле и разъедает кожу (рис. 13).

Медицинское употребление. Борец, или аконит, в высшей степени ядовитое растение, и пользоваться им без назначения врача не следует, так как легко отравиться не только при приемах внутрь, но даже при употреблении экстракта аконита снаружи в виде втираний.

При отравлении аконитом появляется чувство зуда и покалывания в разных частях тела, жжение и боли во рту, пищеводе и желудке. Ощущение холода во всех членах тела, головокружение, потемнение в глазах, бледность лица, упадок сил и расширение зрачков, дрожание мышц, неправильное редкое и судорожное дыхание являются предвестниками смерти, наступающей очень часто при сохраненном сознании.

При лечении отравления необходимо постараться удалить яд из желудка и кишок. Для этого врачи промывают желудок. Если же врача нет, надо поста-

ратся вызвать рвоту больному, а для опорожнения кишечника поставить клистир. Рвоту вызывают или приёмом рвотного корня, или же щекотанием мягкого нёба. Для поддержания рвоты дают пить большое количество взбитого белка. Чтобы согреть больного, его растирают щётками или фланелью, к ногам кладут кувшины или бутылки с горячей водой. Чтобы поднять ослабевающую деятельность сердца, дают вино, горячий крепкий чай и черный кофе. Как противоядие до прибытия врача больному можно дать порошок танина в 5 гран или же 2—3 капли йодной настойки в рюмке воды.

В медицине экстракт из выжатого сока листьев аконита употребляют снаружи в виде мази с каким-нибудь жиром как болеутоляющее средство. Внутри дается спиртная вытяжка от нервных головных болей, ревматизма в суставах, также как средство, понижающее температуру.

В гомеопатии борец имеет обширное применение. Из свежих листьев и верхушек цветов борца готовят спиртную настойку, которую принимают взрослые 1—2 капли 2-го разведения, дети 3-го разведения через $\frac{1}{2}$, 1, 2, 3, 4 часа при всевозможных воспалениях внутренних органов, сопровождающихся повышением температуры, при острых сыпях, как-то: кори и скарлатине, при перемежающейся лихорадке, ревматизме, коклюше, астме, гриппе, болезнях сердца, кровохарканиях, для облегчения высыпания оспы и при крапивной лихорадке.

Ввиду сильной ядовитости борца и полной невозможности его точной дозировки можно посоветовать не давать его животным без предписания ветеринара.

БОРОВИК (*Darhne Sneorum* L.). Боровий, Богун душистый, Боровик запашный, то есть душистый (Малор.), Каменные розанцы. Низкий кустарник из семейства ягодковых, в южной и юго-западной России и на юге Европы, с остающимися на зиму тонко-жилковатыми, линейно-клиновидными, тупыми листьями, кончающимися небольшим остроконечием; цветки с короткими ножками, сближенные на концах ветвей головкой; при цветках маленькие тупые прицветники. Околоцветник трубчатый; розовый, с 4-лопастным, в почкосложении черепитчатым отгибом; тычинки, прикрепленные к трубочке, образуют в ней два кольца и приходятся одни про-

тив лопастей околоцветника, другие — в промежутках между ними; завязь верхняя с одной семяпочкой, с коротким столбиком и головчатым рыльцем. Плод — односемянная бурая ягода. Семя безбелковое. Верхняя часть растения прижато-пушистая. Цветет в конце мая и июне. Встречается изредка в сосновых лесах.

Рис. 13.

Медицинское употребление. Боровик принадлежит к числу очень ядовитых растений; потому внутрь не должен даваться даже животным. Для наружного употребления он входит в состав нарывных пластырей.

В гомеопатии спиртная настойка из свежей коры растения дается при болезни костей в виде костоеды или опухоли на костях, при зубной боли, невралгии лица, при перемежающейся лихорадке; кроме того, от зуда в коже по ночам, от экземы на голове и за ушами, от лишая, воспалении век и т. д. Дают 1—2 капли первого или второго разведения от одного до двух-трех раз в день.

В ветеринарной гомеопатии боровик дается при тех же болезнях, как и людям, в особенности при наружных страданиях, при экземе. Дают второе и третье разведение, по 1—2 капле на прием.

БОРОДАВНИК ОБЫКНОВЕННЫЙ (*Lampsana communis* L.). Берескова (Пет.), Бородавочная трава, Бородавочник (Двиг.), Бородавица (Сл. Церк.), Бородавник, Гусиное горлышко, Журавлиное горлышко (Вят.), Зелие лесное, Крабещ (Олон.), Капуста лесная, Лочига, Перестрел (Могил.), Поганая трава (Вят.), Прозелень (Курск.), Руденец (Могил.), Лесная сурепка (Курск.). Травянистое однолетнее растение, повсеместно распространенное, из семейства сложноцветных. Стебель голый или внизу пушистый, ветвистый, вышиною 30—130 см. Листья тонкие, зубчатые, нижние и средние с черешками, лировидные, с очень крупной, яйцевидной конечной долею; верхние — ланцетовидные, цельные. Соцветия — мелкие корзинки, сидящие на тонких ножках, состоящие из небольшого числа желтых цветов и собранных рыхлой щитовидной метелкой. Тычинок 5, пыльники их спаяны в трубочку, через которую проходит столбик. Завязь нижняя, одногнездная, односемянная. Плод — семянка без хохолка. Цветет летом. Обыкновенная сорная трава, произрастающая на паровых полях, на опушке лесов, между кустарниками.

Медицинское употребление. Бородавник употребляется в народе внутрь как слабительное средство. Отвар бородавника имеет слегка горьковатый редечный вкус, действует без боли, не ядовит. Молодые листья бородавника едят с уксусом, солью и маслом вместо салата. Снаружи бородавник употребляют для приготовления припарок, которые при-

кладывают на воспаленные места. Сушеную траву бородавника мелко толкут и ею посыпают раны.

БОРЩЕВИК ОБЫКНОВЕННЫЙ (*Heracleum sphondylium* L.). Борщ, Барщ, Борщ итальянский, Борщевник, Борщовка, Борчевка (Южн. Росс.), Барчовник, Бодран (Каз.), Болдран (Каз.), Борец, Большевик, Борщивник (Малор.), Гигль, Гигелье, Дягильник (Влад.), Дягиль (Уф.), Коровка (Тул.), Козел (Малор.), Козелец (Пенз.), Медвежья лапа, Моржовки, Пупырь-борщ (Кал.), Пучка, Пучки (Арх., Орен.), Пикан (Вятск., Перм.), Пикана (Сиб.), Роженец, Сладкая трава (Сиб.), Свинарник (Костр.), Свиноушка, Свиные дудки (Олон.), Дикие каперы (Влад.), Чистотел (Влад.), Верлома (Могил.), Ластовень (Тул.), Марана (Полт.), Болячечная трава (Вор., Тар.), Снить. Травянистое растение, двулетнее, из семейства зонтичных, распространенное в средней Европе, в Привислянском крае, в Литве, Крыму и Закавказье. Все растение покрыто жесткими волосами. Стебель вышиною от $\frac{3}{4}$ до $2\frac{1}{4}$ арш., толстый, бороздчатый. Листья перисто-рассеченные, с яйцевидными, зубчатыми, лопастными или перисто-раздельными долями; влагалища вздутые. Цветы белые в сложных, многолучистых, крупных зонтиках, большею частью без оберток, но с многолистными обверточками. Зубцы чашечки

заметные; лепестки обратно-яйцевидные, с загнутой верхушкой, глубоко-выемчатые, числом 5; краевые лепестки крупнее остальных. Тычинок — 5. Завязь нижняя, двугнездная, при цветах пушистая, с одним яичком в каждом гнезде. На верхушке завязь несет подушечку (железистый диск), выделяющую сладкий сок; столбиков 2. Плод — дву-семянка, обратно-яйцевидная, при созревании распадающаяся снизу вверх на 2 плодика, висящих на цельном или раздвоенном нитевидном столбике. В каждом плодике различают внутреннюю сторону (поверхность соприкосновения обеих семян) и наружную, называемую спинкой. На спинке каждого плодика выдаются 3 средних нитевидных и 2 краевых крылатых ребра. В стенке плода проходят продольные каналы, содержащие в себе эфирные масла, от которых зависит запах плода. Цветет с июня до осени. Растет на лугах и в лесах.

Медицинское употребление корней и листьев борщевика обыкновенного известно только в народной медицине. Корень растения считается очень хорошим средством от болей внизу живота, от вялого и тяжелого пищеварения, также его дают от многих нервных болезней, в особенности же от эпилепсии.

Листья борщевика действуют слабее, вкус отвара приятный, сладковатый; в народе отвар из листьев употребляется от поноса; отвар из листьев делается как чай: небольшую горсть сушеных листьев заваривают стаканом кипятка, дают настояться минут 15, затем процеживают и пьют через 2 часа по столовой ложке. Из корня готовят декокт, для этого $\frac{1}{2}$ унции корня (1 стол. л.) варят в 8 унциях (16 ст. л.) воды, пока не останется 6 унций (12 стол. л.); принимают также через 2 часа по столовой ложке.

Полынь-траву и корень борщевика употребляют от колтунов. Молодая трава борщевика служит в пищу вместо шпината.

БОЯРКА БЕЛАЯ (*Sorbus Aria* Crntz. syn. *Pirus Aria* Ehrh). Боярин белый, горный, сибирский, Боярышник белый, Боярышник мучнистый, Горд, Мучное дерево. Кустарник или дерево вышиной от 4 до 6 саж. из семейства яблоневых, распространенное в средней

и южной Европе и в горах Крыма и Кавказа. Листья округло-овальные или продолговато-яйцевидные, двояко-пильчатые, иногда слегка надрезанные. Белые цветы в ветвистых щитках. Соцветия, молодые побеги и нижняя сторона листьев покрыты белым войлоком. Чашечка 5-раздельная; лепестков 5; многочисленные тычинки сидят на диске, находящемся на краю вогнутого цветоложа. Завязь 2—5-гнездная с таким же количеством столбиков, она срастается с цветоложем и, разрастаясь вместе с ним, дает костянковые ягодообразные, шаровидные, красные с беловатыми крапинами плоды. Цветет в мае и июне. Плоды съедобны. Обыкновенно их едят после первых морозов. Кроме того, они составляют любимый корм домашней птицы. Благодаря обильному содержанию яблочной кислоты они служат для добывания уксуса и водки.

БОЯРЫШНИК КРОВЯНО-КРАСНЫЙ (*Crataegus sanguinea* Pall.). Боярка (дер. и плод.), Боярышник сибирский. Кустарник или деревцо с ярко-красными блестящими колючками и удлиненными побегами, распространенное в средней и северной России, по всей Сибири и на востоке Европ. России, реже встречается на Западе. Принадлежит к семейству яблоневых. Листья слегка лопастные (начиная от середины), остропильчатые с широко-клиновидным, цельно-крайним основанием, вдоль жилок и по краям с волосками, как и черешки, ярко-зеленые. Цветы мелкие, белые, собранные в щитовидные соцветия. Чашечка 5-раздельная, доли ее яйцевидные, заостренные, при плодах отвороченные; венчик 5-лепестной; многочисленные тычинки с пурпуровыми пыльниками сидят на диске, находящемся на крае вогнутого цветоложа. Завязь 2—5-гнездная, большею частью с 3 столбиками; она срастается с цветоложем, разрастаясь с которым образует продолговатый, мягкий, костянковый ярко-красный плод с 1—2 косточками. Цветет в апреле и мае. Находится в лесах между кустарниками. Разводится в садах для живых изгородей. В Томской губ. ягоды едят. Сушеные ягоды мелют и употребляют для начинки пирогов. Ягоды по предрассудку староверов есть грешно, так как иглистые ветви растения послужили венцом на главу Иисуса Христа, отчего и ягоды имеют кровавый цвет.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

- Борис БОНДАРЕНКО. ЗГА. Роман. Окончание. 3
Детектив. Приключения. Фантастика
Иван ЧЕРНЫХ. Смерть в объятиях. Повесть. 52

ПОЭЗИЯ

- Напутствие
Николай ИОДЛОВСКИЙ 50
Книга в журнале
Александр НЕКРАСОВ 71

ПУБЛИЦИСТИКА

- Славянская тетрадь
К 100-летию со дня рождения П. Д. Барановского . . . 77
Литературные беседы 88
Олег ПЛАТОНОВ. Убийство царской семьи 95
Восхождение к духовности. На Божьей ниве. 128
Новомученики российские 130

- Горе людское
Грант АПРЕСЯН. Хроника необъявленных убийств. 131
Дмитрий ЮРАСОВ. НКВД: механизм террора. 136
Любовь АРЕСТОВА. ...Но смерть отменить нельзя. 138

- Полный русский иллюстрированный Словарь-
травник и цветник 153

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
125015, Москва, А-15,
ул. Новодмитровская, 5а

Главный художник
Анатолий ВОИНОВ
Технический редактор
Надежда АЛЕКСАНДРОВА

285-88-60 — для справок
285-88-76 — отдел литературы
285-80-63 — приемная
285-88-22 — отдел публицистики, писем и массовой
работы
285-88-16 — отдел иллюстраций и оформления
285-80-20 — коммерческий отдел

Ордена Трудового Красного Знамени АО «Молодая гвардия». Адрес АО: 103030, Москва, К-30, Суховская ул., 21.

Типография ордена Трудового Красного Знамени АО «Молодая гвардия». Адрес: 125015, Москва, А-15, ул. Новодмитровская, 5а.

Сдано в набор 29.10.92. Подписано в печать 06.02.92. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,0. Усл. кр.-отт. 12,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 223 100 экз. Цена договорная. Заказ 2232.

Родина Г. Распутина. Село Покровское.

Верхотурский монастырь.

Тюмень. Монастырь.

Григорий Распутин. Художник Е. Клакачев (июнь, 1914).

Поистине, нет ничего более талантливого, чем талантливый русский мужик. Какой это своеобразный, какой самобытный тип! Распутин абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро и охотно раздающий деньги нуждающимся.

*Граф С. Ю. Витте
(1914 г.)*

Всем, кому небезразлично, как было скомпрометировано, обесславлено наше время и наша жизнь и как именем Григория Распутина хотели заклеить Россию,— в одном из следующих номеров журнала читайте книгу О. Платонова **«ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ»**.

Подписавшись на журнал «Россияне» на 1992 год, вы станете обладателями уникального издания — книги-журнала **«ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ»**.

В книгу включены десятки неопубликованных и неизвестных ранее документов и фотографий.

Подписной индекс журнала — 70258.

Материалы к 180-летию Бородинского сражения читайте в одном из следующих выпусков «Славянской тетради».

Индекс 70258

9 770320 103002 >

1992.4.34
RUTHERFORD